

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

2
2013
МАРТ •
АПРЕЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Петрухин В.Я.</i> (Москва). Киевское восстание 1113 года и еврейский погром (в интерпретации В.Н. Тагищева)	3
<i>Турилов А.А.</i> (Москва). Был ли переводчик Симеоновой эпохи пресвитер Григорий монахом?	12
<i>Кочегаров К.А.</i> (Москва). К истории пребывания в России гетмана П.Д. Дорошенко в 1677–1685 годах	17
<i>Таурова-Яковлева Т.Г.</i> (Санкт-Петербург). Представление украинской казацкой элиты о подданстве русскому царю	34
<i>Киселев М.А., Лазарев Я.А.</i> (Екатеринбург). Историографический призрак «Украинской дивизии»: к вопросу о российско-украинских отношениях в 1706–1708 годах	41
<i>Сазонова Л.И.</i> (Москва). Свадебные церемонии первых царей из дома Романовых	51
<i>Ковальская Э.</i> (Братислава). Традиция национальных святых Кирилла и Мефодия: возникновение и использование в политической пропаганде словацкого национализма	68
<i>Ясинская М.В.</i> (Москва). «Света белого не видеть» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий)	79

СООБЩЕНИЯ

<i>Хорошкевич А.Л.</i> (Москва). Война 1812 года и идея славянского единства	90
<i>Шведова Н.В.</i> (Москва). Наполеон в словацкой поэзии первой половины XIX века	95
<i>Хазанова М.И.</i> (Москва). Правила общения в рамках украиноязычных интернет-форумов и вербальная агрессия	101

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Толстой Н.И.</i> (Москва). Переписка И.В. Ягича с русскими филологами в конце 80-х годов XIX века	106
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Старченко Р.А.</i> Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. Сборник серии «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»	114
--	-----

<i>Акимова О.А.</i> XXVI конференция «Славяне и их соседи» памяти В.Д. Королюка	117
<i>Хаванова О.В.</i> Российско-венгерско-австрийская конференция «Российская империя и монархия Габсбургов в эпоху Наполеоновских войн»	121
<i>Герчикова И.А.</i> «Круглый стол» «Наполеоновские войны в литературах западных и южных славян»	123

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2013 г. В.Я. ПЕТРУХИН

КИЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1113 ГОДА И ЕВРЕЙСКИЙ ПОГРОМ (В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В.Н. ТАТИЩЕВА)

В статье анализируются летописная информация о событиях 1113 г., когда после смерти киевского князя Святополка восставшие киевляне разграбили дворы его администраторов и еврейский квартал – первый погром в русской истории. Вопреки утвердившимся в историографии стереотипам, восходящим к конструкциям В.Н. Татищева, евреи не могли играть роли главных эксплуататоров в древнерусском городе и, тем более, в его сельской округе, где ростовщическими операциями руководило боярство.

The article analyses the annalistic information about the events of 1113, when the Kievians, after the death of Prince Svyatopolk, robbed the yards of his administration and the Jewish quarter, what is known as the first pogrom in Russian history. Despite accepted stereotypes going back to the constructs of Vasily Tatishchev, Jews could not play the role of main exploiters in an old-Russian town and even less in the countryside, where money-landing operations were controlled by boyars.

Ключевые слова: Начальная летопись, антисемитизм, ростовщичество, боярство.

16 апреля 1113 г. скончался киевский князь Святополк Изяславич, наследник старшего сына Ярослава Мудрого. Как обычно на Руси в период «междоусобицы», несмотря на раздачу княжеских богатств вдовой Святополка, в Киеве начались беспорядки и грабеж дворов княжеских дружинников-администраторов (тысяцкого и сотников): «Кияни же разграбиша дворъ Путятинъ, тысяцкого, идоша на жида и разграбиша я. И послашася паки кияне к Володимеру (Мономаху в Переяславль. – В.П.), глаголюще: “Поиди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зло уздвигнется, то ти не Путятинъ двор, ни соцькихъ, но и жида грабити, и паки ти поидуть на ятровь (вдову брата Святополка. – В.П.) твою и на бояры, и на монастырѣ, и будеши отвѣтъ имѣль, княже, оже ти монастырѣ разграбятъ”» [1. С. 126; 2. Стб. 275–276].

Таково известие о первом в истории Руси погроме в Начальной летописи: судить по нему о причинах разграбления «жидов» невозможно. Более того, неясно идет ли в летописи речь об иудеях или о еврейском квартале, расположенном у Иудейских/Жидовских ворот Ярославова города в Киеве; судьба немногочисленной еврейско-хазарской общины, известной по Киевскому письму X в. [3], равно как и общины, против которой были направлены инвективы Феодосия Печерского

Петрухин Владимир Яковлевич – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена в рамках проекта «История – миф – фольклор: книжные сюжеты в славянской устной традиции» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»).

в конце XI в. [4. С. 418], остается неизвестной. Еще И.З. Берлин в обзоре источников по истории евреев в средневековой Руси [5. С. 148–149] предполагал, что речь могла идти о лишь названии киевского урочища «Жи́ды», а рассказ «Жития Феодосия» о его ночных проповедях в еврейском квартале можно отнести к топосам средневековой антииудейской полемической литературы.

К историографическим абберациям относится «известие Яна Длугоша» о погроме, устроенном русскими «воинами» на столетие ранее при взятии Киева князем Святополком и его союзником польским королем Болеславом Храбрым в 1018 г. во время борьбы за власть с Ярославом Мудрым. Цитирующий это известие (из старой публикации хроники Длугоша) Берлин справедливо отметил [5. С. 159]¹, что информация о погроме отсутствует собственно в древнерусских источниках, от которых зависели русские эпизоды в «Истории Польши» Длугоша; действительно, польский хронист XV в. был тенденциозен как в отношении истории Руси, так и в отношении к евреям [7. S. 267–292] – описание погромов в Кракове было общим местом его «Истории». В критическом издании Длугоша [8] известий о погроме 1018 г. нет (ср. отечественное издание «русских» эпизодов Длугоша [9. 246–249]).

Заметим, что волна погромов прокатилась по Западной Европе с началом крестовых походов (1096), тогда же «актуализировались» сюжеты религиозных наветов на евреев: конфликты этого периода достигли Чехии (и Польши) [10. С. 92–93], а их отголоски нашли отражение и в древнерусской книжности – таково известие о погроме 1113 г. и «Слове» о Евстратии Постнике, включающее средневековый «кровавый навет» на еврея-работорговца [11. С. 209–227].

Возможно, описания погромов, чинимых крестоносцами, повлияли и на изложение известия о «погроме» 1113 г. у Длугоша: погромы приписываются Длугошем «воинам» (*milites*) [9. С. 147–299] (так и в «подложном известии» 1018 г.), уstraшенные беспорядками киевляне призывают на княжение Мономаха, в Начальной же летописи говорится о недовольстве киевлян правлением Святополка. Этот летописный контекст во многом определил развитие историографии, посвященной событию 1113 г., начиная с В.Н. Татищева. Историк XVIII в. «развернул» летописное известие, предпослав ему весьма показательную преамбулу: дал обличительный портрет князя Святополка – в частности, тот был «вельми сребролюбив и скуп [...] жидам многие пред христианы вольности дал, чрез что многие христиане торгу и ремесл лишились» [12. С. 53]². Начальная летопись более сдержана в характеристиках этого «благоверного» князя (хотя он и замешан был в преступлении крестного целования и ослеплении князя Василька Теробовльско-го), зато Киево-Печерский патерик не щадит Святополка. В «Слове» о Прохоре Черноризце говорится: «Во дњи княжения своего в Киевѣ Святополкъ много насилие сотвори: дома силних искорени без вины, имѣния многих отъемъ – его же ради Господь попусти поганым силу имѣти на нем; и быша брани мнози от половец, к сим же усобицѣ» [14. С. 53]. Действительно, половецкое разорение коснулось в 1096 г. и самого Киево-Печерского монастыря; о нем рассказывается в «Слове» о Евстратии Постнике, повествующем о перепродаже половецких пленников еврей-работорговцу [14. С. 209–227]. В «Слове» о Прохоре говорится и о продолжении конфликта сребролюбивого князя с его подданными: из-за конфликта с князьями, правившими в юго-западных русских землях (после ослепления Василька), Святополк не пустил «гостий из Галича, ни лодий из Перемышля»: в результате «соли не бысть во всю Рускую землю». Княжеское окружение стало наживаться, спекулируя солью, черноризец же Прохор совершил чудо, обращая

¹ Цитата перекочевала в сводные работы по истории евреев: ср. сводку Ш. Эттингера [6. P. 320], где израильский историк упрекает Берлина в гиперкритицизме – недоверии к средневековым известиям о евреях.

² См. о характеристиках князя [13. С. 365].

пепел в соль и раздавая ее киевлянам. «Въсташа же продающеи, – говорится в Патерике, – навадиша ко Святополку на мниха», обвиняя чернеца в том, что он «отъял» их богатство; князь велел конфисковать соль у Прохора, но вновь свершилось чудо – соль оказалась пеплом. Устрашенный чудом князь оказал почести чернецу и «велику любовь нача имети» к монахам Киево-Печерской лавры, хотя ранее заточил их игумена, который был возвращен лишь благодаря заступничеству Владимира Мономаха [14. С. 55].

Неясно, насколько Киево-Печерский патерик, известный Татищеву [12. С. 85; 15. С. 44], повлиял на эти источники и на рисуемый историком портрет Святополка (ему известно было и «Житие» Прохора в Минеях), но известия Патерика серьезнейшим образом воздействовали на исторические реконструкции событий 1113 г. в последующей историографии. Историки по преимуществу следуют в этой реконструкции за Татищевым – более того, события 1113 г. оказываются едва ли не центральным эпизодом «Истории Российской», на основе которого решается вопрос о «доверии» Татищеву³.

Обратимся к этому эпизоду, представленному в обычно цитируемой историком пространной (второй) редакции татищевского труда. По смерти Святополка киевляне, собравшись у святой Софии «все согласно» избрали Владимира Мономаха на великое княжение. Владимир опасался отправляться в Киев, так как на киевский стол с большим основанием, чем переяславский князь, могли претендовать представители старшей ветви русского княжеского рода – черниговские Святославичи, Давид и Олег. Тогда-то киевляне, не хотевшие Святославичей, «разграбили дома тех, которые о Святославичех старались: первое дом Путяты тысяцкого, потом жидов многих побили и дома их разграбили за то, что сии многие обиды и в торгах христианом вред чинили. Множество же их, собрався в их синагоге, огородаясь, оборонялись, елико могли, прося времени до прихода Владимирова». «Киевские вельможи» посылают второй раз к Мономаху, угрожая ему Божьей карой, если восставшие разграбят и монастыри. «Ужаснувшийся» Владимир известил о своем приходе в Киев Святославичей, и был с почестями встречен киевлянами. Тогда «мятеж преста». «Однако ж просили его всенародно о управе на жидов, что отняли все промыслы христианом и при Святополке имели великую свободу и власть, чрез что многие купцы и ремесленники разорились: они же многих прельстили в их закон и поселились домами между христианы, чего прежде не бывало, за что хотели всех побить и дома их разграбить. Владимир же отвечал им: “Поеже их всюду в разных княжениях вошло и населилось много и мне непристойно без совета князей, паче же и противу правости, что они допущены прежними князи⁴, ныне на убийство и грабление их позволить, где могут многие невинные погинуть. Для того немедленно созову князей на совет”. И вскоре послал всех звать ко Киеву. Когда же князи съехались на совет у Выдобыча, по долгом разсуждении уставили закон таков: “Ныне из всея Руския земли всех жидов со всем их имением выслать и впредь не впускать; а если тайно войдут, вольно их грабить и убивать”. И послали по всем градам о том грамоты, по которым везде их немедленно выслали, но многих по городам и на путях своевольные побили и разграбили. С сего времени жидов в Руси нет, и когда которой придет, народ грабит и убивает» [12. С. 129].

Со времен Н.М. Карамзина эта трактовка событий была в целом принята в отечественной историографии [19. С. 87]. Правда, Карамзин, продвинувшийся в критическом анализе источников далее Татищева, отмечал, что в древних русских летописях под 1124 г. сообщается о том, что в Киеве «погорели жиды»:

³ См. историографию [11. С. 209–227; 16; 17; 18; 21. С. 32–33].

⁴ Согласно конструкции Татищева пленные евреи, приведенные еще князем Святославом из разгромленной Хазарии, были «в Киеве по реке Роси и другим градам поселены, которых много было и в начале владения Владимира II (Мономаха. – В.П.) изгнаны» [12. С. 231].

это означало, что евреи не были изгнаны из Руси в 1113 г. Но и это наблюдение не привело к попыткам критического анализа татищевского известия: напротив, Карамзин пошел дальше Татищева и связал с ростовщическим гнетом евреев те статьи «Устава Мономаха», принятого после его вокняжения, которые ограничивают «резоимание» – ростовщический процент [19. С. 89] (ср. [20. С. 388–389]). Эта «находка» была подхвачена советской историографией: М.Н. Тихомиров, в целом критически относившийся к источникам Татищева, в данном случае писал, что «евреи были банкирами Средневековья, через руки которых проходили большие денежные суммы» [22. С. 136–137] (ср. [23. С. 218–219])⁵. Из того факта, что Киев был большим торговым городом, с неизбежностью следовал вывод о том, что «евреи должны были принимать участие в ростовщических операциях Святополка и его тысяцкого Путяты» и т.д.

Доходило и до «глубинных» исторических конструкций в духе Татищева. Поскольку у историка XVIII в. жертвы восстания киевлян подозреваются в связях не только со Святополком, но и с черниговскими Святославичами, на историографическом горизонте появляется далекий пригород Чернигова – хазарская Тмуторокань. И несмотря на то, что Олег Святославич, уже давно ушедший из Тмуторокани, на Любечском съезде русских князей в 1097 г. был лишен старейшинства и прав даже на «отний» Чернигов, а отношения его с хазарами, по летописи, были исключительно враждебными [1. С. 87]⁶, в нем видят претендента на киевский стол, опирающегося на интересы хазарской торговой корпорации, включающей киевскую общину [17. С. 216] и т.п. Соответственно, «грабеж дворов тысяцкого и сотских, а также иудейской общины свидетельствовал о поражении политических противников Владимира Мономаха», равно как «иноземных (! – В.Л.) ростовщиков, установивших, подобно мафии, свое господство на местном рынке» [17. С. 223, 224] и т.д. И уж вовсе жутким эпилогом рисуются события 1113 г. у Л.Н. Гумилева: «хитрые ростовщики», проникшие через Польшу и Германию в Киев, чуть было не возродили на берегах Днепра «убитую химеру Иудео-Хазарии», не пытаясь прямо захватить власть, но поддерживая своего ставленника [25. С. 321–324].

Историографические «штампы», основанные на некритическом восприятии известий Татищева, попали не только в популярную литературу [26. С. 27], но и в комментарии к академическим изданиям древнерусских памятников [14. С. 404–405] и в вузовские учебники [27. С. 180–181] (ср. [28. С. 96–97]). Между тем скептическое отношение к известиям Татищева, не восходящим к известным науке источникам, было обстоятельно аргументировано, прежде всего, в работах С.Л. Пештича [29], а специально в связи с событиями 1113 г. – в статье Е.М. Добрушкина [18]⁷. Прежде всего, обращает на себя внимание, что первая «краткая» редакция «Истории Российской», в значительной мере следующая языку средневековых источников Татищева, лишена многих существенных мотивов, присутствующих во второй редакции. В частности, там нет негативной характеристики Святополка (хотя упоминается о великом «гладе» и распродаже «казенной соли»

⁵ М.Н. Тихомировым приводится также антииудейское сочинение XIII в. «Словеса святых пророк», в содержании которого усматривается мотив попустительства некоего князя евреям, хотя положение евреев, лишенных своей земли (мотив, знакомый по летописным прениям о вере), рисуется «словесами» в прямо противоположном свете: «Вам уже работающе в нас», – говорится там о зависимом положении иудеев.

Установки советской историографии, сформулированные в трудах Грекова и Тихомирова, были развиты И.И. Смирновым, настаивавшим на практически полном доверии Татищеву (ср. [24. С. 252–259]).

⁶ Известие о том, что Олег «исече козары» – последнее упоминание хазар в летописи.

⁷ Впрочем, тема погрома и изгнания евреев из Русской земли не рассматривается в связи с событиями 1113 г. в этой статье, как и в работе А.П. Толочко, специально посвященной источникам Татищева [13].

по «Слову» о Прохоре) и ничего не говорится о его связи с евреями. Первоначальный отказ Мономаха идти в Киев аргументируется его боязнью не только Святославичей, но и сыновей Святополка. Мономах хочет «уладиться» с Давидом Святославичем, и тогда противники черниговских князей «разграбиша двор Путяты тысяцкого, идоша же на жиды, многии избиша, и домы их разграбиша, зане сии многу тщету и смуту людем творяху». Князь откликается на второй призыв. «По малех днех пришедше кияне ко Владимиру, начаша жалитися на жиды, яко испродаша люд, отгяша христианом торг и многи наворочают на свою веру; и хотяху вся избивати. И рек Владимир: “Не леть ми есть, не сослався со братиею, князи рускими, толико жидов по всей Руси изгубити, ни выгнати; ач пошло ко братии”. Егда же князи снидошася на съем (место «сейма» не указано. – В.П.), тогда уложиша из вся Руския земля изгнати жиды. И изгнаша, и многи по градам избиша, а имение их пограбиша. И отселе не смеют жиды в Рускую землю приезжати, всюду бо их избивают» [30. С. 179–180].

Сопоставление двух редакций «Истории» Татищева обнаруживает общую тенденцию, направление которой было задано историку его источниками. Очевидно, что эти источники не отражали собственно древнерусских реалий: из домонгольских памятников о еврейском засилье в Русской земле (даже если понимать ее в узком смысле – как Среднее Поднепровье), в том числе о «продаже» (незаконных поборах, ростовщичестве) и «отгятии» торговыми евреями ничего неизвестно [31; 32]. Характерно, в частности, что Киево-Печерский патерик, «Слова» которого имели вполне определенную антииудейскую риторическую направленность, ничего не знает о реконструируемой современными исследователями еврейской спекуляции солью при Святополке: князя натравливают на монаха-чудотворца некие «продающие», но не евреи.

Скептически отнесся к известиям Татищева о причинах восстания 1113 г. и А.А. Зимин, хотя и он писал об особом покровительстве, оказываемом Святополком ростовщикам; впрочем, Зимин отмечал, что против ростовщиков было направлено и новгородское восстание 1209 г., но ростовщичеством там занимались отнюдь не евреи, а бояре Мирошкиничичи [33. С. 221 и сл.]. Равным образом содержание статей Пространной правды («Устава Мономаха») связано отнюдь не только с урегулированием отношений между должником-купцом и займодавцем, относящихся к «городской» сфере экономики (ст. 54–55); статьи 56–64 посвящены правовому положению *закупов*, крестьян-смердов, получивших ссуду от феодала-землевладельца, условиям выплаты этой ссуды или окончательного закабаления закупа – превращения его в *обельного холопа* [34. С. 113–115]; (ср. [35. С. 240 и сл.]). О том, что такого рода отношения были характерны не только для Киевской земли, свидетельствуют новгородские берестяные грамоты: в грамоте второй трети XI в. (№ 526) содержатся сведения по сбору *истины* (капитала) и *намов* (процентов) от жителей разных районов Новгородской земли – очевидно, что такого рода ростовщичеством и здесь занималось боярство, участвовавшее в государственном фиске [36. С. 342–343] (ср. относящуюся ко временам Мономаха грамоту № 736 [37. С. 34–35]). Более того, судьбы киевского и новгородского боярства были связаны как раз в правление Мономаха, объединившего Русь: в 1118 г. новгородские бояре были вызваны в Киев, виновные в грабеже были арестованы (в том числе сотник Ставр). Трудно сказать, формировалось ли в этот период единое боярское «сословие», но существование административной системы сотских и тысяцких в древнерусских городах продемонстрировано недавно В.А. Кучкиным – их усадьбы подверглись разграблению в Киеве в 1113 г. в первую очередь [38. С. 415–416]. Однако, общим местом в историографии остается представление о наличии в Киеве, как и во всяком европейском столичном городе, евреев-ростовщиков, но именно европейские аналогии обнаруживают невероятность участия евреев в феодальной эксплуатации и закабалении кре-

стьянства: это (в отличие от кредитных операций) было запрещено европейским законодательством [39. Р. 197–207].

Что касается источников Татищева, то ясно, что «Устав Мономаха», принятый с его «мужами» (и «мужем» Олега Святославича, что опять-таки никак не свидетельствует о его претензиях на киевский стол) в Берестове не имеет отношения к вымышленному «сейму» русских князей в Выдобище в передаче Татищева – на это обратил особое внимание И.З. Берлин [5. С.161] (ср. [18]).

Тот же Берлин осторожно предположил (вслед за А. Гатцуком), что «известие, приводимое Татищевым об изгнании евреев из Киева, есть позднейшее свидетельство какого-нибудь хронографа или хроники XVII в., автор которого желал показать своим современникам, как поступил с “нечестивыми жидами” лучший из древнерусских князей и как теперь следует поступать с ними» [5. С. 161]. Действительно, мотивы еврейского засилья, равно как и мотив соращения христиан в иудаизм, характерны для источников – а, отчасти, и быта – XVII в. Мещанство Киева, Переяслава (древнего Переяславля – отчины Мономаха), Черниговской и Северной земель постоянно обращалось с жалобами к властям Речи Посполитой о притеснении, чинимом евреями христианам. Ср. жалобу мещан Переяслава 1623 г.: «немалое число жидов в месте нашем переяславском [...] мало не весь торг оселяся домами, лавками и подобными хоромными строениями своими в пожитках им (христианам) утеснения разные чинят». Власти вынуждены были считаться с этими жалобами: в 1619 г. Киев получает право *de non tolerandis judaeis* – в грамоте Сигизмунда III евреи могут останавливаться в Киеве на один день лишь в гостинных домах [40. С. 520] (ср. [41. С. 64, 130; 44. С. 20 и сл.]). Получивший в управлении Северскую и Черниговскую земли королевич Владислав писал: «Выражаем нашу непременную волю, чтобы в вышеуказанных местах не допускали жидов ни селиться, ни проживать, чтобы не осмеливались принимать в города и чтобы они не только не брали никаких аренд, но никакой продажи и торговли не производили» [40. С. 522]. Неслучайно и русско-польские переговоры 1610 г. об условиях венчания Владислава на царство включали пункт (ст. 2) о запрещении евреям бывать с какими-либо делами в Московском государстве [42. С. 65] (ср. [43. С. 183–184]).

В отличие от Древней и Средневековой Руси в Речи Посполитой евреи имели королевские привилегии и собственную социально-экономическую нишу, в том числе в поземельных (арендных) отношениях на колонизируемой Украине, где пользовались поддержкой польских магнатов (см. работы Ш. Эттингера [41] и др.). Указы властей на практике не выполнялись, антиеврейские требования мещан повторялись и приобрели особую остроту в период восстания Хмельницкого. Сам мятежный гетман в «листах» русскому царю не раз писал: «И о том Бога просим, чтоб ляхи и жида болши над православными христианы не государствовали, понеже они, яко хитрые, издавна извыкли кровь христианскую розливати и измену чинити» [45. С. 38. № 20; С. 88. № 44] (ср. мотив «смуты» у Татищева в первой редакции). Московское правительство вступилось за единоверцев: на переговорах с представителями Речи Посполитой в 1653 г. московские послы упрекали поляков: у них «не токмо что розных вер людям насилия и поругания нет, но и жидом, которых всех христианом гнушати и ненавидети их годитца, во всем повольность и школы свои жидовские имеют по своей воле где хотят [...] и живут в своей вере вольнее благочестивых христиан». Поляки оправдывались. Заявляя, что король «жидом не присягает, а имеет их в своем государстве за невольников (статус сервов казны, определяемый средневековыми привилегиями. – В.П.), и вольно де королевскому величеству тех жидов из своего государства выгнать, что псов. А греческого закону (православным. – В.П.) людем королевское величество присягает и по своей присяге неволи им никакие не чинит» [45. С. 135. № 70. Ср. С. 150, 265, 278].

Социальные и конфессиональные конфликты эпохи кризиса феодальной системы привели к катастрофе еврейского населения Украины времен «хмельничины». Еврейские общины, не раз подвергавшиеся нападениям и погромам и до восстания 1648 г., создали особый архитектурный тип синагог-крепостей, где можно было отсидеться, ожидая подхода коронных войск и восстановления порядка [44. С. 66] – этот мотив имеется во второй редакции «Истории» Татищева. После заключения Зборовского мира 1649 г. евреям запрещено было селиться на территории Черниговского, Киевского и Брацлавского воеводств: согласно Зборовскому договору (ст. 7) евреи не могли быть ни владельцами, ни откупщиками, ни жителями в украинских городах, где казаки имеют свои полки. «А которые жида объявятся за Днепром, тех жидов в запорожском войске грабить и отпускать назад за Днепр» [46. № 303. С. 415].

Следует отметить, что и после «хмельничины» и присоединения «Русской земли» – Малороссии в Среднем Поднепровье (Чернигова, Переяславля, затем и Киева) к Российскому царству заинтересованность местной феодальной верхушки в евреях, как посредниках в аренде, откупах и т.п., не миновала. Политика же царского правительства в отношении евреев, даже после петровских реформ, существенных изменений не претерпела. Это приводило – уже в татищевское время, в первой половине XVIII в., к неоднократным указам о высылке евреев – несмотря на их малочисленность – из Малороссии, в том числе собственно петровскому 1721 г., Екатерины I 1727 г., Анны Иоанновны 1731 и 1738 гг., Елизаветы Петровны 1742 г.; временно пребывающим в Малороссии евреям была запрещена розничная торговля. За петровским указом следовал универсал гетмана И. Скоропадского, предписывавший (вслед за Зборовским договором) при обнаружении еврея в Малороссии оштрафовать приютившего его владельца и «все его жидовское имение разграбивши, с бесчестием и умалением здоровья прочь за рубеж обнаженного выгнать» [47. С. 123 и сл.] (ср. [48. С. 11 и сл.; 29. Ч. II. С. 159]). Эта средневековая правовая традиция явно повлияла на формулировки «сейма» князей в Выдобице, проводимого по инициативе Мономаха, согласно конструкции Татищева.

Очевидно, что Татищев, приверженец петровских реформ, разделял предрасудки эпохи – и самого Петра⁸, что не могло не сказаться на «реконструкции» им исторических событий, связанных с начальным этапом еврейской истории в Древней Руси. С.Л. Пештич, ссылаясь на указы 1727 г. и 1742 г. о высылке евреев, напрямую связывал «антисемитскую заостренность» татищевского рассказа о событиях 1113 г. со стремлением «исторических обосновать реакционное законодательство царизма в национальном вопросе» [29. С. Ч. II. С. 159]. Российское государство в это период впервые столкнулось с проблемой присутствия еврейского населения на его территории – прежние спорадические контакты с оказывавшимися под российской властью евреями регулировались окказиональными

⁸ Характерны слова, приписываемые Петру: «Я хочу видеть у себя лучше народов магометанской и языческой веры, нежели жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не располагаю; не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том ни стараются и как ближних ко мне не подкупают» [49. С. 74]. По сути эти слова мало чем отличаются от знаменитого послания Ивана Грозного Сигизмунду-Августу о польских купцах-евреях: «А что еси писал нам, чтобы жидом твоим позволили ездити в наши государства по старине, и мы к тебе о том писали наперед сего неодинова, извещая тебе от жидов лихия дела, как наших людей и от крестьянства отводили и отравныя зелья в наше государство привозили и пакости многие людям нашим делали; и тебе было брату нашему, слышав такая их злые дела, много о них писати непригоже: занже и в иных государьствах, где жида побывали, и в тех государьствах много зла от них делалось... и нам в свои государьства жидам никак ездити не велети, занже в своих государьствах лиха никакого видети не хотим» [50. С. 77–78].

При этом просветительские установки самого Татищева, утверждавшего, что «умному до веры другого ничто касается [...] ибо не смотрит на веру, но смотрит на его товар, на его поступки и нрав», вступали в противоречие с проводимой им административной практикой: по его приказу в 1738 г. был сожжен (в тот же год, что и перешедший в иудаизм А. Возницын [55]) как вероотступник крещеный башкир Тойгильда, вернувшийся в ислам [51. С. 14]; (ср. [29. Ч. II. С. 149]).

актами; традиционные для феодального общества способы использования евреев как арендаторов и откупщиков в Малороссии приводили к традиционным формам конфликтов – погромам и наветам [52. С. 321–341]⁹.

Конечно, это была не единственная мотивировка исторической реконструкции у Татищева: Мономах был для него (как и для Карамзина) образцом раннесредневекового государя и, в этом смысле, предшественником Петра; между тем «законность» его вступления на киевский престол, минуя старших представителей княжеского рода, была сомнительной, что осознавал сам Татищев¹⁰. Его избрание на престол должно было быть связано с восстановлением порядка и законности: Татищев до предела «развернул» скудные летописные известия¹¹, чтобы продемонстрировать эти правовые акции Мономаха, в том числе в отношении евреев. Татищевская реконструкция, однако, не была простым вымыслом или даже модернизацией истории (в этом можно упрекнуть, скорее, современных историографов): Татищев явно основывался и на современных ему источниках и на традициях московской средневековой дипломатии, выводя из них парадигму отношения к евреям на Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996.
2. Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. II.
3. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Научная редакция, послесловие и комментарии В.Я. Петрухина. Изд. 2-е исп. и доп. М.; Иерусалим, 2003.
4. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1.
5. Берлин И. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пг., 1919.
6. The World History of the Jewish People. The Dark Ages. Tel Aviv, 1966.
7. Zaremska H. Żydzi w Średniowiecznej Polsce. Gmina Krakowska. Warszawa, 2011.
8. Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Varsaviae, 1964. V. 1
9. Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI) / Под ред. и с доп. А.В. Назаренко. М., 2004.
10. Рандин А.В. «Христианское общество» и еврейский элемент в средневековой Чехии (X–XVI вв.) // Славяне и их соседи. М., 1994. Вып. 5. Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Средние века – Новое время.
11. Белова О.В., Петрухин В.Я. Еврейский миф в славянской культуре. М., 2008.
12. Татищев В.Н. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1963. Т. II.
13. Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева. М.; Киев, 2005.
14. Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999.
15. Тихомиров М.Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В.Н. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1963. Т. II.
16. Валк С.Н. «История Российская» В.Н. Татищева в советской историографии // Татищев В.Н. Собрание сочинений. М., 1968. Т. VII.
17. Фроянов И.Я. Древняя Русь. М.; СПб., 1995.
18. Добрушкин Е.М. О двух известиях «Истории Российской» В.Н. Татищева под 1113 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. III.

⁹ Свое повествование о «жидотрепани» – кровавом навете с последующей расправой над евреями в Малороссии начала XVIII в. Н. Костомаров (ср. тиражируемое ныне издание под грифом «Актуальная русская история» [53. С. 301–334]) начинает с упоминания погрома 1113 г., а завершает цитированными словами Петра. В этом отношении представление о том, что «химический антисемитизм» (с кровавыми наветами и т.п.) составлял существо средневекового антисемитизма в «западнхристианском мире», в то время как восточнохристианский мир ограничивался «антииудаизмом» [21. С. 32–33], нуждается в коррективах. Обойденным остался сюжет «Слова» о Евстратии Постнике и в обзорной статье Дж. Клира, возводившего распространение кровавого навета в русском православном мире к началу XVIII в. [54].

¹⁰ Отсюда, как показал Е.М. Добрушкин [18. С. 284], настойчиво проводимые Татищевым негативные характеристики Олега Святославича, как потенциального претендента на киевский стол.

¹¹ А.П. Толочко [13] продемонстрировал бесперспективность поисков древних летописных источников В.Н. Татищева, в том числе так называемой Голицынской и Раскольничьей летописей, возможность существования которых признавал С.Н. Валк и др. [16. С. 24–26].

19. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. II.
20. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1988. Т. I.
21. Дмитриев М.В. Антииудаизм и антисемитизм в православных культурах Средних веков и раннего Нового времени (обзор исследований) // Евреи и славяне в православных обществах Восточной Европы. М., 2011.
22. Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975.
23. Греков Б.Д. Избранные труды. М., 1959. Т. II.
24. Смирнов И.И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII вв. М.;Л., 1963.
25. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
26. Кандель Ф. Очерки времен и событий. Иерусалим, 1988.
27. История России с древнейших времен до конца XVII в. М., 1996.
28. Скрынников Р.Г. Русская история IX–XVII вв. СПб., 2006.
29. Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Л., 1961–1965. Ч. I–II.
30. Татищев В.Н. Собрание сочинений. М., 1964. Т. IV.
31. Чекин Л.С. К анализу упоминаний о евреях в древнерусской литературе // Славяноведение. 1994. № 3.
32. Петрухин В.Я. Евреи в древнерусских источниках. XI–XIII вв. // История еврейского народа в России. М.; Иерусалим, 2010.
33. Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999.
34. Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1.
35. Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // Новосельцев А.П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
36. Янин В.Л. Я послал тебе бересту. М., 1998.
37. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000. Т. X.
38. Кучкин В.А. Десятские и сотские Древней Руси // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008.
39. Varon S. A social and religious history of the Jews. New York and London, 1957. Vol. IV.
40. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1878. Т. X.
41. Эттингер Ш. Россия и евреи. Иерусалим 1993.
42. Сборник Русского Исторического Общества. Юрьев, 1906. Т. 124. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, часть 5-я (годы с 1609 по 1615).
43. Говорун М.А. Вопросы о церкви и вере в русско-польских переговорах 1610 г. // Средневековое православие: от прихода до патриархата. Волгоград, 1997.
44. Боровой С.Я. Классовая борьба на Украине XVII в. в свете современных еврейских хроник // Еврейские хроники XVII столетия. Эпоха «хмельничья». М., 1997.
45. Заборовский Л.В. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. М., 1998. Ч. 1.
46. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1861. Т. III.
47. С.Д. (Дубнов). Выдворение евреев из Малороссии во второй четверти XVIII в. // Еврейская старина. 1913.
48. Гессен Ю. История еврейского народа в России. М.; Иерусалим, 1993.
49. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 15 // Соловьев С.М. Сочинения. Книга VIII. М., 1993.
50. Чтения общества истории и древностей Российских. М., 1860. Т. 4.
51. Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. I.
52. Калик Ю. Еврейское присутствие в России в XVI–XVIII вв. // История еврейского народа в России. М.; Иерусалим, 2010.
53. Костомаров Н. Русские инородцы. М., 1996.
54. Клиер Д. Кровавый навет в русской православной традиции // Евреи и славяне в православных обществах Восточной Европы. М., 2011.
55. Фельдман Д. «Последний инквизиционный костер в России»: Московское следствие по делу Александра Возницына и Бороха Лейбова // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М., 2005. № 6–7. Приложение.

БЫЛ ЛИ ПЕРЕВОДЧИК СИМЕОНОВОЙ ЭПОХИ ПРЕСВИТЕР ГРИГОРИЙ МОНАХОМ?

В статье под новым углом зрения рассматривается вопрос об известном древнеболгарском переводчике рубежа IX–X вв. пресвитере Григории, его социальном статусе и месте в церковной иерархии. На основании широкого круга более поздних аналогий делается вывод, что смысл записи со временем подвергся искажению: Григорий был не монахом, а дворцовым протопопом, который ведал церквями в княжеских владениях и их клиром.

The article suggests a new approach to studying the social status and place in the church hierarchy of the famous old-Bulgarian translator of the turn of the ninth–tenth centuries Presbyter Gregory. A wide range of later analogies let come to the conclusion that the meaning of the text was misinterpreted: Gregory was not a monk, but a court archpriest, who was in charge of the churches in the prince's domains and their clergy.

Ключевые слова: Болгария, князь Симеон, библейские переводы, славянское богослужение, дворцовый протопресвитер, экзарх.

Запись древнеболгарского переводчика «пресвитера-мниха» Григория, деятельность которого пришлась на время князя Симеона (893–913), до принятия последним царского титула, была открыта К.Ф. Калайдовичем в Архивском списке Иудейского хронографа и опубликована в 1824 г. [1. С. 15]. С тех пор она не перестает привлекать к себе внимание исследователей. К настоящему времени запись известна в трех достаточно близких по времени списках – уже упомянутом Архивском третьей четверти XV в. [2. Л. 199] (последнее по времени издание записи см. в [3. С. 358]), Вильнюсском первой трети XVI в. [4. Л. 242] (см. [5. С. 252])¹ и сравнительно недавно введенном в научный оборот Варшавском списке рубежа XV–XVI вв. [7. С. 666] (см., например [8. С. 30; 9. С. 115–116; 10. Т. 2. С. 117]). Текст записи во всех списках чрезвычайно устойчив, что позволяет не обращать внимания на орфографические варианты, а сосредоточиться на сути. Приведу ее, упростив правописание, по старшему из списков:

«Книги Завета Божия Ветхаго, сказующе образы Новаго Завета истинну сушу, преложения от греческаго языка в словенский при князи бльгарстем Симеоне сыне Бориши Григорием пресвитером мнихом [!] всех церковник бльгарских церквии, повелением того книголюбца князя Симеона, истине же рещи боголюбца» [3. С. 358].

Исследователи уделяли много внимания (можно сказать даже – преувеличенно много) тому, что создал (в реальности или гипотетически) пресвитер Григорий.

Турилов Анатолий Аркадьевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Современную датировку рукописи см. в [6. С. 42–44].

В результате объем литературы, посвященной записи и оставившему ее болгарскому книжнику рубежа IX–X вв.² настолько превосходит объем самой записи, что процентное соотношение между ними может послужить предметом самостоятельного исследования.

В настоящее время, после очередной мифоборческой статьи Фр. Дж. Томсона, мы имеем достаточно ясное представление о том, чего Григорий несомненно не делал и кем он не являлся [15. Р. 234–237] (ср. [11. С. 543–545; 13. С. 557–558]) (переводчиком и составителем всех сочинений, входящих в Архивский сборник с Иудейским хронографом, переводчиком «Изборника 1073 г.», епископом Мизии, духовником киевской княгини Ольги, первым киевским летописцем, и т.д.). Это, однако, не позволяет сказать со всей уверенностью, кем же он был помимо того, что занимался переводами библейских книг. Удивительным образом исследователи в массе своей не придавали и не придают большого значения несогласованности характеристики церковно-социального статуса книжника, который именуется себя в записи «пресвитером мнихом [!] всех церковник церквей болгарских». В самом деле, если еще можно представить себе «пресвитера всех церковник» (хотя подобное определение все же будет нуждаться в объяснении – см. ниже), то абсолютно нельзя вообразить «мниха всех церковник». Ситуацию не спасает и перестановка слов («мниха пресвитера»), поскольку она явно нарушает иерархию (пресвитер, безусловно, имеет более высокий статус, чем монах и должен стоять на первом месте). Явно не улучшает положения дел и допущение, что речь идет о синониме сочетания «иеромонах», поскольку «иеромонах всех церковник болгарских церквей» возвращает нас к исходной позиции. В литературе (причем не только исторической, но и филологической) при цитировании или переводе пассажа трудное место обычно подправляется: слова «всех» и «церковник» меняются местами, при этом последнее, представляющее родительный падеж множественного числа, трактуется как искажение творительного единственного. В результате титул Григорий звучит как «пресвитер-мних, церковник всех болгарских церквей» (см., например [10. Т. 2. С. 200, 294; 11. С. 543; 16. С. 74; 17. С. 77]).

Приходится признать, что в данном случае мы имеем дело с несомненно испорченным (и, возможно, неоднократно) чтением, причем повреждение его произошло, как минимум, на стадии протографа дошедших записей, т.е., не позднее 1262 г., времени составления Иудейского хронографа.

Будучи сторонником по возможности простых (но отнюдь не упрощенных) объяснений, я предлагаю следующую версию истолкования существующего чтения и механизма его трансформации. Существительное «мниха» появилось в записи в результате ошибочного прочтения исходного варианта. Учитывая опыт реальной книгописной практики, не будет натяжкой допустить, что слово, читающееся сейчас как «мниха», на определенном этапе могло существовать в виде почти идеограммы – буквы А (греч. «монос», числовое значение в греческой и славянских азбуках «один») с выносным Х над ней. Подобное написание слова надежно засвидетельствовано в средневековых южнославянских рукописях, хотя и более позднего времени³ (при том, что здесь несомненно использована греческая модель). Однако подобное краткое написание слова почти автоматически допускает возможность его смешения (как в ту, так и в другую сторону) с порядковым числительным «первый» (греч.: «протос»), причем дополнительным стимулом для путаницы могло служить написание числительного под двойным (или

² Обзор мнений и библиографию см., например: [10. С. 294–295; 11. С. 544–545; 12. С. 113; 13. С. 557–558; 14].

³ Наиболее полную подборку примеров из сербских рукописей XIV–XVI вв. см. в [18. С. 103–105]. К этому можно добавить также достаточно ранние примеры из записей писцов-монахов («А(х)»-ов) Иоанна и Марка в болгарских рукописях, соответственно, 1340-х годов и середины XIV в. (см. [10. С. 57, № 78; 60, № 86]).

даже тройным) титулом, что не является редкостью, в отличие от древнерусских в южнославянских рукописях (см. [19]). Написание сложного слова, включающего определение *прото-* (или *перво-*), с использованием числового обозначения также известно в славянских памятниках⁴. В таком случае получаем исходное (или, скорее, еще одно промежуточное чтение): «пресвитером 1(-м)», т.е. «протопресвитером», протопопом. Первоначально, здесь читалось, что вполне естественно и подтверждается дошедшими примерами (см. выше), «1-пресвитером». Перемещение порядкового числительного произошло, по всей вероятности, одновременно с его осмыслением как существительного «мних»: писец таким способом «восстановил» статусный порядок.

Реконструируемый подобным образом вариант – «протопресвитер всех церковник церковей болгарских» – нуждается, естественно, в объяснении, которое во многом зависит от того, какой смысл вложен книжником в сочетание «болгарские церкви». В первую очередь, само собой напрашиваются следующие истолкования: 1) церкви (все) на территории Болгарского княжества; 2) церкви с богослужением на славянском (болгарском) языке; 3) церкви в непосредственных владениях болгарского правителя (князя).

Из предложенных вариантов наименее вероятным представляется второй. Практически непреодолимым препятствием оказывается здесь отождествление терминов «болгарский» и «славянский» для рубежа IX–X вв., тем более при несомненной разведенности их в самой записи («словенский» язык, но «болгарские» церкви).

Существенные сомнения вызывает и первый вариант, независимо от того, будем ли мы считать «протопресвитера всех церковник церковей болгарских» представителем архиепископской (греческой) или же княжеской (болгарской) администрации. В первом случае этому явно противоречит то обстоятельство, что архиепископ не фигурирует в записи Григория даже в качестве современника событий⁵ (не говоря уже о том, что, согласно дошедшим свидетельствам, инициатором переводов на славянский язык в Болгарии в ту эпоху постоянно выступает князь и его ближайшее окружение, но отнюдь не греческие архиереи). Во втором приходится предполагать существование в Болгарии на рубеже IX–X вв. наряду с архиепископской системой управления Церковью (и параллельно с нею) княжеского контроля через посредство означенного протопресвитера⁶. Хотя подобная параллельная система и была, почти несомненно, желательна для болгарской светской власти, ее создание было едва ли возможно без конфликта с греческой церковной администрацией.

Остается предположить третье, что речь идет о церквях, находящихся непосредственно в княжеских владениях, количество которых в рассматриваемый период должно было составлять немалый процент от общего их числа в стране. Подобному истолкованию можно привести аналогию (при отсутствии таковой на болгарском материале, пусть даже позднейшем) из ранней (рубеж XII–XIII вв.) истории сербской державы Неманичей. В жалованной грамоте 1219 г. сербского короля Стефана Первовенчанного монастырю Жича содержится упоминание

⁴ Например, «А игумену» в послании митрополита Киприана 1378 г. (племяннику прп. Сергия Радонежского игумену Симонова монастыря Феодору), справедливо истолкованное Г.М. Прохоровым как «протоигумену» или «первоигумену» (см. [20. С. 171–172, 203]). Ср. также написание «первомученика» как «А мученика» применительно к архидьякону Стефану в месяцеслове западно-болгарского Струмицкого Апостола XIII в. [21. С. 1].

⁵ Впрочем, умолчание Григория о современном ему архиерее находится в полном соответствии с традицией выходных записей славянских книгописцев вплоть до XIV в., независимо от языкового извода: церковные иерархи в подавляющем большинстве случаев упоминаются в них только как зазачники (см. [22; 10. Т. 1. С. 25–69; Т. 2. С. 117–118]).

⁶ Такое предположение высказывалось мною ранее (см. [13. С. 557]), однако в данный момент оно не кажется мне убедительным.

дворцового протопопа («протопопа дворьски»), из ведения которого изымаются («нема никоере области») административные единицы (жупы), переданные новооснованной обители (см. [23. С. 114–115]). Из дальнейшего текста явствует, что речь шла о половине доходов (вторая предназначалась архиепископу), поступавших от приходских священников (включая так называемую «земльну поповьску бирь» (подробнее см. [24. С. 47–49])) и от пастушеского населения (влахов) [23. С. 114–115]. Таким образом, дворцовый протопоп (= протопресвитер), помимо осуществления духовного надзора в отношении подведомственных ему священников⁷, выступает и как заметная фигура в администрации светского правителя. Поэтому есть достаточно оснований трактовать протопресвитера Григория как одного из прещественников (возможно, даже непосредственного) Иоанна Экзарха (именуемого в заглавии ряда его сочинений «пресвитером (и) экзархом») (см., например [26. С. 83, 84])⁸, который действовал до учреждения патриаршества и «национализации» церкви в Болгарии и потому, вероятно, не обладал высоким почетным титулом своего преемника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Калайдович К.* Иоанн ексарх Болгарский. М., 1824.
2. Российский государственный архив древних актов. Ф. 181 (РО б-ки МГАМИД). № 279.
3. Каталог славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в РГАДА / Сост. И.Л. Жучкова, Л.В. Мошкова, А.А. Турилов. М., 2000.
4. Библиотека Академии наук Литвы. Ф. 19. № 109.
5. *Добрянский Ф.Н.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильна, 1882.
6. Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе: Каталог / Сост. Н. Морозова. Вильнюс, 2008.
7. Национальная библиотека Польши. BOZ. № 83.
8. *Щапов Я.Н.* Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Ч. 1. С. 30.
9. *Николова С.* Някои текстологически проблеми в панегиричното творчество на Климент Охридски // Кирило-Методиевски студии. София, 1984. Кн. 1. С. 115–116.
10. *Христова Б., Караджова Д., Узунова Е.* Бележки на българските книжовници X–XVIII вв. София, 1985. Т. 1. София, 2004. Т. 2.
11. *Грашева Л.* Григорий // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1985. Т. 1.
12. *Милтенова А.* Григорий // Стара българска литература: Енциклопедичен речник / Съст. Д. Петканова. София, 1992.
13. *Турилов А.А.* Григорий // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12 (Гомельская и Жлобинская епархия – Григорий Пакуриани).
14. История на българската средновековна литература / Съст. А. Милтенова. София, 2008.
15. *Thomson Fr. J.* The Bulgarian Contribution to the Reception of Bizantine Culture in Kievan Rus': The Myth and the Enigma // Harvard Ukrainian Studies, 1988–1989. Vol. 12–13 (Proceedings of the International Congress Commemorating the Millenium of Christianity in Rus'-Ukraine).
16. *Божилев И.* Цар Симеон Велики (893–927): Златен век на Средновековна България. София, 1983.
17. *Полывинный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV вв. Иваново, 2000.
18. *Радожичић Ђ.Сп.* «Ах» у старој српској писмености // *Радожичић Ђ.Сп.* Творци и дела старе српске књижевности. Титоград, 1963.
19. *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928 (репринт – М., 1979). С. 40; *Турилов А.А.* О датировке и времени создания календарно-математических текстов – «семи тысячников» // Естественнаучные представления Древней Руси: Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные» книги. Астрология. Минералогия. М., 1988. С. 36.
20. *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.

⁷ О функциях протопопов в Охридской архиепископии и в державе Неманичей (мало отличавшихся, по всей видимости от их функций в Болгарии времени княжения Бориса и Симеона) см. подробнее в [25. С. 597–598].

⁸ Подобное титулование – вопреки мнению автора указанной статьи [24. С. 85–89] – исключает, разумеется, архиерейский сан Иоанна в принципе. Подробнее о возможных значениях титула «экзарх» применительно к Иоанну см. [26].

21. Словарь старославянского языка (Репринтное изд.). СПб., 2006. Т. 1.
22. *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Београд, 1902 (репринт – 1982). Књ. 1. С. 3–63; 1905 (репринт – 1984). Књ. 3. С. 140–142 (Додатак); Сремски Карловци, 1923 (репринт – Београд, 1986). Књ. 4. С. 4–20; *Стољарова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000.
23. *Стефан Првовенчани.* Сабрани дела. Београд, 1999.
24. *Јанковић М.* Бир // Лексикон српског средњег века. Београд, 1999.
25. *Милошевић Р.* Протопопа // Лексикон српског средњег века. Београд, 1999.
26. *Димитров П.* За титлата на Йоан Екзарх – «Екзарх Български» // *Palaeobulgaria*. 1984. № 1.
27. *Кувев К.* Към въпроса за титлата «екзарх» в старобългарската литература // Известия на Института за история. София, 1964. Т. 14–15. С. 325–345; *Иванова-Мирчева Д.* Йоан Екзарх Български: Слова. София, 1971. Т. 1. С. 16–17; *Икономова Ж.* Йоан Екзарх // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1995. Т. 2. С. 170; *Станчев К.* Словата на Йоан Екзарх Български // Старобългарска литература. София, 1991. Кн. 25–26. С. 66–72; *Чешмеджиев Д.* Йоанн Екзарх // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 24 (Иоанн Воин – Иоанна Богослова Откровение). С. 664.

© 2013 г. К.А. КОЧЕГАРОВ

К ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ В РОССИИ ГЕТМАНА П.Д. ДОРОШЕНКО В 1677–1685 ГОДАХ

В статье рассматриваются факты биографии гетмана П.Д. Дорошенко после его отречения от гетманства и переезда в Россию, в том числе обустройство гетмана в русской столице, его попытка добиться пожалования вотчинами, и интриги левобережного гетмана И.С. Самойловича, добивавшегося смещения Дорошенко с вятского воеводства.

The article analyses Hetman Petr Doroshenko's biography after his abdication and sending into exile to Moscow. It describes Doroshenko's life in the Russian capital, his efforts to obtain the estate, and intrigues of Ivan Samoylovich, the Left-Bank Ukraine Hetman, who insisted on Doroshenko's withdraw from the town of Vyatka, where he was the governor.

Ключевые слова: П.Д. Дорошенко, И.С. Самойлович, украинское казачество, русско-украинские отношения, вятское воеводство, XVII век.

Биография гетмана Правобережной Украины Петра Дорофеевича Дорошенко, касающаяся периода его жизни после отречения от гетманства в 1676 г. и отправки в Россию все еще мало известна историкам. Из обобщающих трудов, посвященных гетману П.Д. Дорошенко и его политике, наилучшим образом период его жизни в России представлен у Д. Дорошенко [1. С. 623 и сл.]. Сюжету этому посвящен и ряд специальных работ [2. С. 1–8; 3; 4. С. 223–232]. Многие связанные с данной проблематикой эпизоды нуждаются в уточнении и дополнительном исследовании. В научной литературе довольно фрагментарно представлены многие обстоятельства жизни Дорошенко в Москве и его отношения с русским правительством. Из-за скудости источников в историографии не ставился вопрос, сохраняла ли фигура бывшего правобережного гетмана какое-либо политическое значение после его перевода в Москву. Попытка частично заполнить эту лауну и предпринимается в данной статье.

По приезду в русскую столицу П.Д. Дорошенко был поселен в Китай-городе на так называемом новом Греческом дворе. Летом 1677 г., после прибытия жены бывшего гетмана, семейство Дорошенко было переведено на двор, принадлежавший некогда купцу Григорию Никитникову, который был подвергнут значительной реконструкции [4. С. 224–230]. В ноябре 1679 г. подьячему Малороссийского приказа Афанасию Денисову был дан царский указ – дополнительно возвести там «хоромное строение и печи и окончины внов зделать, а иные починить». На эти цели выделили 20 руб. [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 2].

Известно, что Дорошенко прибыл в Россию главным образом лишь в сопровождении семьи и челяди. Практически все политические соратники и доверенные

Кочегаров Кирилл Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

друзья бывшего гетмана остались на Украине. В московском окружении Дорошенко был лишь один из них – Иван Васильковский, личность весьма примечательная. Он служил у Дорошенко переводчиком с турецкого, исполнял дипломатические поручения. В 1668 г. Васильковского отправили посланником в Османскую империю. Уже тогда он был пожилым человеком [1. С. 172; 6. С. 252–253] (Н. Крикун скорректировал информацию Д. Дорошенко, что И. Васильковский был послом И.М. Брюховецкого). В 1671 г. Васильковский ездил с секретным поручением Дорошенко к левобережному гетману Демьяну Игнатьевичу Многогрешному [7. Т. 9. Стб. 688, 754]. Старый товарищ остался при Дорошенко, даже когда тот лишился власти и положения. Уже находясь вместе с ним на Левобережной Украине, И. Васильковский получил пару соболей царского жалованья [7. Т. 13. Стб. 55]. В июле 1677 г., будучи в Москве, Дорошенко ходатайствовал о выдаче верному «слуге старому» жалованья «на приезде» [7. Т. 13. Стб. 239]. Однако в октябре 1677 г. по неизвестным причинам «толмач» бывшего гетмана выехал на Украину [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 133. Л. 123–124, 136] (Подорожная датирована 18 октября, выдача 3 руб. царского жалованья на отпуске состоялась 24 октября).

Царское правительство не стремилось к полной изоляции Дорошенко, разрешая ему поддерживать контакты с малороссийскими родственниками и друзьями. В историографии обращалось внимание на факты встреч Дорошенко с приезжавшим в русскую столицу старшим канцеляристом В.Л. Кочубеем [4. С. 230] и посещения его семьей дочери в 1686 г. [1. С. 636]. К этому можно добавить еще ряд фактов. Так, в декабре 1677 г. слуга Дорошенко Харитон Нагаев «с товарищем» отправились в Глухов [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 133. Л. 309, 310] (подорожная датирована 11 декабря). В начале сентября 1679 г. на Украину выехали «челядники» Дорошенко – Антон Яцковский и Юрка Куржонок, которых бывший гетман направил в Сосницу – сотенное местечко Черниговского полка, «для проводывания матери своей» [5. Ф. 229. Д. 149. Л. 1–1 об.].

9 апреля 1687 г. Дорошенко «бил челом» великим государям об отпуске из столицы своего племянника Григория¹ к родителям в Сосницу. При чем Г. Дорошенко «жил при нем, Петре, на Москве», что свидетельствует о том, что Дорошенко и после пожалования вотчинами в Волоколамском уезде в 1684 г. наездами жил в столице. Григорий был отпущен из Москвы вместе с подьячим киевской приказной избы Матвеем Налетовым. Об этом был проинформирован гетман Самойлович, которому было запрещено без царского указа отпускать племянника бывшего правобережного гетмана обратно из Сосницы в Москву [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 186. Л. 110–111] (черновик отпуска царской грамоты к И.С. Самойловичу от 14 апреля 1687 г.). 16 апреля последовал царский указ дать Г. Дорошенко «в дорогу» пять рублей царского жалованья [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 186. Л. 109].

Поддержка Дорошенко связей с Украиной, вызывала опасения, как это будет показано далее, не столько в Москве, сколько в Батурине, ставке гетмана Самойловича.

Еще С.М. Соловьев сообщал о том, что осенью 1679 г. П.Д. Дорошенко было предложено ехать воеводой в Великий Устюг, но гетман отказался [9. С. 222]. Однако недавно петербургская исследовательница Т.Г. Таирова-Яковлева со ссылкой на архивный источник написала, что бывший правобережный гетман принял это назначение в начале 1680 г. Кроме того, вопреки сложившемуся в историографии мнению, историк утверждает, что тогда же Дорошенко были пожалованы вотчины [4. С. 230]². К сожалению, Таирова-Яковлева в соответствующем примечании не указала номер дела, а лишь лист. В деле же № 149, которое вкупе с опубликован-

¹ В родословной росписи В.Л. Модзалевского он не указан [8. С. 454–455]. Мог быть сыном как Григория, так и Андрея Дорошенко.

² Видимо на основе ее работы об этом написали украинские исследователи В. Смолий и В. Степанков, без указания источника информации [10. С. 614].

ными материалами использовалось ей в ходе подготовки статьи, информация о назначении Дорошенко воеводой и пожалования ему вотчин отсутствует, в том числе и на том листе (№ 150), на который ссылается исследовательница. Проверить утверждения Таировой-Яковлевой, а также выявить новые подробности пребывания Дорошенко в России позволяет обращение к неизвестным ранее документам Российского государственного архива древних актов.

На самом деле весь 1680 г. Дорошенко провел в Москве. Об этом свидетельствует ряд документов. Во-первых, расписки в ежемесячном получении назначенного бывшему гетману жалованья. Рассчитываемое поденно, в среднем за месяц оно составляло 60 рублей. Во-вторых, материалы, касающиеся хозяйственного обеспечения живших в Москве украинцев, которым заведовал Малороссийский приказ. Помимо П.Д. Дорошенко, это был гетманский сын Яков, а также приезжавшие на время представители духовных и светских властей Малой России. Для лиц, которые проживали постоянно в Москве, смета расходов утверждалась с началом года, т.е. в первых числах сентября.

Вопрос о жаловании Дорошенко нуждается в небольшом уточнении. В процитированном Т.Г. Таировой-Яковлевой фрагменте соответствующей докладной выписки говорится, что в 1677 г. из выдаваемых гетману поденных денег (два руб.) оплачивались также конский корм и дрова [4. С. 228]³. Однако 12 сентября 1678 г. в ответ на челобитье Дорошенко последовал царский указ давать бывшему гетману конский корм на пять лошадей (по семь четвертей овса и по 15 возов сена на месяц), а также дрова (сажень мерная в месяц, с 1 мая по – две сажени на три месяца) «сверх поденного корму». 19 сентября соответствующая память была дана Ивану Федоровичу Рыкачеву – велеть купчине Виктору Фомину и целовальнику «Пашке Андрееву» покупать для Дорошенко конский корм и дрова на деньги Малороссийского приказа [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 114. Ч. 1. Л. 5; 5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 133. Л. 5]. Подлинная челобитная Дорошенко, приказная выписка и решение по делу публикуются в приложении (документ № 1). Помимо денежного жалованья, конских кормов и дров, бывший правобережный гетман получал «питье» с даточного двора (до 1 июля 1678 г. – с новомещанского кружечного двора) «в готовых судах» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 149. Л. 4, 7, 8]⁴. 2 сентября 1679 г. данная структура расходов была утверждена на текущий год [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 149. Л. 7].

Кормовые деньги выдавались наличными слугам Дорошенко по его собственноручным распискам. Наиболее ранняя расписка гетмана, по которой деньги получил его человек Степан Романович не датирована, но находится среди расходных столбцов Малороссийского приказа за 7186 год (1677/1678 гг.). «Афанасию Андреевичу кланяюся», – писал бывший гетман. – «Великого осударя жаловане месячное мне Петру Дорошенку через сего слугу моего Степана Романовыча, да их даты до рук его извол ваша милость. Петро Дорошенко» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 133. Л. 195]. За 1680 г. таких расписок сохранилось несколько. 7 февраля 1680 г. 58 рублей получили в Малороссийском приказе слуга бывшего гетмана Антоний Яцковский [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 59], вернувшийся, как видно, из поездки в Сосницу. За март сохранилась расписка-автограф Дорошенко, по которой деньги получили Прокофий Антонович и Степан Заруцкий [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152.

³ При этом исследовательница слова «и по докладной выписке» ошибочно прочитала как «и подослано в отписке». Еще одна неточность содержится в цитате, сообщающей о пожаловании Дорошенко «для имянин» царевны Марфы Матвеевны [4. С. 230]. У автора вместо слов «для имянин» вставлена фамилия гетмана, что делает причину пожалования непонятной. Ср.: [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 149. Л. 3, 6]. См. также царский указ от 3 сентября 1677 г. о сохранении жалованья Дорошенко в размере двух руб. в день в наступившем году [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 133. Л. 4].

⁴ См. также фрагмент выписки о выдаче Дорошенко с даточного двора с 1 сентября 1679 г. по 1 сентября 1680 г. «вин двойного и простого и меду вареного и белова и питья по указным статьям» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 142. Л. 16].

Л. 71]⁵. Сохранилась оригинальная расписка Дорошенко также за май [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 151]⁶. В дальнейшем жалованье получал гетманский «челядник» и «стряпчий» Василий Лопатинский [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 189, 206, 222] (расписки сохранились от 2 июня, за июль и август 1680 г.).

Помимо регулярных выплат, Дорошенко получал жалованье и в честь церковных праздников. 24 марта в честь Благовещения ему выдали из приказа 1 руб. «на рыбу». Я.С. Самойлович при этом получил «на рыбу» 4 руб. Вряд ли это объяснялось тем, что на его дворе проживало больше людей, являясь скорее показателем большей щедрости царя [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 116]. «На свята Воскресеня Господня жалованя осударева отбераю грошми рубли десять, алтынов семнадцать. Петро Дорошенко», – гласит расписка, деньги по которой были выданы 19 апреля [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 127].

Соответствующие документы фиксируют непрерывное выделение денег на весь год, т.е. с сентября 1679 г. по август 1680 г. на закупку и доставку на дворы Дорошенко и гетманского сына Якова сена, овса и дров, включая и материалы «на дворное строение». Этим занимались подрядчики Малороссийского приказа купец Василий Власьев и целовальник Трофим Гончар [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 6–6об., 13–13об., 17, 54–55, 62–63, 91–93, 106–107, 114–115, 123–124, 134–135, 152–152об., 170, 193–194, 207–208, 221–221об., 224–225, 228–229]. Власьев и Гончар получали под роспись, как правило, 30 руб. Когда деньги заканчивались, в приказ подавалась соответствующая записка, после чего глава ведомства думный дьяк Ларион Иванов давал распоряжение выдать новую сумму.

3 февраля 1680 г. купцу и целовальнику было указано «навозить» на будущее лето лед в устроенные в погребях ледники на дворах П.Д. Дорошенко и Я.И. Самойловича. Лед был вырублен и привезен с Москвы-реки к 26 февраля [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 149. Л. 253–256].

В 1680 г. Дорошенко подал в приказ одну за другой две челобитные с просьбой о пожаловании какого-нибудь «вотчинного местечка» (публикуются в приложении). Бывший гетман, поднаторевший в искусстве политической лести, цитируя Псалтырь, уверял царя, что с юных лет мечтал быть под «славно державною рукою [...] единого на свете православного государя».

Дорошенко напоминал, что в свое время сдался князю Г.Г. Ромодановскому и И.С. Самойловичу под гарантии царской милости и обещание «исходатайствовать» получение вотчины. Он жаловался, что все его движимое и недвижимое имущество, оставленное на Правом берегу Днепра пропало, а то, что удалось перевезти на Левый берег, уже растрачено. Бывший гетман уверял, что в свое время заплатил чигиринским сердюкам деньги из личной казны, чтобы удержать их от перехода на польскую сторону. Он сетовал, что живя в Москве «оскудал и великими долгами одолжал».

Выписку по первой челобитной было указано составить в приказе 3 января 1680 г. [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 1об.]. В результате были подняты документы, связанные со сдачей Дорошенко царским войскам в сентябре 1676 г. Речь идет о текстах царской грамоты правобережному гетману, посланий Самойловича и Ромодановского в Москву с информацией о прибытии Дорошенко из Чигирина в их лагерь. Первые два из них опубликованы [7. Т. 12. Стб. 687–696, 731–735]. В документах этих, конечно же, и речи не было о каком бы то ни было пожаловании Дорошенко вотчинами после сдачи. Все гарантии сводились к

⁵ «В року теперешнем 1680 месяца марта жалованя осударева отобралем рублей шестдесят я, Петро Дорошенко». Ниже дописано другим почерком: «По сему писму денег шестдесят два рубли человек сво Петров, Прокофей Антонович ис приему у подьячего Ивана Бирина, а в его место росписался Степан Заруцкий».

⁶ «Жалованя осударева на месяц май отобралем рублей шестьдесят и два рубле, я, Петро Дорошенко. Рука власная, подписуюс».

абстрактному обещанию царской «милости» и «жалованья». Не подтверждались ими и другие упомянутые Дорошенко события (например, о выплате денег сердюкам, об обещании Самойловича компенсировать ему потерянное на Правом берегу имущество). Более того в царской грамоте правобережный гетман обвинялся в неискренности, многократном неисполнении данных обещаний перейти под русскую власть, подданстве турецкому султану, нанесении вреда православию, запустении Правобережья и прочих «злых делех» [7. Т. 12. Стб. 688–691].

И хотя в выписке акцент был сделан не на «изменах» правобережного гетмана, а главным образом на описании сдачи Дорошенко и получении им лишь общих гарантий безопасности [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 4–9], не удивительно, что никаких решений по челобитной принято не было. О последнем свидетельствует подача Дорошенко в приказ следующего прошения. На обороте оригинала не указана дата его поступления, однако на составленной по этому поводу новой выписке почерком XVIII–XIX вв. вписана дата – 17 августа 1680 г. [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 11]. Ее обоснованность косвенно подтверждается и текстом самой челобитной. Дорошенко просил царя пожаловать ему вотчины «для всемерной своей государственной пресветлой радости». Этой «радостью», судя по всему, была свадьба Федора Алексеевича и Агафьи Семеновны Грушецкой, состоявшаяся в июле 1680 г. [11. С. 354]. Выписка по этой челобитной повторяла содержание предыдущей [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 11–13]. В конце документа иным подчерком была сделана приписка: «По сей выписке с челобитья Петра Дорошенко послать память в Приказ Большого Дворца, чтоб о том указ учинит в Приказе Большого Дворца» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 13].

Однако, и на этот раз бывший гетман, не только, по-видимому, остался без вотчин, но и был выселен с занимаемого им двора Никитникова, который в связи с начавшимися пожалованиями родственникам новой царицы был отдан ее матери, боярыне Марье Матвеевне Грушецкой. Об этом Дорошенко объявили 21 августа посланные думным дьяком и руководителем Малороссийского приказа Ларионом Ивановым подьячий Иван Торопов и Яков Рыкачев.

Взамен Дорошенко был предложен ранее занимаемый матерью царицы двор боярина Михаила Ивановича Морозова, взятый в казну после смерти этого последнего представителя древнего и знатного рода. Двор располагался в Белом городе, между Тверской и Никитской улицами, там, где ныне стоит старое здание Московского университета, в приходе церкви Георгия Великомученика, «что словоет на Вшивой горке».

Рыкачеву и Торопову было велено «осмотреть и измереть» двор Морозова, в то время как Дорошенко «на время» должен был переехать на посольский двор («Миколаевской двор Давыдова»), располагавшийся на Покровке [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 14, 18]⁷. Последнее строение в 1680-е годы неоднократно использовалось Посольским приказом для размещения прибывавших в Москву иностранных дипломатов и других важных лиц. Так, например, в 1684 г. на «Давыдовском дворе Николаева, что на Покровке, в двух палатах», где ранее располагался шведский посол, было указано стоять прибывшим в столицу грузинским царевичам Александру и Матвею [12. Ч. 1. С. 292, 317, 330, 366], а в 1685 г. – их отцу, царю Арчилу [12. Ч. 2. С. 38].

Выслушав царский указ, Дорошенко заявил, что «ему перевестись не на чем, лошадей на Москве (у него. – К.К.) нет». Он напомнил, как при переезде с Греческого двора «от извошиков стало убытко(в) много», а теперь, учитывая что предстоят «две перутруски» следует ожидать, что и «убытки» вырастут «вдвое»,

⁷ Подьячие составили не только описание двора, но и собственноручный его чертеж вместе с околицами [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 16–19].

так как «извошки ево роскрадут всего». Удрученный Дорошенко говорил, что на Никитниковом дворе «строил он много на свои денги», тогда как Морозовский двор «чаёт он, что весь разорен, а строить ево вновь будет долго».

Бывший гетман сообщил, что «приторговал» себе двор в Белом городе на Покровке у дьяка Афанасия Ташлыкова «с каменным строением» за 4 000 руб. и теперь просил, чтобы покупка и перевозка туда вещей Дорошенко были произведены за казенный счет [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 15].

Однако правительство проигнорировало эту просьбу. Единственное, что было сделано, так это дано распоряжение выделить Дорошенко 20 «запасных» подвод «с телеги и с проводники» из Ямского приказа [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 20]. Власти так спешили освободить Никитников двор для боярыни М.М. Грушецкой, что переезд состоялся уже 23 августа [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 22].

Никитников двор, который покинул бывший гетман, был описан подьячими Малороссийского приказа. Опись, публикуемая в приложении (документ № 4), показывает, что Дорошенко был хозяйственным и аккуратным человеком, сумевшим наладить свой быт в русской столице.

Бывший гетман регулярно приглашался на торжественные мероприятия царского двора, что с одной стороны служило знаком монаршей милости, с другой придавало дополнительную представительность тому или иному столичному действию. Во время празднования новолетия 1 сентября 1678 П.Д. Дорошенко и гетманский сын Семен наблюдали за торжественной церемонией с паперти Архангельского собора Кремля [13. Стб. 62; 4. С. 230]. Год спустя они располагались уже «на рундуке [...], что от церкви Благовещения [...] к соборной церкви [...] против угла Грановитые полаты» [13. Стб. 103; 1. С. 636].

6 января 1681 г. по царскому указу Дорошенко и проживавший в столице сын гетмана Самойловича – Яков «поставлены были к действию на Иордани на прежнем месте, где ставливаны они в прошлых годах, за государевым местом в порядке, в котором стоят столники, также столники и полковники, а учитель ево, Павел Василковской, и при нем будучие и челядь позадь их в другом порядке». Во время царского выхода на Иордань к бывшему правобережному гетману и сыну Самойловича подошел разрядный дьяк Федор Леонтьевич Шакловитый, поставив обоих «по левую сторону государева места». «После действия» посольский дьяк Василий Бобинин по царскому распоряжению спросил П.Д. Дорошенко и Я.И. Самойловича «о здоровье» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Л. 195].

В 1681 г. царское правительство решило наконец-то предоставить Дорошенко постоянное место для проживания в столице. В ноябре последовал царский указ – дать бывшему гетману «на дворовую покупку» 700 руб. из Приказа Большой казны [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 169. Л. 71–74]. Судя по этой сумме, двор, который планировалось приобрести, был значительно скромнее того, который Дорошенко «приторговал» себе ранее. Деньги выдали [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 169. Л. 75–76] и двор был куплен в Белом городе у Всехсвятских ворот. П.Д. Дорошенко подал челобитную, с просьбой «для перевоски дать ямские подводы, на чем бы ему поднятца». 5 февраля 1682 г. челобитная была удовлетворена [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 169. Л. 153]. Не прошел и месяц после переезда, как Дорошенко был назначен воеводой в Вятскую землю – достаточно обширный и важный регион в составе России. 10 марта в Малороссийском приказе распорядились прекратить выдачу бывшему гетману конских кормов и дров, начиная с 1 апреля в связи с его отъездом из Москвы [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 192. Л. 7]. Уже в июне 1682 г. бывший гетман находился на месте службы [3. С. 26].

Назначение Дорошенко на воеводство преподносилось с одной стороны как знак доверия и акт царской милости по отношению к бывшему гетману, благодаря которому он мог поправить и свое материальное положение. С другой стороны оно избавляло московские власти от докучливого челобитчика, который, как было

показано выше, желал поправить свою ситуацию иным способом, без принятия на себя обязанностей воеводской службы.

Любопытно и то, что этот шаг московских властей не только не пришелся по нраву самому Дорошенку, но и вызвал недовольство гетмана Самойловича, ревнивым оком наблюдавшего за малейшим возвышением бывшего соперника. Гетман не преминул воспользоваться первой же оказией, чтобы внушить русскому правительству сомнения в верности Дорошенку.

Еще когда П.Д. Дорошенко жил в Москве, к нему приехала теща – жена Павла Яненко-Хмельницкого, проживавшего в Соснице, вместе с другими родственниками бывшего правобережного гетмана. Когда Дорошенко отправили воеводой «на Вятку», она поехала туда вместе с ним. Однако в Филиппов пост (длился с 15 ноября по 24 декабря ст. ст.) 1682 г. П. Яненко-Хмельницкий писал Дорошенко, «что он лежит болен», прося «чтоб он жену ево отпустил к нему домой на Украину». Соответствующее послание было отправлено и теще бывшего гетмана. За неделю до Рождества, т.е. где-то 17 декабря жена Яненко-Хмельницкого выехала из Хлынова (Вятки). В провожатых с ней поехал некий Федор Андреев, человек «русской породы», некогда «прислуживец» окольничего Осипа Ивановича Сукина и сына его стольника Ивана. Послужив у них, Федор «бил челом [...] Петру Дорошенку в кабальное холопство». Бывший гетман взял его к себе служить «во дворе». Ф. Андреев довез тещу Дорошенко на Украину «в целости», где она «тестя застала жива, лежит болен» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 437–438].

Стоит отметить, что Дорошенко по всей видимости охотно брал к себе в услужение людей неукраинского происхождения, чтобы пополнить число своей челяди. Известно, что ранее он намеревался приобрести себе юношу-калмыка за двадцать рублей, но сделка не состоялась из-за отказа продавца, некоего Ивана Волошенина [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 142. Л. 1–1об.]⁸.

В начале третьей декады января (через пять недель после выезда из Вятки) путешественники прибыли в Сосницу, где жил также младший брат бывшего правобережного гетмана, Андрей.

Андрей Дорошенко, вероятно, чтобы предупредить возможные обвинения в каких-либо интригах, отправил Ф. Андреева в Батурын, к гетману Самойловичу, несмотря на то что тот имел распоряжение хозяина возвращаться домой как можно скорее. В ходе распроса тот сделал несколько заявлений, привлечших особое внимание гетмана. Во-первых, Ф. Андреев заявил, что «город Вятка в конец разорена от приезжих московских воевод», во-вторых, «что тамошние жители уж чрез три года дерево едят для нищеты, недородов великих» и, в-третьих, что «некакие башкирцы велми тому краю докучают». «И с тех пор, – продолжал рассказчик, – Петр Дорошенко, жалеючи тех людей оскудения, за свое денги не токмо хлеб, но и дрова и харч себе и добрым подобием употребляет и до брата своего Андрея о том же пишет, надеючися, что ему укажут на Москве жити» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 437–438]. В нашем распоряжении нет источников, чтобы проверить, какова была реальная ситуация в вятской земле в описываемое время, однако учитывая продолжавшееся уже третий год башкирское восстание (охватило Поволжье и Приуралье в 1681–1683 гг.) положение в городе види-

⁸ Об этом мы узнаем из челобитной нежинского жителя Тимофея Сидорова. Т. Сидоров выступил посредником, водив «большого калмыченка» на показ П.Д. Дорошенку и договорившись о цене. Однако И. Волошенин отказался от сделки. Он не стал посылать за деньгами к бывшему гетману Сидорова, и не пошел сам, сославшись на занятость. Тем временем калмык был продан некоему старцу Мелетию, видимо за большую сумму. Т. Сидоров подал челобитную, прося заставить Волошенина возместить ему «убытки» в виде неполученного вознаграждения за посредническую деятельность. Челобитная принята 26 апреля 1678 г., но возможно, что все дело происходило еще когда Дорошенко пребывал на Левобережной Украине, т.е. осенью 1676 – весной 1677 гг.

мо действительно было сложным, что заставляло Дорошенко просить отпуска с воеводства.

Еще более примечательные вещи, касавшиеся Дорошенко, поведал Ф. Андреев гетманскому канцеляристу Григорию Булдаковскому. *«Зело он по сей земли тужит, а когда б имел крыле или знал бы иную дорогу, а не через Москву, рад бы суды перелетет (курсив мой. – К.К.)»*, – свидетельствовал Ф. Андреев, добавив, что бывший гетман часто вспоминает живущего в Малой России «верного к себе человека», не называя его имени [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 435].

Бдительный гетман Самойлович немедленно отправил дорошенковского слугу к севскому воеводе и окольному Л.Р. Неплюеву, через которого поддерживались постоянные контакты Батурина и Москвы. «А ныне бы в такие времена непристойно с Вятки на Украину, а из Украины на Вятку его дорошенковым людем ездить», – восклицал Самойлович в письме (от 30 января) окольному [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 432–434], имея в виду недавно окончившееся «смутное время» стрелецких беспорядков в Москве и других городах и попытки Речи Посполитой организовать антироссийское восстание на Украине и в Смоленске [14. С. 105–120]. Он напомнил Неплюеву их недавний разговор в ходе встречи в Батурине, касавшийся «поведения Войска Запорожского и Донского не токмо ныне, но и от давних времен: так у них бывало и ныне есть, каков бы чего не дай Боже злый умысл зачинати, то одни другим дают знати». Самойлович обращал внимание Неплюева на две «знатные» вещи, которые, как он писал, «прилучилося нам ведати не токмо за живота нашего, но при гетманстве моем». Первое событие – «как донские, диавола того, самозванца, дав ему своего знатного товариства на Запороже привели и Серку ево на руки отдали, а тот уж, малодушный, совершенным царевичем назвал его, зделав ему печать и войсковые знамена, для какова их безумия не мало в том беды имели есмы, дондеже то оттуды искоренили» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 432–433]. Речь шла о самозваном царевиче Симеоне Алексеевиче, действительно прибывшим на Сечь с Дона вместе с донскими казаками в 1673 г. и признанного там «истинным царевичем». Позднее он был все-таки выдан русскому правительству запорожцами во главе с кошевым Иваном Серко и казнен в Москве в сентябре 1674 г. [15. С. 31–38].

Второе событие, о котором напоминал гетман царскому воеводе, было связано со сдачей войсковых клейнодов (символов гетманской власти) Дорошенко казакам Запорожской Сечи помимо Батурина и Москвы в 1675 г.: «Как надокучили войска великих государей наших купно и с нами Дорошенко в Чигирине, тогда он не хотел суды склонитися и знамен войсковых отдать, писал от себя к Серку на Запорожье, а что б Серко к донским писал, совет их употребляя, куда б лутчи теми знаменми войсковыми приклонитись, и так по желанию ево Дорошенковым пришло из Дону несколько надесят коней на Запорожье избраннейших людей с нынечним атаманом донским с Флором Минаевичем, оттоле поднявся с Серком, ходили к Дорошенку в Чигирин, где конечно договорились было, что те знамена войсковые на сю сторону не отдават, однакож так господь Бог зделал и милостию великого государя нашего и счастием, что хотя не хотел, то принужден был склонитис» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 433–434].

Гетман Самойлович преувеличивал роль донских казаков в описываемых событиях. Известно, что донские казаки во главе с Фролом Минаевым уже присутствовали на Сечи в момент получения письма правобережного гетмана с предложением сдать войсковые клейноды Низовому войску, прибыв туда для совместных действий против татар. Тем не менее, донцы во главе с Ф. Минаевым действительно посетили Чигирин вместе с запорожцами, где Дорошенко принес присягу на верность царю и отдал знаки гетманской власти кошевому Ивану Серко. Это вызвало резкое недовольство гетмана Ивана Самойловича и царского правительства [16. С. 495–499; 10. С. 569–582].

Что имел в виду гетман, напоминая Неплюеву, как он сам говорил «для перестерегателства впред будущия времена сие дела, на которые очесы своими на-смотрехомся»? Самойлович неспроста писал об этом после намека на «нынешнее поведение» донских и запорожских казаков. Совсем недавно, весной 1682 г. произошли крупные волнения на Дону [17. С. 123–193; 18. С. 41–44, 63–72], вновь поднявшиеся летом – осенью 1683 г. [9. С. 290–291; 19. С. 429–433; 20. С. 112–122], а запорожцы отказались выдать направленную им польским королем грамоту с призывом выступить против гетмана и России [21. С. 8–11].

Очевидно, что лишний раз обращая внимание центрального правительства на и так неплохо известный тому «бунтовщический» потенциал казачества, Самойлович намекал, что свобода, данная Дорошенко в его контактах с проживавшими на Украине родственниками чревата возможными интригами бывшего правобережного правителя на Сечи и Дону, где и без того хватало антироссийских и антигетманских настроений. Важно и то, что гетман подчеркивал общность интересов Москвы и Батурина в политике по отношению к вольным казачьим общинам в низовьях Днепра и Дона.

Посылая в Севск Ф. Андреева, гетман рекомендовал Неплюеву «тайно распросить» его обо всем, связанном с деятельностью Дорошенко в Вятке и выяснить имя его неизвестного друга на Украине [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 435].

В Севск человек Дорошенко был прислан 1 февраля. Воевода в тот же день отправил в Москву гетманское письмо с подьячим Вонифатьем Парфеньевым. Ф. Андреев был выслан в столицу отдельно – с севским приставом – пушкарем Федотом Яковлевым и с «провожатými» 4 февраля [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 429, 436].

12 февраля обстоятельства дела были доложены царевне и комнатным боярам (отмеченное участие в обсуждении великих государей было номинальным). Последовал царский указ «держать» письмо Самойловича «тайно», а Ф. Андреева подвергнуть допросу, в первую очередь для того, чтобы выяснить «кто имяны в Малороссийских городех Дорошенку друзья, о которых он часто воспоминает» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 429 об., 436 об.].

Допрос слуги бывшего правобережного гетмана состоялся в тот же день в Малороссийском приказе. Изложив уже вышеприведенные обстоятельства своей поездки, Ф. Андреев добавил, что «Петра де Дорошенка на Украине друзей толко что брат ево Андрей, да тесть ево Павел, а иных никово друзей ево не знает». Только от этих двоих Федор и вез «грамотки» в Вятку, «а опричь тех грамоток ни от ково к нему нет». Он говорил, что пробыл на Украине только четыре дня, вновь повторяя, что в Вятке «кто ему на Украине друзья, в речах не слыхал, опричь брата ево Андрея», который единственный и поддерживает корреспонденцию с бывшим гетманом. «И писем во вес год было толко одно, о теще ево, а болши того не бывало», – добавил слуга. Он предъявил «два листа, один полского, другой белорусского писем». Первое было от брата Андрея, второе от П. Яненко-Хмельницкого. Послания распечатал и прочел переводчик Посольского приказа Иван Тяшкогорский, констатировав, что в них «писано толко о здоровье» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 437–439].

Результаты допроса были доложены правительству, после чего Ф. Андреева было указано «свободит», что и было исполнено [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 439]. Вскоре он, видимо, выехал в Вятку к своему господину. Никакой «крамоль», компрометирующей Дорошенко, московские правящие круги в этом деле не увидели.

То, что назначение в Вятку было Дорошенко не по нраву, подтверждается и другими источниками. Побывавший в Москве в марте 1683 г. польский посланец сообщал, что читал текст прошения Дорошенко, который, несмотря на назначение его в «славный и богатый» край, «z płaczem pisze, prosząc, aby go sprowadzono, a

pod stolicą pomieście dano» («С плачем пишет, прося, чтобы его забрали оттуда и приказали дать поместье возле Москвы»). «Bom ja prawi uczynił to dla wiary prawosławnej zem się do tego państwa garnał, a tu i Pana Boga zapomnieć przyjdzie, będę prawi życziwym przy oczach Ich Carskich Weliczewstw» («Ведь я истинно сделал это ради веры православной, что стремился в эту державу, а здесь и Господа Бога забыть придется, буду я подлинно доброжелателем, [проживая] на очах их царских величеств»), – приводил поляк слова гетманского челобитья. Оно, впрочем, было отклонено. Дорошенко сообщили, что он должен пробыть в Вятке три года. Для надзора за бывшим гетманом и сбора податей туда послали выходца из тамошних земель, некоего дьяка-вдовца, женив его предварительно на супруге доктора-еврея Даниэля (по мнению Ю.А. Мыцька, личного врача Дорошенко), видимо умершего некоторое время назад. Автор реляции также отмечает, что дьяк повез Дорошенко некий сундук («skzynia») из Новодевичьего монастыря. Возможно, это было царское жалование для бывшего гетмана [22. С. 3–4]⁹, которое должно было подсластить горькую пилюлю отказа в удовлетворении челобитья.

Гетман Самойлович, однако, не успокоился и по-прежнему требовал отзыва Дорошенко с воеводства. В октябре 1683 г., в ходе переговоров Л.Р. Неплюева и Самойловича в Батурине «наодине», последний объявил «причины», по которым П.Д. Дорошенко «быть не пристойно», ни в Москве, ни в Вятке.

Во-первых, полагал гетман, польский король Ян Собеский бывшему правобережному гетману «друг доброй был, и будучи королем, говорил при многих [...] всячески б ему домогатца, а что ево Петра отыскать». Во-вторых, Самойлович сослался на информацию некоего грека, которая стала известна гетману через посредство бывшего переяславского полковника Дмитрашки Райцы. Согласно ей, Дорошенко якобы писал султану, напоминая ему, что «будучи в Чигирине, салтану турецкому служил верно и о обороне к нему салтану посылывал и писал многожды, и о здачи города досады б на не него не имел, а он де, и на Москве будучи, всякого добра его стороне ищет». Наконец, в-третьих, Самойлович напоминал царскому правительству, что Дорошенко «будучи в Чигирине, многие листы о государстве московском писал неистово с поносом, которые по ево, гетманове присылке и ныне обретаются в Приказе Малья России». «И за такие ево неистовые писма той их государской милости он Петр Дорошенко, которую ныне имеет, не достоин» (курсив мой. – К.К.), – констатировал гетман. Он считал, что любая верность царям со стороны Дорошенко всегда будет показной, учитывая его прошлое: «Да ему ж от салтана турецкого дана была честь по ево желанию, со многим описанием титула и во всем было ему от салтана попущено, и когда ж он Петр напомнит то свое своевольное житье, никогда их государеве державе Московскому государству и Малой Росии доброхотом не будет» [5. Ф. 79. Оп. 1. Д. 213. Л. 590–590об.].

Повлиял этот навет Самойловича на русское правительство или нет, но в феврале 1684 г. Дорошенко сдал город Хлынов боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичу Лыкову и дьяку Василию Макарьеву. «Росписной список», составленный при приеме города свидетельствует о значительных работах по укреплению и постройке местного кремля, проведенных под руководством Дорошенко [3. С. 26–27].

Враждебность к бывшему правобережному гетману со стороны Самойловича, находила свое выражение и в отношении его родственников, проживавших на Украине. Так в 1684 г. под стражу был взят брат гетмана Григорий [24. С. 163], которого польская сторона прельщала гетманской булавой двумя годами ранее, пытаясь организовать на Украине восстание против Самойловича [14. С. 106–107, 116–118].

⁹ На данную информацию несколько лет назад обратил внимание украинский исследователь Ю.А. Мыцьк [23. С. 14], однако его публикация прошла мимо внимания авторов биографии П.Д. Дорошенко, В. Смолия и В. Степанкова [10].

Теперь же Григорий был обвинен в том, что произнес какие-то оскорбительные слова в адрес гетмана. Самойлович пожаловался в Москву. В ответ ему 29 апреля 1684 г. была направлена царская грамота о высылке в столицу Г. Дорошенко с семьей, детьми и с «пожитки». Получив послание, Самойлович видимо воспользовался им для давления на оппонента, демонстрируя ему, что в его власти отправить его в Россию или оставить по-прежнему в Соснице. Григорий повинился перед гетманом и получил прощение.

В июне 1684 г. в Батурин прибыл царский посланник, стольник Семен Ерофеевич Алмазов. Он спросил Самойловича, почему тот не исполняет указ о высылке Г.Д. Дорошенко, тем более что для этого представляется удобный повод: «А ныне тому время удобное, что Петр Дорошенко зговорил женитбу (на московской дворянке А.Б. Еропкиной. – К.К.) и тот ему брата ево приезд зело будет потребен».

Для приличия Самойлович сначала выразил готовность исполнить царскую волю, но затем заявил: «А что ево Григорья со мною была ссора, и я ево в том простил, что учинил мне досаду он, Григорей, пьяным делом, без хитрости» [5. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 26. Л. 9–10]. В грамоте на имя царей Самойлович указывал, что Г.Д. Дорошенко «познав свою вину, [...] приезжал ко мне в Батурин, с великим упокорением прося, дабы ему ту вину спустил, и обеща я тихо и смирене житие свое весть», на что получил милостивое прощение [19. С. 163]¹⁰. Просьба гетмана была уважена, и в Москве посчитали инцидент исчерпанным. В наказе очередному царскому посланцу в Батурин – Семену Прокопьевичу Неплюеву (от 3 июля 1684 г.) говорилось, что если Г.Д. Дорошенко «от прежних своих неистовых поступков престал и в постоянстве себя удерживать обещался», то великие государи указали его оставить на Украине [5. Ф. 229. Оп. 5. Д. 279. Л. 6–7].

Опасения Самойловича вызваны были тем, что фигура бывшего гетмана, несмотря на его нахождение в почетной ссылке в Москве, все еще сохраняла политическое значение. Об этом свидетельствует и сообщение коронного подскарбия Мартина Замойского, который в июле 1686 г. писал жене из лагеря польских войск, вторгнувшихся в Молдавию, о дошедших до него слухах, что царское правительство направило в Запорожскую Сечь для борьбы с крымскими татарами Петра Дорошенко во главе четырех левобережных казацких полков (Миргородского, Полтавского и др.) [14. С. 407].

Говоря об отношении царского правительства к Дорошенко во время его пребывания в России в 1677–1684 гг., стоит отметить, что оно было весьма сдержанным. Челобитья гетмана об улучшении его материального положения удовлетворялись в гораздо более скромных размерах, нежели он того желал. По всей видимости, Дорошенко не получил поместий, которых просил в 1680 г.

В тоже время мы можем со всей определенностью утверждать, что до 1682 г. Дорошенко не покидал (по крайней мере, надолго) русскую столицу. Он жил скромно по меркам бывшего вождя правобережного казачества, коротая время в созерцании дворцовых церемоний и тщетных (в большинстве случаев) стараниях добиться от приказной бюрократии улучшения своего быта. Неспешный ритм жизни в Москве лишь изредка нарушался переездом на новое место жительства. При этом московские власти не церемонились с бывшим гетманом, когда потребовалось освободить его двор для матери царицы.

Отношение Самойловича к низвергнутому сопернику оставалось прохладным и даже враждебным и после того, как тот отрекся от гетманства и был вывезен в Россию. Гетман с недовольством смотрел на любое, сколько-нибудь заметное выражение благоволения по отношению к Дорошенко со стороны московского двора.

¹⁰ Здесь отмечено, что первая грамота о высылке Г.Д. Дорошенко была направлена с гетманским гонцом И.П. Лисицей, который видимо и приехал в Москву с жалобами на брата правобережного гетмана (любозытный факт, учитывая, что дочь Лисицы была замужем за другим братом П.Д. Дорошенко, Андреем. [8. С. 452]. См. также: [24. С. 163]. На его основе: [1. С. 620–621].

В источниках нет свидетельств, что царское правительство рассматривало возможность использовать Дорошенко как средство давления на Самойловича. Перспективы этого, учитывая длительную протурецкую ориентацию Дорошенко и отсутствие у него заметного рвения к царской службе, были достаточно призрачны. Однако Самойлович, по-видимому, опасался такого варианта развития событий. Об этом свидетельствует и дело Григория Дорошенко, и интриги Самойловича в отношении его брата, в том числе настояние об отзыве его с воеводства и высылке из столицы.

Оказалось вдруг, что намерения Дорошенко окончить свои дни в тихом подмосковном местечке и стремления Самойловича, болезненно воспринимавшего как ущерб своему престижу любую царскую «милость» бывшему сопернику, даже если последний вовсе не горел желанием ее обрести, полностью совпали. Русское правительство, в конце концов, приняло это во внимание, и в 1684 г. выслало почетного пленника в пожалованное тому подмосковное имение Ярополец к удовлетворению и его самого, и Самойловича, которому призрак чигиринского властителя, заставлявшего в свое время считаться с собой и царя, и крымского хана, и польского короля, не давал покоя еще долгое время после того, как Дорошенко утратил всякую реальную власть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985.
2. *Петровський М.* З життя Петра Дорошенка на Московщині // Записки наукового товариства імени Шевченка. Львів, 1930. Т. 100. Ювілейний збірник на пошану акад. Кирила Студинського. Ч. 2. Праці історичні.
3. *Шекір М.* Петро Дорошенко після зречення гетьманства до сьогодні. Тернопіль, 2001.
4. *Таирова-Яковлева Т.Г.* Отправка бывшего гетмана Петра Дорошенко в Москву // Terra Cossacorum: студії з давньої і нової історії України. Науковий збірник на пошану доктора історичних наук професора Валерія Степанкова. Київ, 2007.
5. Российский государственный архив древних актов.
6. *Крикун М.* Корсунська козацька рада 1669 року // *Крикун М.* Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII століття. Київ, 2006.
7. Акты Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1877. Т. 9; СПб., 1882. Т. 12; СПб., 1884. Т. 13.
8. *Модзалевский А.Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1908. Т. 1. А–Д.
9. *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1991. Кн. 7.
10. *Смолий В., Степанков В.* Петро Дорошенко. Політичний портрет. Київ, 2011.
11. *Седов П.В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008.
12. Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII века). Тбилиси, 1974. Ч. 1; Тбилиси, 1979. Ч. 2.
13. Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4.
14. *Кочезаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
15. *Усенко О.* Царевич Симеон из Запорожья // Родина. 2006. № 9.
16. *Костомаров Н.И.* Руина // Исторические монографии и исследования. СПб., 1882. Т. 15.
17. *Глазов В.П.* Движение на Дону и Юге России весной 1682 года // Ученые записки Московского государственного заочного педагогического института. М., 1958. Т. 1.
18. *Черепнин Л.В.* Классовая борьба 1682 г. на Юге Московского государства // Исторические записки. М., 1938. Т. 4.
19. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1867. Т. 10; СПб., 1869. Т. 11.
20. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Новочеркасск, 1891. Т. 1.
21. *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских казаков. Владимир, 1908. Т. 1.
22. Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dział 2. Rękopis 1712.
23. *Мицик Ю.А.* Фрагменти до біографії І. Мазепи // Сіверянський літопис. 2007. № 3.
24. *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. Ч. 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

1678 г., сентября 12. – Челобитная П.Д. Дорошенко с просьбой об увеличении жалованья и составленная по этому поводу приказная выписка.

(Л. 1а) Царю, государю и великому князю Феодору Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом хо[лоп] твой Петрушко Дорошенко. По грамоте отца твоего госуд[арской], блаженные памяти великого государя царя и великого князя, Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, которая ко мне, холопу твоему, писана о склонности мо[ей], жалуя, хотел меня холопа своего в премногой милости своей госуд[арской] держати и жаловати, и я по верному своему обещанию служ[ил] вам великим государям, татар на сию сторону Днепра вой[ною?] не пускал, также и сам не ходил и после того во свидетелства моего желателства и верного поддателства турецкие санжаки с тестем своим с Павлом Яненком Хмелничком ко отцу твоему государеву, блаженные памяти к нему, великому государю, прислал. И помня ево государскую премногую неизреченную милость к себе, по той его великого государя грамоте, ко мне писан[ой], оставя все свои пожитки в Чигирине, дворы и онбары, со многими запасы от многих лет собраньему, приехал ис Чигирина на сторону Днепра в полки¹ боярина и воеводы князя Григорья Григорьевича Рамодановского с товарищи и гетмана Ивана Самойловича головою своею и с клейнотами войсковыми, и бил челом тебе, великому государю в вечное подданство и regiment, гетманство свое здал и войсковые клейноты все отдал и учинился под вашею великого государя высокою державною рукою в великом подданстве. А боярин и воевода князь Григорей Григорьевич Рамодановской и гетман Иван Самойлович и вся старшина Войска Запорожского с подписми рук своих и с приложением печати дали мне обещание душами своими, письмо, что мне дано будет на житье место, в котором все мои чигиринские пожитки в целости будут. И того мне по се время не учинено и ныне я не надеяся ни на что, толко на премногое милосердие ваше государское. А что в Чигирине осталось, и то все пропало. И которую животину пригнал с собою на сию сторону в город Сосницы и та вся попадала. А я, холоп твой, взят к тебе, великому государю к Москве на малое время и живу на Москве другой год и от того все мои пожитченка пропали. А что твоим великого государя жалованьем я холоп твой пожалован, поденным кормом, и тем мне, холопу твоему, впред прожит не чем, потому что конского корму и дров нет покупат ис тогож корму. Милосердый государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, своим великого государя жалованьем, как тебе великому государю Бог известит. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

(Л. 1а об.) [7] 187 году, сентября в 10 день выписат.

(Л. 2) И в приказе Малыя Росии выписано.

Великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца жалованья Петру Дорошенку давано поденного корму и питья с приезду ево июля по 28-е число прошлого [7] 185 году.

Петру по 6 алтын по 4 деньги да на мелкое по 3 алтына по 2 деньги; питья по 4 чарки вина двойного, по 3 крушки меду вареного, пивая ячного потому ж.

¹ В тексте «полку».

Казаком:

2-м человеком по 2 алтына по 2 деньги; питья по 3 чарки вина, по 2 крушки меду, пива потому ж.

8 человеком по 10 денег; питья по 2 чарки вина, по крушке меду, по 2 крушки пива.

4-м человеком челядником по 6 денег, питья по 2 чарки вина, по крушке пива на день.

Всего поденного корму и питья давано ему на 15 человек.

И на день поденного корму с казаки и с челедью давано ему денег по 32 алтына.

Питья по пол 2 крушки и по 4 чарки вина двойного и простого.

По 2 ведра без крушки меду вареного и белого.

(Л. 3) По 3 ведра пива ячного.

А на неделю денег по 6 рублей по 24 алтына, питья по пол 2 крушки без 2 чарок вина двойного, по ведру с крушкою и по 2 чарки вина простого.

По пол 3 ведра с крушкою меду вареного.

По 10 ведр с полведром меду белого.

По 21-му ведру пива.

А на месяц денег по 28 рублей по 26 алтын по 4 деньги.

Питья по 6 кружек вина двойного.

По пол 6 ведра вина простого, по 11 ведр и по 2 крушки меду вареного.

По 45 ведр меду белого, по 101-му ведру и по 2 крушки пива ячного.

А на год по 9 ведр вина двойного, 66 ведр простого, 135 ведр меду вареного, 540 ведр меду белого, 1215 ведр пива.

Да ему ж Петру давано конского корму на 4 лошади по чети овса, по возу сена на 10 дней лошади.

Да для топленья 2 печей в полатах, да на поварню и в мыльню по 3 воза на неделю.

И в прошлом во [7] 185 году по указу великого государя и по докладной выписке за пометою думного дьяка Лариона Иванова, августа 3 числа велено ему Петру и жене ево и дочери и за казаков и за челядников поденного корму и за конской корм и за дрова давать по 2 рубли на день, а на месяц 60 рублей, а на год 730 рублей, а питья против прежняго по указным статьям на 15 человек.

(Л. 4) И то его великого государя жалованье с приезде ево даетца ему все сполна, а жене ево и дочери особые дачи корму и питья не бывало.

И великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, Петр Дорошенко бьет челом, ища он его государской милости и надеяс на премногое его государское жалованье, которое обещали ему боярин и воевода князь Григорей Григорьевич Рамодановской и гетман Иван Самойлович, учинился в вечном подданстве ему великому государю. А которые прежние ево пожитки были и те все в Чигирине ныне пропали. А великого государя жалованьем поденным кормом будучи на Москве прожить нечем, потому что конской корм и дрова покупает ис того же корму. И великий государь пожаловал бы ево своим великого государя жалованьем, как ему великому государю об нем Бог известит.

Помета на скрепах выписки и в конце текста: (л. 1а) [7] 187 году сентября в 12 день государь по(л. 2)жаловал, велел ему давать (л. 3) своего государева жалованья конского (л. 4) корму на пят лошадей по указу, да на месяца в зиму октября с 1 числа до весны по сажени мерной дров, а с весны до октября на три месяца по две сажени дров.

РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 114. Ч. 1.

1680 г., не позднее января 3 – Челобитная П.Д. Дорошенко с просьбой пожаловать ему вотчину.

(Л. 1) Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, пад до лица земнаго пред пресветлым² вашего царскаго величества престолом, бьет челом холоп твой, Петрушка Дорошенко. Создателю нашему, всемогущему Богу ведомо есть, что еще от юносных лет моих душа моя желала, дабы вскоре возмогл было под славно державною рукою вашего царскаго пресветлаго величества, единаго на свете православнаго государя пребывати. И в том всегда было мое желание, а Божие действие и тогда уже все збылося, когда его воля святая меня тым благословити изволила. Вашего царскаго пресветлаго величества на милостивое слово и грамоту вседушно спешился есмь, которая чрез вашего государева боярина князя Григорья Григоревича мне вручена с таким желанием по реченному пророком и царем Давидом, аки елен на источники водныя, тако желала душа моя тебе³, великому государю меня з женишкою и детишками моими под стопы ног твоего царскаго пресветлаго престола принести. Не жалеючи ни своих от юносных лет и изобретенных благ в Чигирине, в ымбарех, все свои отчинныя животишка, також села, пруды, мельницы и пасеки оставил смиренно, пришел есмь под славно державную руку вашего царскаго пресветлаго величества с малою частицею животишков моих, для того, что б воли вашего царскаго пресветлого величества довольно моим смиренным покорением учинилос. Господа Бога не ложно взываю, которому все прежде бывшия мои поступки ведомы есть, пребывая в Чигирине, что есть ли б я не дал было достальной моей казны пешим, тогда при мне будучим людем, тогда они конечно думали меня под славно державную руку вашего царскаго пресветлаго величества не отпустить, того желая (л. 2), что б меня, холопа твоего, х королю полскому присовокупити, от чего оберегаяся, принужден было их своею казною к своему намерению приклонити и к боярину князь Григорью Григорьевичю и к гетману к Ивану Самойловичю тогда писал я, что б они скоро твою великого государя обнадежную грамоту к ним присылали, обнадеживая их твоим великого государя милосердием. И таковым поведением Господь Бог мне в намерении моем путь показал, а что ни есть животишков и запасов моих в Чигирине осталос и что на сю сторону Днепра перевез было, то все через три сие лета издержалос, а чигиринския мои запасы его милость господин гетман обещался было таковою ж мерою мне на сей стороне Днепра⁴ отдати, какою в Чигирине воие(н)ским своего ре(й)менту людем мои запасы роздал, которых запасов мне, холопу твоему, и по се число не отдано. А как я на сю сторону Днепра перешол з достальными животишки и там немного пожил и для жития никакова себе места скорости ради не устроил и того ради з достальными своими животишки разорился. А ныне пад под стопы ног вашего царскаго пресветлаго величества, смиренно бью челом, изволь ваше царское пресветлое величество ради Христа Спаса на меня, недостойнаго раба своего, милость свою государскую излияти в том, чтоб ты, великий государь, указал мне, холопу твоему, где ни есть вотчинное местечко для жития з женишкою и з детишками моими, что б мне безпомесному в конец не разорится, понеже лета мои приближаются кончины, а как меня смерть постигнет, детишка останутся, и по смерти моей местца себе не будут иметь, о том ныне я зело печален. А покамест в теле душа моя будет пребывати, обещаюсь со всеми

² В тексте «пресветлыми».

³ Перефразированная цитата из сорок первого псалма Псалтыри: «Имже образом желает елень на источники водныя, сие желает душа моя к Тебе, Боже».

⁴ В тексте «Днетра».

домочатцы своими не токмо телом, но и душою тебе единому на свете православному государю вседушно радети и Господа Бога молити⁵, дабы он прекрепкою силою своею всех твоих противных врагов силы под ноги твоему царскому (л. 3) величеству покорил. Его милость господин боярин князь Григорей Григорев и ево милость господин гетман Иван Самойлович со всею воинскою старшиною учинили присягу и кресным целованием утвердили пред иконою Всемиловитого Спаса и Пресвятей Богородицы, что мне против твоей царского пресветлаго величества грамоты, что с милостивым словом ко мне прислана, ходатайством своим обнадеживали твоею великого государя неизреченною милостию и обещали для жития з женишкою и з детишки местцо в вотчину у тебя великого государя изходатайств(ов)ать там, где было по изволе(н)ю вашего царского пресветлаго величества пригож(е). А тое еще и по се число не учинилос. И того ради, я, холоп твой зело оскорблен, что и в Чигирине болшой убыток також и на сей стороне Днепра потеряка мне животишкам моим учнило, а я, жи(в)учи на Москве, оскудал и великими долгами одолжал и в украинских странах что было животишков, для тамочнаго моего небытия роспропало. Милосердый государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй меня, страннаго, беднаго и безпомочнаго холопа своего для своего царского многолетнаго здоровья и для одержания над враги своими победы и изволь великий государь своим неизреченным милосердием государским мне, холопу своему, указать гд(е) вотчинное местцо, чтоб мне по мою смерть, а детишкам моим по моей смерти было где главу приклонит. Царь, государь, смилуйся.

На л. 1 об. помета: [7] 188 году генваря в 3 день выписать.

РГАДА. Ф. 229. Он. 1. Д. 151.

№ 3

1680 г., не позднее августа 17. – Повторная челобитная П.Д. Дорошенко с просьбой пожаловать его вотчиной.

(Л. 10). Царю, государю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом холоп твой, до конца розореной Петрушка Дорошенко. Бил челом я холоп твой тебе, великому государю о Чегиринском и по сю сторону Днепра о своем всяком розорении, и та государь моя челобитная от твоей государской пресветлой милости ко мне убогому и розоренному холопу твоему ни с каким указом ни схаживала. И я, холоп твой, в розорении своем розоряюс в конец. Милосердый государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего для своего царского многолетнего здравия и для всемерной своей государской пресветлой радости, не дай мне убогу и розорену холопу своему впред в конец розоритца и против прежнего моего челобитья и нынешнего надо мною убогим свой государской милостивой розсмотрительной во всем указ учинить, чтоб мне, убогому и розоренному и достал в конец не розоритца и з женишкою и з детишками своими и с людишками быть и работат тебе, великому государю, аки Богу и обед пред вами, великими государи, свой исполнить. Царь, государь, смилуйся.

На л. 10 об. помета: Приискат прежнюю ево челобитную и положить на стол.

РГАДА. Ф. 229. Он. 1. Д. 151.

⁵ Далее в конце строки идет слог «да», хотя на следующей строке «дабы» написано полностью.

1680 г., августа 23. – *Опись состояния двора Г. Никитникова после съезда с него П.Д. Дорошенко.*

(Л. 22) [7] 188 году августа в 23 день по указу великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца Петр Дорошенко гостя з Григорьева двора Никитникова со всем переехал на Покровку на Посолский двор.

А по осмотру на Григорьеве дворе Никитникова в полатах:

В передней образ Рождество Пресвятыя Богородицы, стол дубовой и во всех полатах, что вдоль двора окончины и затворы железные у всех окон лавки и печь, и пол, и двери, и крюки – все в целости.

В деревяной, где у него была покоевая, образ Успения Пресвятыя Богородицы, стол дубовой, во всех окнах окончины, лавки и полки, и печь, и пол – все в целости.

В полатах же, что поперег двора по улице, где жили челяд ево, два образа, два стола дубовые расколоты, 2 скамьи, окончины и затворы железные, у всех окон целы и в том числе 3 окончины худы, лавки и пол, и печи, у дверей крюки и пробой целы.

РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151.

© 2013 г. Т.Г. ТАИРОВА-ЯКОВЛЕВА

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ УКРАИНСКОЙ КАЗАЦКОЙ ЭЛИТЫ О ПОДДАНСТВЕ РУССКОМУ ЦАРЮ

В данной статье содержится анализ представлений украинской элиты о подданстве русскому царю. Рассматривается генезис формирования менталитета политической элиты Украинского гетманства, ее отношение к договорным «статьям», их соблюдению и присяге.

The article considers the views of the Ukrainian political elite on their relations with Russian tsar. It studies the genesis of the Ukrainian political elite's mentality, their attitude to the «points» of their agreement with the tsar and obligation to be true to the oath of allegiance.

Ключевые слова: Украинское гетманство, Украина, казачество, политическая элита.

Вопрос о характере взаимоотношений Украины с Россией после 1654 г. всегда был очень острым в историографии, как и оценка самих договоренностей в Переяславле. В последнее время в работах российских историков, далеких от собственно «украинских» вопросов, появилась тенденция к упрощению ситуации. В конечном итоге, они озвучивают царский взгляд на события, какими они представлялись в Москве в середине XVII в. [1–2]. Так К.А. Кочегаров при оценке тех соглашений, которые имели место между Московским государством и Украинским гетманством, начиная с 1654 г. пишет: «Мне хотелось бы отметить, что “договор между царем и гетманом” по форме все-таки договором не был [...] Он представлял собой статьи или “пункты”, которые являлись актом царской милости, пожалования и, во-первых, не предусматривали равноправия сторон, а во-вторых легального выхода из царского подданства» [3. С. 117].

Вопрос о форме соглашений Украины с Россией имеет огромную историографию и выходит за рамки настоящей статьи. В данном случае интересно не то, как юридически оформлялось «присоединение» или пользуясь терминологией того времени – «принятие под высокую руку» царя, но то, как на это смотрели стороны, прежде всего – украинская.

Присоединение новых территорий – Украины – не было для России событием исключительным. Поэтому стоит посмотреть на этот вопрос шире, сравнив его с присоединением других народов и территорий. Вопрос о серьезных различиях в отношении к «подданству» двух сторон (царя и присоединяющихся народов) подробно рассмотрен В.В. Трепаловом в ряде работ и в частности – в его последней монографии. Он пишет: «В XVI–XVIII вв. одни владения входили в состав Российского государства реально, другие – номинально. Степень реальности/номинальности зачастую понималась по-разному в столичных инстанциях и на

Таирова-Яковлева Татьяна Геннадьевна – д-р ист. наук, профессор СПбГУ. Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 12-31-01017.

«национальных окраинах»». Трепалов выделяет объективные параметры принадлежности региона государству: «1. Включенность территории (народа) в высшую государственную символику – большой царский титул или большой государственный герб; 2. Налогообложение в пользу единого государства; 3. Распространение на данный регион действия общероссийского законодательства и подведомственность внутригосударственным инстанциям; 4. Принадлежность его (региона) к одному из административных подразделений государства».

Далее В.В. Трепалов пишет: «Очевидно, вести речь о вхождении территории в состав государства можно лишь с тех пор, как она характеризуется хотя бы тремя из перечисленных четырех критериев» [4. С. 134].

Теперь посмотрим внимательно, как данные положения исполнялись и на примере Украины.

1. Малая Россия вошла в титул царя сразу с 1654 г., тогда же была изготовлена и новая большая государственная печать.

2. Налогообложение в пользу царя предусматривалось статьями 1654 г.: «Доходы всякие денежные и хлебные збирать на царское величество и отдавать в его государеву казну» [5. № 245. С. 561]. Однако это на самом деле никогда не исполнялось, и в 1657 г. воевода Ф. Бутурлин выговаривал Б. Хмельницкому, что «доходов никаких царское величество со всех городов Малые Росии [...] в свою царского величества казну ничего не имывал» [6. Т. III. № 369. С. 567]. Идея сборов в царскую казну была возобновлена в Московских статьях 1665 г. с подачи гетмана И. Брюховецкого: «Денежные и не денежные поборы от мещан и от поселян, во всяком Малороссийском городе и селе живущих [...] погодно в казну Государеву выбирать» [7. С. 143]. Но затем – после массового восстания против русских воевод и страшной резни – было ликвидировано, вплоть до петровской реформы 1722 г.

3. Что касается судебной системы и законодательства, то в Жалованной грамоте Алексея Михайловича 1654 г. говорилось: «И судитись им велели от своих старших по своим прежним правам» [5. № 248. С. 568]. Попыток распространить общероссийское законодательство не предпринималось вплоть до 1781 г. (если не учитывать планы ввести общеимперские законы в конце правления Петра I).

4. Украина после 1654 г. подчинялась Посольскому приказу, точнее – входившему в ее состав Малороссийскому. Никакого отношения к Разряду, управлявшему внутренними делами Российского государства, Украинское гетманство не имело. Только в 1722 г. Петр I предпринял попытку создать Малороссийскую коллегию, которая получала права высшего апелляционного суда, а также должна была осуществлять контроль над гетманской администрацией и финансами. После ликвидации коллегии в 1727 г., она была вновь восстановлена в 1733 г. Однако, все эти попытки вплоть до окончательной ликвидации гетманского правления носили временный характер, вызывали множественные протесты, и лишь в 1781 г. на территорию бывшего Украинского гетманства была распространена система администрации Российской империи.

Таким образом, только один пункт из классификации В.В. Трепалова имел место в отношении Украины. Следовательно, можно сделать вывод, что реально территория Левобережной Украины вошла в состав Российского государства только в конце XVIII в., после ликвидации гетманского правления и административно-судебных структур Украинского гетманства. До этого Украина имела широчайшую автономию, собственную административную и судебные системы, собственное законодательство и даже таможенную. Что касается Правобережной Украины, то она окончательно вошла в состав Российского государства еще позже – примерно в 30-е годы XIX в., когда на территориях бывшей Речи Посполитой было ликвидировано использование Литовского статута и распространена губернская администрация.

Можно отметить, что начиная с конца 50-х годов XVII в. российские власти предпринимали попытки ускорить процесс реального вхождения украинских земель в структуру Российского государства, но каждый раз наталкиваясь на яростное сопротивление местной элиты и широких масс казачества и мещанства, отказывались от этих попыток.

Как же относилась украинская казацкая элита к вопросу о подданстве? С точки зрения Московского государства – подданный, это подчиненный власти царя. Правда (о чем пишет В.В. Трепалов [4. С. 135]) в семантике самого слова «подданный» заключен конкретный смысл – плательщик дани, а как мы видели, «дани», т.е. налогов Украина как раз и не платила. Если при оформлении подданства народов, присоединяемых к России, когда шла речь об иноверцах, для оформления подданства использовалась шерть (магические действия), то в случае присоединения христианских народов она заменялась крестным целованием. Трепалов пишет: «Официально шертные соглашения оставались двусторонними договорами, но на самом деле являлись декларацией обязанностей младшего участника договора по отношению к старшему» [4. С. 137]. И далее, что еще более важно: «Если воеводы видели в них (шертях) знак безусловного и исключительного подчинения Москве, то «иноверцы» – неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русскими о военном союзе, взаимном ненападении и покровительстве» [4. С. 139–140].

Именно лояльность была ключевым моментом в тесте присяги Б. Хмельницкого: «Служити нам великому государю и прямити и доброхотом во всем вправду безо всякие хитрости, и нашего государственного здоровья во всем оберегати и никакого лиха нам не мислити» [8. № 94. Ч. II. Л. 84].

Можно возразить, что православные украинцы смотрели на подданство по-другому, чем нехристианские народы. Но ведь именно стремление получить возможность управлять своей страной – было движущей силой казацких восстаний (если не брать «темную» силу, которая сопутствует любым радикальным движениям). Поэтому сохранение своей автономии – как можно более полной – была для них ключевым моментом.

Переосмысление казачеством своей роли в Речи Посполитой, наметившееся в конце 20-х годов XVII в., привело к тому, что старшина стремилась распространить на реестровых права шляхты. Это тем более интересно, что большинство из них и так являлись шляхтой, а, следовательно, имели право пользоваться свободами и политическими правами привилегированной части Речи Посполитой.

Уже через десять лет после смерти гетмана П. Сагайдачного, 9 июня 1632 г. казаки подали в конвояционный сейм письмо, в котором, ссылаясь на «службы свои рыцарские», предлагали в качестве кандидата в короли королевича Владислава и просили, чтобы их считали равными членами Речи Посполитой и «не обделяли в избрании короля». Есть там и примечательное пожелание: «Чтобы мы были наделены вольностями, людям рыцарским надлежащими» [9. Приложение № LXXIV. С. 403–407]. Подписали это письмо Лаврентий Пашковский, Герасим Копц, Дорош Кушкович, Теодор Пых [9. С. 405]. По крайней мере двое из подписавшихся принадлежали к шляхетскому сословию.

Следует отметить, что еще Н.И. Костомаров переводил польское слово «wolność» как «права», а не как «свободу» [10. С. 170]. Именно такая трактовка «вольности» встречается и у Мелентия Смотрицкого: «Представ с нашей просьбой на нынешнем сейме, мы покорно и униженно просим исходить из общих законов: сжалеться, не давайте ломать наших законных свобод и привилегий» [11. С. 178].

На рыцарственный характер службы казаков обращал внимание и Б. Хмельницкий. Он заявлял Я. Смяровскому в ноябре 1648 г.: «Как предки мои самоотверженно и с пролитием крови служили королям польским, так и я, не изменяя им,

с подчиненным мне рыцарством, хочу верно служить его величеству королю, моему милостивому государю, и Речи Посполитой» [12. С. 454]. Рыцарь – т.е. ровня шляхте, имеющей права управления, голосования, выбора и т.д.

Именно в годы восстания Хмельницкого пришло полное осознание политической элитой Украины того, что они могут и должны осуществлять свои вольности и иметь право управлять своей страной. Осознание это пришло прежде всего к самому гетману и его ближайшему окружению, а затем – все к более широкому кругу старшины, которая уже с 1649 г. втягивалась в административное и судебное управление Украинским гетманством. Для людей, которые на равных (или почти на равных) переписывались с иностранными государями, обменивались с ними иностранными посольствами, было уже практически невозможно вернуться к прошлому «ушербному» положению. И если вышшим влиянием и властью пользовался только очень узкий слой старшины, то совершенно другое дело – местное управление, административная и судебная власти. Если учесть, что по реестру 1649 г. имелось 16 полков, в среднем по 15 сотен, соответственно 240 сотников, а также писари, бунчужные, обозные, судьи и т.д., набирается несколько тысяч старшины, которая за следующие несколько лет уже почувствовала вкус долгожданной «воли».

Итак, перед нами новая политическая элита, которая с оружием в руках, целой сложной внешнеполитической комбинацией завоевала право управлять своей страной. Между прочим, такие же права – управлять своим городом добились и украинские православные мещане, наконец изгнавшие католиков, ограничивавших их право вписываться в цеха, участвовать в выборах войта и т.д.

Следует добавить, что трактовка «статей» с московским царем именно как договоров со стороны казацкой элиты была совершенно естественна. И Богдан Хмельницкий, и его преемники опирались на традицию договоров с Речью Посполитой. Эта принципиальная разница в традициях (в Речи Посполитой король был равен своим подданным (шляхте), так как ими избирался – в отличие от самодержца российского) очень ярко проявилась в знаменитом эпизоде в соборной церкви Переяславля в январе 1654 г. Перед принесением присяги Хмельницкий и старшина потребовали от воеводы В.В. Бутурлина «учинити вера за государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Руси, что ему государю их гетмана Богдана Хмельницкого и все войско запорожское полскому королю не выдавать и за них стоять, и волностей не нарушать». Бутурлин наотрез отказался, заявив, что такого «николи не бывало и впредь не будет», а «всякой подданной повинен веру дати своему государю». На заявление полковников, что «полские короли подданным своим чинят присягу», воевода отвечал, что «те короли неверные и не самодержцы». Показательно, что на присяге воеводы особенно настаивали простые казаки [6. Т. X. № 4. С. 225–227].

Честно говоря, совершенно неясно, почему если шертные грамоты, по мнению историков, являлись двусторонним договором, то таковыми не были «договорные статьи»? То, что гетман и старшина в конечном счете (после долгих пререканий) согласились на одностороннюю присягу, не говорит о том, что их взгляды на «статьи» изменились. Просто военная обстановка требовала срочного союза с царем.

Мы не знаем, на каком языке объяснялись стороны в Переяславле и были ли у воевод переводчики – статейный список В.В. Бутурлина не позволяет ответить на этот вопрос. Но то, что стороны или не понимали или не хотели понимать друг друга – это точно. Когда вопрос зашел о том, будет ли царь платить Войску Запорожскому, посланцы гетмана С. Богданов и П. Тетера заявляли: «Как столники твоего царского величества по городах к вере приводили, сказывали то, что войску запорожскому денги будут» [6. Т. X. № 8. С. 485]. Русские же утверждали, что Б. Хмельницкий говорил Бутурлину, «что они жалованья у государя просить не учнут» [6. Т. X. С. 483].

Точно также неверно считать, что статьи (по крайней мере с точки зрения старшины) не оставляли возможности для «легального выхода». Как ни парадоксально, но царь сам создал прецедент. В решении Земского собора 1653 г. с целью оправдать Б. Хмельницкого и всех жителей Украины в нарушении присяги Яну Казимиру (они приносили ее еще в 1648 г.) говорилось, что польский король, вступая на престол, присягал защищать христианскую веру. «А будет он тое своей присяги не здержит, и он подданных своих от всякия верности и послушанья чинит свободными» [5. № 197. С. 414]. Не очень с юридической точки зрения веское основание, но в любом случае факт нарушения договоренности одной стороной признавался Москвой основанием для освобождения другой стороны от крестного целования. Видимо, в Москве понимали спорность этого момента и потому искали новые аргументы. Вдогодку к уже отправленному к Хмельницкому с объявлением о «принятии Украины» Бутурлину было послано сообщение с Парфеньем Тоболиным, что «в литовской печатной констытуцые, как Ян Казимер король на коронованье своем присягал, написано, что ему меж разньствующими в вере христианской стрещи и защищати, а утесняти для веры никого не попускать, ни самому утеснять или оскорблять; а будет он в чем клятву свою повредит, то он подначалных своих от послушания своего королевского свободных творить и разрешения никакова от той клятвы своей ни у кого просить не будет и не примет». С этой копии королевской присяги был послан список «латынским писмом» и перевод «рускою речью». Бутурлину приказывалось «в подобное время у гетмана Богдана Хмельницкого [...] про тое королевскую присягу говорить, что король их, по своей присяге, за насиле веры христианские учинил волными. И будет гетман попросит с той королевской присяги списка, и ему список дати белоруским писмом» [6. Т. X. С. 152]. Любопытно, что эту выписку из «польской конституции» для Алексея Михайловича готовил «киевлянин старец Феодосий» [6. Т. X. С. 152–153].

Что же удивляться тому, что в дальнейшем исполнение или нарушение договорных статей царем рассматривалось украинской казацкой элитой как безусловный повод для освобождения их от присяги – так же, как и в случае с польским королем. Например, таким нарушением гетманы считали возможную уступку полякам украинских территорий (предусмотренную Андрусовским перемирием) – и в частности Киева. В связи с этим Д. Многогрешный в 1677 г. прямо заявил, что в случае уступки Киева «они, гетман с Войском Запорожским, сыщут себе иного государя» [8. № 91. Л. 98–108а]. То же самое заявили в 1684 г. и посланцы И. Самойловича: «При ком Киев и Запороже пребывати будет, при том и все Войско Запорожское оставатца непоколебимо будет» [8. № 90. Л. 23].

Вообще, территориальный вопрос очень чувствительно воспринимался украинской элитой. В 1684 г. казацкая старшина писала царю: «Когда сия Малая Росия с Войском Запорожским с посполитым народом принята учинилась в милостивую милостивого пресветлого монарха оною оборону, тогда сия страна малороссийская обреталась в совершенной своей полности, не токмо от полской земли по реку Случь и по город Каменец, а от волоской земли по реку Днестр широта ея протягалась, но и от Литвы в глупь свои широкие имела границы: а по обоим сторонам Днепра города, и места людные, и села частые, и поселения своя изобилныя обретались, а сверх того святынь церквей Божиих множество многое и монастырей благочинных полно было [...] А ныщне с великою и неутолимою жалостию нашею мы гетман с войском запорожским и со всем народом малороссийским то поносити должествуем [...] Господь Бог допустил умаленные быть понеже оная сторона Днепра во отлучении осталась [...] Паче нас снесает жалость, что полская страна природною лукавою хитростию своею на Андрусовкой комиссии таких доступила речей, которыя так о Киеве, так и о Запороже». И хотя старшина признавала, что территориальные потери произошли частично «войнами внутренними через при-

сяги преступников», но явно не собиралась снимать ответственность за уступки и с царя [8. № 90. Л. 96–98]. Они подчеркивали, говоря про Брацлавское, Киевское и Черниговское воеводства с границами, оговоренными Зборовским договором 1649 г., что «тех трех воеводствах и Украина вся и Войско Запорожское заключаецца» [8. № 90. Л. 19].

Другим, не менее острым и принципиальным, был вопрос об административном управлении – т.е. о полномочиях воевод и их присутствии/отсутствии в городах. Уже подчеркивалось, какая историческая подоплека заключалась в этом требовании казацкой элиты. Трансильванский посол Ф. Шебеш, находившийся у Б. Хмельницкого, записал в дневнике ответ гетмана воеводе Ф. Бутурлину: «Я поддался не для того чтобы делать то, что скажешь [...] Я с польским королем уже перед этим бился, чтобы вернуть свободу мне и казакам, чтобы они не были холопами, но носили казацкое имя» [13. S. 540]. Эти мотивы звучали от старшины и позже. Самойло Выговский в разговоре со стольником П. Скуратовым сказал: «Пушкарь де говорит, что у них во всем Войске быть государевым воеводам [...] Было де то и при королях Польских, что были Ляцкие полковники [...] за то де и межусобье стало, полковников де и ляхов побили» [6. Т. IV. № 68. С. 126].

Именно мотивы «вольности» (т.е. прав) звучали в сентябре 1658 г. в знаменитом универсале Войска Запорожского «к иноземным государям». В нем объяснялась необходимость отступления от «Московии» и перехода под покровительство Речи Посполитой. В этом универсале были такие примечательные слова: «Ни из-за каких-либо других мотивов мы приняли протекцию великого князя московского, но только для того, чтобы сохранить и приумножить для себя и нашего потомства свободу нашу, добытую с Божьей помощью оружием и много раз ценой крови возвращенную». «Мы ожидали, что учитывая единство веры и наше добровольное подданство, великий князь московский будет к нам справедливым, доброжелательным и ласковым, будет поступать с нами честно и свободы наши не будет притеснять, но наоборот все больше и больше их увеличивать согласно своим обещаниям, но обманули нас эти надежды» [14. С. 363]. Тут можно вспомнить, что например башкиры тоже рассматривали подданство царю как свой свободный выбор и результат взаимного согласия с Москвой, а «стойкая память о добровольном присоединении и царских пожалованиях приводила башкир к убеждению в одностороннем нарушении правительством своих давних обязательств» [4. С. 147, 149].

Глубоким заблуждением будет считать, что в Украинском гетманстве политическая элита смотрела на «статьи» не как на договор, ни к чему не обязывающий царя. В декабре 1659 г. в Москву была направлена депутация влиятельных старшин, которая добивалась пересмотра Переяславских статей 1659 г. Когда им было отказано, через полгода именно эти старшины (П. Дорошенко, П. Апостол и др.) перешли на сторону Речи Посполитой и заключили с ней Чудновское соглашение. Можно вспомнить с какой настойчивостью, а иногда – с бурными дебатами на раде, принимались те или иные статьи – например во время Батуринской рады 1663 г. [15. С. 73–81]. Не меньше споров с воеводами было и в 1669 г. на Глуховской раде. Никто из казацкой старшины не относился к «статьям» как к формальности, но все смотрели на них как на договоренности об определенных взаимных обязательствах.

Ярким доказательством этому служит «Прошение малороссийского шляхетства и старшины о восстановлении разных старинных прав Малороссии», составленное старшинской радой в Глухове осенью 1763 г. Добиваясь расширения автономии, старшина ссылаясь на «Статьи Богдана Хмельницкого» и заявляла про события присоединения Украины к России в 1654 г.: «Сие добровольное подданство учинил он на договорах [...] Оные договоры от времени до времени при постановлении каждого гетмана поновляемы и подтверждаемы были» [16. С. 27].

Подводя итог, следует отметить, что в своем отношении к подданству украинская политическая элита опиралась на давнюю традицию борьбы за свои «вольности» и пыталась добиться от царя конкретных, устраивавших ее «статей», по аналогии со статьями, утверждавшимися польскими королями (например, «Статьи или пункты для успокоения руського народа» 1632 г.). После подведения юридической базы под «освобождение от присяги» польскому королю в 1653 г. украинская элита считала себя свободной от присяги в любом случае «нарушения статей». Главным аргументом тут выступал «добровольный» характер подданства. Элита признавала верховенство (подданство) царю – прося подтверждения своих земельных или юридических прав (например, грамоты на имения или на Магдебургское право). Но не считала, что царские чиновники вправе вмешиваться в административные вопросы управления гетманством. Главной обязанностью царя по их мнению была защита от внешнего врага, сохранение территориальной целостности гетманства и соблюдение «вольностей».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шкваров А.Г. Петр I и казаки. СПб., 2010.
2. Алмазов А.С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. Вых. дан.
3. Обсуждение монографии Т.Г. Таировой-Яковлевой «Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства»» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 2.
4. Треналов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.
5. Воссоединение Украины с Россией / Сборник документов. М., 1953. Т. III.
6. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею. СПб., 1861. Т. III; 1863. Т. IV; 1878. Т. X.
7. Источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским. М., 1858. Т. 2.
8. Российский государственный архив древних актов. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1.
9. Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его современники. Киев., 1883. Т. II.
10. Костомаров Н. Богдан Хмельницкий. СПб., 1884. Т. 2.
11. Уния в документах. Минск, 1997.
12. Краусгар А. Посольство Яна Смяровского к Богдану Хмельницкому во время осады Замостья в 1648 г. // Киевская Старина. 1894. Т. 47. № 12.
13. Monumenta Hungariae Historica, Diplomatoria. Budapeste, 1874. Т. XXIII. Okmantar II Rakoczy diplomaciai ossrekotte tesihet.
14. Архив Юго-Западной России, изданный Временной комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1875. Т. VI. Ч. III.
15. Таирова-Яковлева Т.Г. Батуриные статьи 1663 года. // Батуриньска старовина. Збірник наукових праць, присвячений 300-літтю батуриньської трагедії. Київ, 2008.
16. Прощение малороссийского шляхетства и старшин вместе с гетманом о восстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II в 1764 году // Киевская Старина. 1883. № 6.

© 2013 г. М. А. КИСЕЛЕВ, Я. А. ЛАЗАРЕВ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРИЗРАК «УКРАИНСКОЙ ДИВИЗИИ»: К ВОПРОСУ О РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1706–1708 ГОДАХ

Концепт «Украинской дивизии» был создан в XIX в. историками Слободской Украины, использовался только для описания ситуации на Слободской Украине и исходил из реалий второй половины XVIII в. Источники первой половины столетия не упоминают о существовании «Украинской дивизии». В качестве возможного прототипа этой дивизии для историков Слободской Украины мог служить Украинский корпус. Однако он был создан уже после измены гетмана И.С. Мазепы и за некоторым исключением не включал в свой состав полков Гетманщины.

The concept of the «Ukrainian Division» was created in the nineteenth century by historians of the so called Sloboda Ukraine. This concept was used only to describe the situation in the Sloboda Ukraine and based on the realities of the second half of the eighteenth century. Sources from the first half of this century say nothing about this military unit. One might presume that historians in the Sloboda Ukraine confused it with the so called Ukrainian Corps, but it was formed after the treachery of Mazepa and, with few exceptions, did not include regiments from the Hetmanate.

Ключевые слова: история Украины, Украинское гетманство, И.С. Мазепа, реформы Петра I.

В письме 2011 г. в редакцию журнала «Славяноведение» [1] известный биограф гетмана И.С. Мазепы Т.Г. Таирова-Яковлева сделала ряд критических замечаний в адрес современных российских и украинских историков, затрагивавших отношения Гетманской Украины и Российского государства. Она считает, что напряженный фон российско-украинских отношений – особенно в рамках празднования юбилеев Полтавского и Конотопского сражений – накладывает «ответственность на историков за соблюдение профессиональной этики и деполитизацию истории». Однако, этот процесс, по мнению автора, осложняют два фактора: когда «судить об исторических событиях [...] позволяют себе люди, не имеющие исторического образования» и когда «профессиональные историки скатываются в болото популистских лозунгов» [1. С. 116]. Далее исследователь констатировала, что «из одного издания в другое продолжают кочевать избитые штампы и фактические ошибки». Таирова-Яковлева подвергла критике ряд российских и украинских исследователей – В.А. Артамонова, Г.А. Санина, А.В. Малова, И.Б. Бабулина, Ю.А. Мыщыка, А.Г. Сокирко. Особо стоит отметить замечания в адрес Малова и Бабулина. Первому было поставлено в вину то, что в комментарии к одной из ста-

Киселев Михаил Александрович – канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Лазарев Яков Анатольевич – аспирант Уральского федерального университета.

тей Таировой-Яковлевой [2] историк «загравивает сферу, которая находится очень далеко от его профессиональных интересов». В отношении И.Б. Бабулина исследовательница прямо заявила, что историк «не знаком с историографией вопроса (по проблемам развития Гетманщины в середине XVII в. – *М.К., Я.Л.*)». В конце письма Таирова-Яковлева призвала своих коллег оставить «политику политикам, популизм – журналистам, а историческую науку – историкам» [1. С. 117].

В том же 2011 г. Т.Г. Таирова-Яковлева издала довольно объемную монографию «Иван Мазепа и Российская империя» [3]. Учитывая провозглашенные в упомянутом письме принципы, можно было предположить, что данная работа должна была явить образец академичности и беспристрастности, а также продемонстрировать высокий уровень анализа источников и историографии. Однако, даже беглое ознакомление с текстом монографии позволяет усомниться в следовании автором помянутым принципам.

Т.Г. Таирова-Яковлева явно предвзято подошла к оценке ближайшего окружения Петра I. Например, указывая на «факт» назначения в 1708 г. гвардейского майора В.В. Долгорукова, зачисленного ею в состав «новой волны» в окружении Петра I, «на Украине командиром», она без каких-либо ссылок на источники сразу же обнаруживает у него корыстные мотивы, которым мешала «автономия Украинского гетманства»: «Для них (“новой волны”. – *Я.Л., М.К.*) богатые украинские земли и города были заманчивой перспективой для личного обогащения» [3. С. 330].

В другом месте историк акцентировала внимание на следующих «реалиях» первой половины XVIII в.: «Факт малоизвестный, но почти все ближайшие соратники Петра (включая Меншикова) закончили свою жизнь либо в ссылке, либо на плахе [...] Одним из таких был [...] П.П. Шафиров» [3. С. 286]. Всю ошибочность этой фразы можно понять, если обратиться к известному исследованию Д.О. Серова, посвященному персональному составу государственного аппарата России первой четверти XVIII в. Если бы Т.Г. Таирова-Яковлева обратилась к этому научному труду, то обнаружила, что П.П. Шафиров, хотя и побывал в ссылке, окончил свою жизнь не на плахе, не в ссылке, а на посту президента Коммерц-коллегии [4. С. 80, 103]. Конечно, Таирова-Яковлева указала на судьбы А.Д. Меншикова и П.А. Толстого. Однако, их звезды закатились в результате придворной борьбы, а не из-за их «криминальной» деятельности. В тоже время вне поля зрения историка остались личности тех, кто был близок к Петру I, внес заметный вклад в осуществление его реформ и не «закончил свою жизнь либо в ссылке, либо на плахе». К их числу можно отнести генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса, генерал-прокурора П.И. Ягужинского, канцлера Г.И. Головкина, генерал-майора В.И. де Геннина, президента Камер-коллегии Г.И. Кошелева, сенатора и президента Штатс-контор-коллегии И.А. Мусина-Пушкина, сенатора и президента Юстиц-коллегии А.А. Матвеева и др.

В концептуальном плане особое место в книге Т.Г. Таировой-Яковлевой занимает глава «Реформы 1707 г.», в которой раскрывается основной конфликт гетмана И. Мазепы и «Российского государства». В начале главы Таирова-Яковлева ставит вопрос о взаимосвязи «“притеснений” со стороны российских властей при Мазепе» и петровских реформ 1720-х годов [3. С. 316]. При этом постановка вопроса у историка сопровождается некоторыми странными ошибками и нестыковками. В частности, она пишет о реформах, которые были предприняты Петром «сразу по окончании Северной войны, при верном и послушном гетмане И. Скоропадском». При этом «речь идет о введении резидентов (т.е. фактических наблюдателей) при гетмане, учреждении Малороссийской коллегии, по сути заменившей гетманскую администрацию, введении должности бригадира, новой системы налогов и, наконец, запрете избирать нового гетмана после смерти Скоропадского» [3. С. 316–317]. Даже если мы опустим вопрос о степени «верности» Скоропадского и доверия ему Петра, возникает следующая проблема: Северная война завер-

шила в 1721 г., а институт резидентов был введен в 1709 г. [5. С. 228–238; 6. Т. IX. Вып. I. С. 313–314.] Возникает также вопрос: что представляла собой введенная, согласно Таировой-Яковлевой, должность «бригадира»? Конечно, исследователям XVIII в. хорошо известен *чин* бригадира. По петровской «Табели о рангах» от 24 января 1722 г. бригадир относился к V классу [7. С. 56]. С.Л. Вельяминов, который в 1722 г. имел военный чин бригадира, при создании Малороссийской коллегии по указу от 16 мая 1722 г. был назначен на должность президента этой коллегии. Указание Т.Г. Таировой-Яковлевой на введение «должности бригадира» свидетельствует, что историк слабо представляет разницу между *чином* и *должностью*. И это не единственная подобная ошибка в монографии. Например, обер-инспектор Ратуши А.А. Курбатов был превращен в «обер-прокурора» [3. С. 285], а киевский воевода Д.М. Голицын в 1707 г. «стал» губернатором [3. С. 327].

Таким образом, указанные примеры, которых можно было привести и больше, заставляют усомниться в точности и объективности изложенного Т.Г. Таировой-Яковлевой материала. Более того, это подталкивает к определенной перепроверке сведений, приводимых историком, что, в свою очередь, может привести к неожиданным выводам.

В главе «Реформы 1707 года» Т.Г. Таирова-Яковлева упоминает о назначении Петром I гвардии майора В.В. Долгорукова на «Украину» в качестве некоего военного «командира», что было, по ее мнению, «показательным фактом» вмешательства российской администрации во внутренние дела Гетманщины. Историк пишет: «Не менее показательным является и факт назначения Петром майора Преображенского полка В.В. Долгорукого в мае 1708 года “быть со всеми москвичи, с столниками, с стряпчими, з дворяны, и с царедворцы, и со всеми городовыми и всяких чинов ратными людьми, и с конными драгунскими, и с пешими салдацкими, и з слободскими черкасскими, и с кумпанейными полками, и гетманскими многими региментами на Украине командиром”» [3. С. 329–330]. При этом Таирова-Яковлева к этой цитате о назначении Долгорукова «командиром» не дает никаких комментариев. В результате у читателя складывается впечатление, что некий гвардейский майор (даже не полковник или генерал) оказался командующим над всеми войсками на Украине, включая и войска Гетманской Украины.

Действительно, 12 апреля 1708 г. (а не в мае, как пишет Т.Г. Таирова-Яковлева) майору В.В. Долгорукову было дано от Петра I приказание отправиться «на Украину, где обретаецца Бахметев» [8. С. 193]. Стольник С.П. Бахметев в конце 1707 г. был направлен из Москвы с отрядом в 300 человек для борьбы с восстанием К. Булавина. Помогать столнику «чинить над теми ворами» должны были полковник Острогожского полка (Слободская Украина) Иван Тевяшов с «полку ево с старшинами и с казаками» и «с Воронежа от адмиральтейских дел» полуполковник Рыкман «с пехотным полком» [8. С. 153]. В связи с этим Бахметеву следовало «идти [...] в Острогожской или на Воронеж. А ис тех мест в те места, где те воры явятца, и над ними чинить промысл и переловить» [8. С. 154]. Уже в марте 1708 г. Бахметев должен был передислоцироваться «из Острогожска в Танбов» [8. С. 173]. Таким образом, в апреле 1708 г. Долгоруков был отправлен командовать войсками не на Гетманской Украине, а на Слободской.

Накануне назначения В.В. Долгорукова 6 апреля 1708 г. П.П. Шафиров из Посольского приказа сообщал Войску Донскому, что против «вора Булавина» из Москвы посылаются «многое число ратных людей, конных и пеших. Також и из воинского походу из Литвы в помощь к ним посланы несколько драгунских полков, которые за излишком были». Кроме того, «против них же велено итти з Белгородским Розрядом и с слободскими полками ближнему нашему столнику и воеводе князю Дмитрею Михайловичу Голицыну с товарищи, которому в случение велено послать и подданному нашему гетману Ивану Степановичу Мазепе несколько компанейских своих полков» [8. С. 181]. Нарисованная вну-

шительная картина похода против восставших должна была укрепить боевой дух оставшихся верных Петру донских казаков, а также устрашить восставших. В реальности правительственные силы выглядели менее внушительно. Долгоруков, кроме отряда С.П. Бахметева, должен был получить под свою команду 400 драгун «с Воронежа», драгунский и пехотный полки «с Москвы», «Шидловского со всею бретадою, также из Ахтырского и Сумского полков. К тому ж дворянам и цередворцам всем и протчим, сколько возможно сыскать на Москве конных» [8. С. 193].

Для борьбы с К. Булавиным Петр I собирал все наличные силы. В связи с этим 12 апреля 1708 г. царь отправил два письма в «Малую Россию». Первое предназначалось киевскому воеводе Д.М. Голицыну, в котором сообщалось, что «получили мы ныне ведомости, что вор Булавин явился на Украине около Танбова [...] Того ради отравили господина маеора Долгоруково с несколькими полками». Петр I указывал Голицыну: «И ты от себя в прибавку из Ахтырского и Сумского полков по половине з добрым камандиром. И вели тому командиру быть у него, господина маеора, под кумандою» [6. Т. VII. Вып. I. С. 132]. Схожее послание было направлено и гетману И.С. Мазепе: «Вор Булавин явился около Танбова и уже многой убыток воровством своим учинил, того ради изволте нарядить и послать туды на Украину ис своих войск человек с тысячу, которых вернее, придав к ним доброво камандира. И прикажи оному, чтоб он был послушен господину маеору Долгорукову, которой туды от нас отправлен с полками» [6. Т. VII. Вып. I. С. 134]. Таким образом, самое большее, на что мог рассчитывать Долгоруков со стороны гетмана Мазепы, было получение под свою команду тысячи человек. Показателен в связи с этим ответ Мазепы Петру. В письме от 1 мая того же года он сообщил, что «еще прежде получения [...] указу, як скоро проведаль я о бунтовщику Булавину, [...] того ж часу, по должности уряду моего [...] для промыслу над ним ординовал туды полк Полтавской и полк компании». Мазепа приказал полковникам «з полками их ити до Белагорода в совокупление» с российскими отрядами и «по совету и приказу коммендиера тамошнего воинский о поиску того бунтовщика чинити промысл». В связи с этим Мазепа отписал царю, что он отправил «ординанс» компанейскому и полтавскому полковникам, «чтобы там, повинаяся в всем [...] господину майору, по приказу и совету его верно [...] чинили над Булавином промысл» [6. Т. VII. Вып. I. С. 572–573]. Таким образом, в распоряжении гвардейского майора В.В. Долгорукова должно было оказаться довольно пестрое воинство, включавшее в том числе два слободских полка в половинном составе из ведомства киевского воеводы и два «малороссийских» полка из ведомства гетмана, которые к этому времени и так были отправлены на подавление восстания.

12 мая 1708 г. В.В. Долгоруков прибыл в Воронеж. Будучи там, помимо военных приготовлений, он отправил «на Дон, в Черкасской и на Хапер во все городки, к атаманам и к казакам увещательные письма» [6. Т. VII. Вып. II. С. 679]. Собственно, Т.Г. Таирова-Яковлева и привела цитату из такого «увещательного письма», в котором Долгоруков «объявлял» донским казакам, что ему «велено [...] быть со всеми москвичи, с столники, с стряпчими, з дворяны, и с царедворцы, и со всеми городовыми и всяких чинов ратными людьми, и с конными драгунскими, и с пешими салдацкими, и з слободскими черкасскими, и с кумпанейными полками, и гетманскими многими региментами на Украине камандиром» [6. Т. VII. Вып. II. С. 681]¹. Данная фраза, равно как и грамота из Посольского приказа от 6 апреля 1708 г., была частью правительственной агитации, направленной на то, чтобы испугать и впечатлеть донских казаков. Стоит отметить, что агитация имела определенный успех. Среди донских казаков стали распространяться слухи о больших правительственных силах. 2 июня 1708 г. Долгоруков сообщал из Острогожска

¹ У Т.Г. Таировой-Яковлевой ссылка ошибочно дана на V том [3. С. 463].

Петру I об успехе «увещательных писем»: «И сказывал мне черкашенин, что казаки зело опасаютца нашего приходу и не смели того моего письма распечатывать (с которого я послал до вашего величества копию), а хотели послать прямо в Черкаской, и спрашивали его, где я и много ль со мною полков. И он им сказал, что пришел я в Острогжск и ратных людей со мною много и еще де ис Москвы идут. И потом учинили они круг и советовали, и то письмо распечатали и прочли, и прочет то письмо зело стали быть радостны и взяли священника и служили молебен и говорили, чтоб им быть вашему величеству в верности непоколебимо. И то письмо послали того часу по всем городкам и до Черкаского. А у себя оставили список» [8. С. 254]. Похоже, что агитация Долгорукова смогла повлиять не только на донских казаков, но и на некоторых историков.

Таким образом, если мы выйдем за пределы взятой Т.Г. Таировой-Яковлевой вне контекста цитаты, то окажется, что «украинское» назначение В.В. Долгорукова не имело никакого касательства к петровским «реформам» Гетманщины, а относилось к одному из эпизодов борьбы с восстанием К. Булавина.

Очевидно, что Т.Г. Таирова-Яковлева не догадывалась об агитационном характере цитаты из «Писем и бумаг» и воспринимала ее как реальный указ Петра I. Однако, если исходить с позиции реальности этого «указа», то при прочтении главы «Реформы 1707 года» из упомянутой монографии Таировой-Яковлевой может возникнуть ощущение некоторой недосказанности: с одной стороны, этот «указ» предполагал радикальную реформу гетманского войска, с другой стороны, исследовательница больше ничего не пишет ни о последствиях «указа», ни о его реализации и не дает никаких комментариев. Скорее всего, она взяла данную цитату уже в готовом виде из работ современных украинских историков, которые ей должны быть хорошо известны².

В современной украинской историографии данная цитата о «командирстве» В.В. Долгорукова активно связывается с таким феноменом, как «Украинская дивизия», которая рассматривается как особое воинское формирование, представлявшее угрозу традиционному военному устройству Гетманской Украины. По мнению украинских историков (А.Г. Сокирко, Т.В. Чухлиб) [9–12], «Украинская дивизия» была создана в 1706 г. Собственно, в качестве единственного документального свидетельства ее «существования» и используется разобранная цитата из агитационного письма об якобы огромном войске под командованием В.В. Долгорукова. Что же касается года возникновения «Украинской дивизии», то украинские историки ссылаются на работу Е.М. Апанович 1969 г., посвященную вооруженным силам Украины первой половины XVIII в. [13].

В данной монографии историк указала на некий царский указ 1706 г., который закрепил «самодержавно-бюрократическую систему военного руководства на Украине». Согласно этому указу «была сформирована Украинская дивизия, куда вошли все казацкие полки Левобережной и Слободской Украины». Командование над ней «возлагалось на генералов царской армии». В результате этого «усилилась зависимость гетманского правительства от царского, а казацкое войско переходило в непосредственную компетенцию царского командования» [13. С. 11]. Важно отметить, что этот указ приводился без каких-либо ссылок на источники или даже исследования. Однако, далее в тексте Е.М. Апанович упоминала, что «с 1700 г. слободские полковники были переданы в подчинение бригадиру, который подчинялся царскому генералу – командиру Украинской дивизии» [13. С. 13]. При этом историк ссылалась на работу Е.А. Альбовского по истории Харьковско-слободского полка [14].

Если мы обратимся к исследованию Е.А. Альбовского, вышедшего в 1895 г., то прочитаем следующее. «В пределах слободских полков в 1709 г. была располо-

² Например, она ссылалась на [9].

жена на квартирах целая дивизия русских войск под начальством Апраксина; ему подчинены были также и все слободские полки; военными и гражданскими делами их с этого времени начали заведывать русские генералы, начальники дивизии, называвшейся по месту своей стоянки «Украинскою» [14. С. 111]. Источником приведенных фактов для Альбовского служила книга П. Головинского о слободских казачьих полках [15].

П. Головинский в свою очередь отмечал, что после «Полтавского сражения в Слободских полках расположена была на квартирах дивизия русских войск под начальством Петра Матвеевича Апраксина, которому велено было, командуя Слободскими полками по военной части, заведывать и гражданскими их делами. Это право, по 1734 год, постоянно принадлежало начальникам дивизии, квартировавшей на Украине и потому называвшейся Украинскою» [15. С. 147]. Указанные сведения Головинский взял из книги Н.В. Гербеля о Изюмском слободском полке [16].

Обращение к исследованию Н.В. Гербеля показывает, что историк относил к «Украинской дивизии» только Слободские полки. Автор отмечал, что «во время Полтавского сражения, Слободские полки, за исключением Острогожского [...] расположены были на границах своих земель, смежных с Гетманщиной». Уже после Полтавского сражения «Изюмский полк, вместе с другими Слободскими полками, вошел в состав украинской дивизии, вверенной Петру Матвеевичу Апраксину, соединившему в себе власть военную и гражданскую, как дивизионный генерал и губернатор» [16. С. 54]. Отметим, что Гербель, в каком-то отношении закладывая традицию для будущих исследователей «Украинской дивизии», ссылался на сочинение другого историка, а не на источники.

Этим историком был И.И. Квитка, который в 1812 г. напечатал краткий обзор истории Слободских полков по 1766 г. [17]. Квитка писал, что «по совершенном разбитии в 27-й день июня на полях Полтавских Шведской армии» Петр I «оставил под командою князя Репнина в Малой России пятнадцать полков, указав оные полки расположить на квартирах во всей малой России, а в Украинской дивизии определен Главным Командиром [...] Петр Матвеевич Апраксин, у котораго в главной команде находились Слободские полки; и он командуя оными по воинской части имел в сих полках власть по гражданской как Губернатор» [17. С. 12]. Сам Квитка, к сожалению, не давал каких-либо ссылок на источники своей информации.

Тем не менее, становится очевидным, что: 1) все сведения о возникновении «Украинской дивизии» у дореволюционных авторов опираются только на сочинение И.И. Квитки; 2) Квитка, как и его «последователи», «Украинскую дивизию» связывали исключительно с полками Слободжанщины, а не Гетманской Украины; 3) в качестве времени создания данного военного формирования указывался 1709 г.; 4) Квитка, описывая полномочия «главного командира» «Украинской дивизии» П.М. Апраксина, не упоминал об изменениях, связанных с первой губернской реформой Петра I.

Следует отметить, что в аутентичных источниках первой половины XVIII в. такого понятия как «Украинская дивизия» мы не встречали³. Однако, в источниках первой половины XVIII в. можно найти такое понятие как «Украинский корпус».

³ По крайней мере, такое понятие отсутствует в «Письмах и бумагах императора Петра Великого», в «Докладах и приговорах, состоявшихся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого», в «Полном собрании законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленном» [18], в бумагах Военной коллегии [19. Ф. 2. Оп. 10], в документах Правительствующего Сената [20. Ф. 248. Оп. 29]. Мы будем только рады, если кто-либо попытается опровергнуть данное наше наблюдение. Конечно, для этого потребуется обращение к архивным документам. Даже если наш вывод не удастся опровергнуть, полученные данные могут оказаться интересными сами по себе.

Обращение к журналам Военной коллегии показывает, что «Украинский корпус» появляется примерно весной-летом 1722 г. как специальное формирование, созданное для прикрытия южных границ Российской империи от нападения турок и татар. Командиром над ним был назначен М.М. Голицын. Ему были подчинены драгунские полки, пехотные батальоны, слободские и чугуевские казаки, калмыки, а в дальнейшем – полки ландмилиции [19. Ф. 2. Оп. 10. Д. 1. Л. 16об.–17, 25–25об.]. Имеющиеся архивные документы показывают, что на начальном этапе создания «Украинского корпуса» существовала некоторая неопределенность в статусе ее командира.

Одновременно с корпусом под командованием М.М. Голицына на территории Слободской Украины и Воронежской губернии находились драгунские полки И.Б. Вейсбаха. Эти подразделения первоначально планировалось отдать под команду киевского генерал-губернатора И.Ю. Трубецкого, но по настоянию Вейсбаха это решение было отменено «устным» указом Петра I [19. Ф. 2. Оп. 10. Д. 1. 322, 434об.–435]. Также по донесению Вейсбаха Сенат издал указ «белгородскому воеводе», по которому в случае необходимости и по вейсбаховскому требованию слободские полки могли быть определены под команду немецкого генерала [20. Ф. 248. Д. 1888. Л. 441об.]. К сожалению, не представляется возможным определить, как на практике выстраивались отношения Вейсбаха и Голицына. Однако, можно сказать, что к 1724 г. Вейсбах служил «в Украинском корпусе» [19. Ф. 2. Оп. 10. Д. 17. Л. 169об.].

Отметим, что к территории Гетманской Украины «Украинский корпус» имел довольно опосредованное отношение. Лишь некоторые драгунские полки могли располагаться на «зимние квартиры» на территории региона [19. Ф. 2. Оп. 10. Д. 2. Л. 220об., 224]. В некоторых случаях провиант и фураж на драгунские и ландмилицкие полки мог браться из доходов Малороссийской коллегии; а также с казачьих полков Гетманской Украины за «денежную заплату» или за вычетом из жалованья [19. Ф. 2. Оп. 10. Д. 17. Л. 169об.–170]. В основном же «корпус» обеспечивался провиантом из Воронежской и других губернских провинций Российской империи [19. Ф. 2. Оп. 10. Д. 2. Л. 224; Д. 59. Л. 100]. Только в 1723 г., после «отмены» гетманства, М.М. Голицыну было временно поручено общее командование над полками Гетманской Украины [18. С. 52–53].

Приведем роспись «Украинского корпуса», отправленную из Сум 13 июля 1733 г. Э.И. Бирону князем А.И. Шаховским, который в 1733 г. заступил на должность временно исполняющего обязанности командира этого подразделения.

Из росписи следует, что А.И. Шаховскому было поручено иметь «каманду над генералитетом с полками», в том числе над «генералом маэром Шуваловым и бригадиром и крепости Святыя Анны камендантом Заезерским с четырьмя пехотными и двумя командированными да одним конным казацким полками», «генералом маэром и белгородским губернатором Стрекаловым з белгородским гарнизонным полкам», «генералом маэром Фоншпигелем, в ево ведении драгунских три», «генералом маэром Гендерехтом с лантмилицкими полками, конными девятью пехотными, двумя», «генералом маэром Гейным с лантмилицкими полками конными пятью, пехотными двумя, да малороссийской компанейской полк», «генералом маэром от фортификации Дебринием с инженерными афицеры и кондукторы», «полковником Чебышовым с лантмилицкой канцеляриею», «генералом маэром Таракановым, которой обретаецца в Царицыне з драгунскими и пехотными на Царицынской линии и на Черемшанском форпостах полками» и другими более мелкими подразделениями. [20. Ф. 11. Оп. 1. Д. 485. Л. 59–60]. Данное подробное расписание не обнаруживает никакой «Украинской дивизии».

Стоит отметить, что «Украинская дивизия» как реальное военное формирование действительно существовала, однако не в первой половине XVIII в.,

а во второй: она была создана в 1763 г. [21. С. 339]. Как написал об этом А.Ф. Шафонский в 1786 г., 10 ноября 1764 г. «по Всевысочайшему именному указу, учреждена в Глухове Малороссийская коллегия, в которой президентом, всего края генерал-губернатором и Малороссийских козацких, Запорожских козаков и Украинской дивизии главным командиром велено быть тогдашнему генерал-аншефу и Кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцову» [22. С. 98].

В то же время показательное молчание И.И. Квитки относительно влияния первой губернской реформы Петра I на Слободжанщину. Для современников Петра I это было очевидно. Например, как отмечал И.К. Кирилов, слободские полки «были под ведомством в Розряде, а потом с [1] 710 году в Киевской и Азовской губерниях, а с [1] 719 году в Белгородской провинции, а ныне с [1] 726 году подчинены Военной коллегии» [25. С. 179].

Таким образом, в описании И.И. Квитки создание «Украинской дивизии», подчиненной некоему «главному командиру», соответствовало скорее логике назначения П.А. Румянцева, нежели реалиям петровского времени. Следовательно, сочинение И.И. Квитки не стоит рассматривать как источник для серьезных реконструкций, которые могут опираться только на аутентичные источники; в нашем случае – это документы первой четверти XVIII в.

Учитывая приведенный критический анализ дореволюционной историографии, можно прийти к следующим выводам в отношении пассажей Е.М. Апанович об «Украинской дивизии». Она не опиралась на источники, а следовала за историографической традицией XIX в., восходящей к сочинению И.И. Квитки. Маркером, указывающим на эту преемственность, является само понятие «Украинская дивизия». Более того, Апанович искажала сведения дореволюционной историографии. Если ее «предшественники» связывали создание «Украинской дивизии» только со Слободской Украиной, то историк произвольно включила в ее состав полки Гетманской Украины. Что же касается датировки «указа» о создании данного воинского формирования 1706 г., то, скорее всего, это стало результатом опечатки или описки.

Таким образом, современная украинская историография некритично использует сведения об «Украинской дивизии», позволяя этому призраку жить самостоятельной жизнью и влиять на российско-украинские отношения первой четверти XVIII в. В связи с этим удивителен тот факт, что со времени выхода книги Е.М. Апанович ведущие историки не предприняли попытку проверить или уточнить ее наблюдения, а приняли на веру приводимые без ссылок сведения. На этом основании логично задаться вопросом: с чем связано подобное отсутствие критического подхода?

По нашему мнению, это связано со стремлением объяснить измену И.С. Мазепы исключительно тем, что российская администрация вмешивалась в прерогативы гетмана, в том числе и в военной сфере, не оставляя престарелому гетману другого выбора для защиты «украинской» автономии. Однако, упоминание об «Украинской дивизии» в качестве формирования, якобы объединявшего полки Гетманской и Слободской Украины, должно было оставить гораздо больше свидетельств, чем два «упоминания», которые оказываются недостоверными. Обращение же к материалам первой четверти XVIII в. не обнаруживает никаких следов такой «Украинской дивизии». Более того, есть факты, которые показывают, что подобное ограничение полномочий гетманов в военной сфере отсутствовало.

Гетманы следили, чтобы их прерогативы как начальников над «малороссийским войском» не нарушались. Считалось, что гетман подчинялся распоряжениям царя и Посольского приказа. В случае же вмешательства «великороссийских» персон, не имевших соответствующих полномочий от царя, гетманы довольно

негативно воспринимали такие факты. Согласно воспоминаниям Ф. Орлика, гетман И.С. Мазепа был недоволен тем фактом, что А.Д. Меншиков без гетманского ведома отправил приказы компанейскому полковнику А. Танскому: «Каждый день князь Александр Данилович со мной видится, каждый час со мной совещается, и, не сказав мне ни единого слова, без моего ведома и согласия посылает приказы людям моего регимента! И кто же выдаст Танскому без моего указа месячные деньги и провиант, и как он может без воли моей идти куда-нибудь с полком своим, которому я плачу?» (цит. по [3. С. 283]). В то же время киевский воевода Д.М. Голицын, готовивший Киев к обороне от шведов в 1708 г., не мог получить работников от гетмана, столь нужных для укрепления Киево-Печерской крепости, без санкции царя. Кроме того, Мазепа имел под своим командованием российские регулярные войска. В частности, весной 1707 г. Петр I сообщил Мазепе, чтобы он изволил «отдать сему посланному пехотный полк Гулцов [...] А вместо того полку отправлен к вам будет другой полк с Лук Великих Стубелской. А для достройки Печерской крепости к господину Голицыну изволь дать из Малоросиского народу работников сколко мочно, и о том надобно согласитца с ним, и чтоб ту крепость возможно было сим летом совсем совершить» [6. Т. VII. Вып. I. С. 155]. При этом исполнительность гетмана иногда оставляла желать лучшего [6. Т. VII. Вып. II. С. 671–672; 24. С. 347–348].

Важно отметить, что схожие эпизоды мы можем найти и в гетманство И.И. Скоропадского. Из письма 1711 г. Д.М. Голицына подканцлеру П.П. Шафирову следует, что гетман серьезно жаловался Г.И. Головкину на киевского воеводу. Последний, по мнению Скоропадского, без гетманского ведома арестовал бывшего «мазепинца» А.Ф. Кандыбу, а также отдал под команду полковнику Изюмского слободского полка Ф.В. Шидловскому «заднепровских полковников». В связи с такой ситуацией Голицын был вынужден подробно оправдываться: «Понеже изволил ко мне ныне писать господин граф Гаврила Иванович (Головкин. – М.К., Я.Л.) по доношению господина гетмана о Кандыбе, якобы он взят без его ведома, а изветчик бутто освобожен. И я о том Конбыбе прежде сего ему, господину графу, доносил и к нему, гетману, и к Измайлову писал, что перенять лист как он списывался з запорожцами и словесно к ним приказывал. И во знак послал я с того перенятого писма к нему, господину графу, список, на что изволил он ко мне писать, чтоб ево держать за караулом [...] А изветчик Жданович был за караулом же, и по отъезде моем в Корачов по ево челобитью освобожен он на время на поруки, и взят был он, изветчик, в Глухов. И писал ко мне господин Измайлов, что, в чем взят был, вины ево никакой не явилось [...] А что он же, господин гетман, напоминает на меня, якобы ево regimentу заднепровских полковников отдал под команду Шидловского, и я тому Шидловскому под команду их не отдавал, а написал ему в статьях, и дал ему указы, которые велел ему иметь при себе, тако и приказывал ему на словах – ежели он увидит шатость между малороссийским народом, тогда б он указы отослал к ним, полковником, дабы они с ним случились [...] а кроме того, *ни в которые гетманские дела я не вступал и ныне не вступаю* (выделено нами. – М.К., Я.Л.), и имею к нему всегда любовь и ласковое обхождение, как надлежит» [25. С. 217–218].

Приведенные эпизоды показывают, что гетманы следили за своими полномочиями и не знали никакой «Украинской дивизии». Только после первой «отмены» гетманства, в 1723 г. полки Гетманщины на некоторое время были подчинены российскому генерал-фельдмаршалу М.М. Голицыну.

Таким образом, причины измены И.С. Мазепы следует искать не в создании некой «Украинской дивизии», а в иных аспектах российско-украинских отношений и раскладе сил в регионе на 1707–1708 гг. Более того, при поиске таких причин важно задавать себе в качестве цели не оправдание определенного исторического персонажа, а честное занятие ремеслом историка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Таирова-Яковлева Т.Г.* Письмо в редакцию // Славяноведение. № 2. 2011.
2. *Таирова-Яковлева Т.Г.* Иван Выговский // Единорог: материалы по военной истории Восточной Европы. М., 2009. Вып. I.
3. *Таирова-Яковлева Т.Г.* Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М.; СПб., 2011.
4. *Серов Д.О.* Администрация Петра I. М., 2007.
5. Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышем-Каменским. Ч. 2. // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. М., 1859. Кн. I. Отд. II.
6. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. I.
7. Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4.
8. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды историко-археологического института Академии Наук СССР. М., 1935. Т. XII. Крестьянские и национальные движения накануне образования Российской империи.
9. *Сокирко О.Г.* Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр. Київ, 2006.
10. *Сокирко О.Г.* Українське козацьке військо в період Північної війни 1700–1721 рр. та організаційних реформ 30–60-рр. XVIII ст. // Історія українського козацтва (нарис у двох томах). Київ, 2006. Т. I.
11. *Чухліб Т.В.* Козаки і монархи: міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр. Київ, 2009.
12. *Чухліб Т.В.* Секрети українського полівасалітету: Хмельницький – Дорошенко – Мазепа. Київ, 2011.
13. *Апанович О.М.* Збройні сили України першої половини XVIII ст. Київ, 1969.
14. *Альбовский Е.А.* История Харьковскаго слободскаго казачьяго полка (1651–1765): с приложением карты слободских полков. Харьков, 1895.
15. *Головинский П.* Слободские казачьи полки. СПб., 1865.
16. *Гербель Н.В.* Изюмский Слободской казачий полк (1651–1765). СПб., 1852.
17. [Квитка И.И.] Записки о Слободских полках: с начала их поселения до 1766 года. Харьков, 1883.
18. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. Т. 7.
19. Российский государственный военно-исторический архив.
20. Российский государственный архив древних актов.
21. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958.
22. *Шафонский А.Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малыя России, из частей коей оно наместничество составлено. Киев, 1851.
23. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.
24. Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. М., 2009. Т. I (1700–1709 гг.).
25. Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафировова: новые источники по истории России эпохи Петра Великого: в 3-х ч. СПб., 2011. Ч. I. 1706–1713.

© 2013 г. Л.И. САЗОНОВА

СВАДЕБНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ ПЕРВЫХ ЦАРЕЙ ИЗ ДОМА РОМАНОВЫХ

На основании документальных свидетельств из архива Посольского приказа рассматривается придворный церемониал бракосочетания первых царей из Дома Романовых – от Михаила Федоровича до его внука Федора Алексеевича. Их свадебные церемонии изучаются в сравнительном анализе, устанавливаются изменения в обряде и появление в нем новаций, обусловленных историко-культурным контекстом, личным вкусом царя, влиянием риторики как на придворный церемониал, так и на сочинения придворно-деловой литературы.

The article considers the court wedding ceremonial of the tsars from the House of Romanov, namely from Mikhail Feodorovich to his grandson Feodor Alekseevich, as reflected in the documents from the Posol'sky Prikaz (Ambassadorial Office). Their wedding ceremonies are explored in comparative perspective; the author pays special attention to changes and innovations caused by historical and cultural context as well as personal taste of the tsar, rhetoric's influence both on the court ceremonial and court literature.

Ключевые слова: Чин, рукопись, Чиновник царской свадьбы, обрядовая символика, эстетика придворного церемониала, придворная литература, риторика.

Придворный церемониал великокняжеской, а затем царской свадьбы, опиравшийся на византийские православные традиции, включавший в свой состав давние общепринятые обычаи и обряды, те или иные компоненты народной обрядовой символики, представляет собой сложное, исторически видоизменявшееся социально-идеологическое явление, изученное по существу еще недостаточно. Интерес представляют не только описания торжественной церемонии каждой царской свадьбы, но и сравнительный их анализ, позволяющий выявить изменения в обряде и появление в нем новаций. Изучению подлежат также в достаточной мере сохранившиеся письменные источники – произведения придворной литературы и культуры (приветственные слова, стихи и музыкальные сочинения «на царский брак»), памятники деловой, официальной письменности, дающие наглядное представление о церемониальных формах жизни высшего, наиболее ритуализированного слоя феодального общества.

Основой всех придворных торжеств являлось требование особого «чина», что нашло выражение в специальном жанре придворно-деловой письменности – *чиновникé*, регламентировавшем церемониальную практику. Эти тексты напоминают развернутые сценарии с описанием состава участников торжественного акта и приличествующей случаю одежды, убранства интерьеров, в которых совершаются церемониальные действия, обозначено место и роль каждого участ-

Сазонова Лидия Ивановна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

ника за царским столом или в праздничной процессии, приводятся тексты речей (см. [1. С. 146–159]).

Изготавливавшиеся в Посольском приказе рукописные свадебные чиновники, содержащие богатый материал для изучения придворной культуры, остаются неизученными и неизданными на современном уровне. Авторство входящих в них текстов не установлено, и вопрос об этом даже не ставился, поскольку названные сочинения имеют протокольно-документальный характер и принадлежат в силу своей жанровой природы деловой, официальной письменности.

Тематика эта обширна и в пределах данной работы может быть затронута только отчасти. Обратимся к документальным свидетельствам из архива Посольского приказа, отражающим практику бракосочетания первых царей из Дома Романовых – от Михаила Федоровича до его внука Федора Алексеевича¹.

После венчания на царство свадьба – важнейшее в жизни государя и страны событие, связанное с перспективой появления наследника и преемственности власти. Порядок церемонии строго регламентировался специальным царским указом, который имел форму закона, обязательного к исполнению.

Свадебная церемония первого царя из Дома Романовых детально описана в рукописном чиновнике «Книжка радости великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всея Руси, как понял за себя, Государя, Лукьянову дочь Степановича Стрешнева девицу Евдокею» [3. № 16. Л. 1]² (первая публикация: [4. 1-е изд. Ч. 1. С. 1–39]).

Присутствующее в заглавии слово «радость» обозначает в данном контексте свадьбу³, оно встречается и в других чиновных списках, составленных на царское бракосочетание, и сопровождается определением «государская радость» (царская свадьба), подчеркивающим высокий социально-идеологический статус события государственной важности. Кроме того, в XVII–XVIII вв. было создано несколько копий великолепных иллюминированных рукописей, где свадьба царя Михаила Федоровича представлена «в лицах» – зрительных образах. В этих изящных рукописях альбомного формата описание торжества соотнесено с 68 миниатюрами: справа на разворотах помещены раскрашенные рисунки пером, слева – относящийся к ним текст. Два ряда – текстовой и изобразительный – дополняют и взаимопределяют друг друга. Известно по крайней мере семь лицевых списков (шесть из них названы в статье [6. С. 23–27], седьмой см. [7. Л. 1–68]), одна из рукописей опубликована факсимильно в 1810 г. [8]). В иллюминированных свадебных чиновниках в качестве словесного сопровождения к изображениям использован текст «Книжки радости». Однако он воспроизведен с некоторыми сокращениями.

29 января 1626 г. Михаил Федорович (1596–1645) советовался с родителями – отцом, патриархом Филаретом, и матерью, инокиней Марфой Ивановной (Ксения Ивановна Романова), относительно того, чтобы «сочетатися законному браку, в наследие роду его государского» [7. Л. 2об.]. Его свадьба с Евдокией Лукьяновной Стрешневой (1608–1645) состоялась в воскресенье 5 февраля 1626 г. Примечательно, что и последующие бракосочетания государей также происходили в воскресенье. В обряде венчания молодые обретают новый статус, «происходит их ритуальное обновление», поэтому «важное значение имеет магия начала (венчание в воскресенье, т.е. первый день недели)» [5. С. 457].

Придворным предписывались определенные обязанности, которые они должны были выполнять «на государской радости» – «бояром и околничим и столником и

¹ Кроме этих источников, обобщенный рассказ о царской свадьбе XVII в. содержится в сочинении Г.К. Котошихина «О России в царствование царя Алексея Михайловича» (1667–1667) [2], на которое опирается большинство исследователей.

² Здесь и далее тексты свадебных чинов цитируются с модернизацией орфографии.

³ У славянских народов распространены для обозначения свадьбы термины с корнем *+vesel-*: веселье, весельство, веселийце, весельюшко и т.п. (см. [5. С. 432]).

стряпчим и дворяном, которым в чинех (при обязанностях. – *Л.С.*) быти без мест» (т.е. без соблюдения должностей в зависимости от древности и знатности рода) [7. Л. 5об.]. Утвержденный царем свадебный чин следовал устойчивой традиции (которая воспроизводилась и в дальнейшем): «Радость была по их государскому чину, как бывало у прежних великих государей» [7. Л. 11об.].

Важную роль в церемонии играли родственники царя: отец (патриарх Филарет), мать (инокиня Марфа Ивановна), дядя И.Н. Романов в роли посаженного отца, а также представители именитых родов – Волконские, Пожарские, Трубецкие, Одоевские, Долгорукие, Шереметьевы, Куракины, Бутурлины, Ромодановские, Гагарины, Хованские, Урусовы, Прозоровские, Волынские и др. Дружки со стороны государя – князя Д.М. Черкасский и Д.М. Пожарский, со стороны государыни – боярин М.Б. Шеин и князь Р.П. Пожарский. Царя из его личных покоев «вел под руку» в Золотую палату тысяцкий (особый в XVII в. церемониальный чин во время царских свадебных ритуалов) князь И.Б. Черкасский, двоюродный брат и ближний боярин Михаила Федоровича. Их сопровождали бояре и князья И.Н. Одоевский, А.В. Хилков, окольныйничий А.М. Измайлов, думный дьяк Иван Граматин, подписавший вместе с Федором Лихачевым указ царя о подготовке к свадьбе (полный поименный список лиц, присутствовавших на свадебной церемонии царя Михаила Федоровича, см. [9. С. 7–14]).

Предмет специального внимания в Чиновникé – брачная одежда. Государь облачился «в кожух золотной аксамитной на соболях да в шубу Рускую соболью, крыта бархатом золотным, заметав полы назад за плеча. А пояс на государе был кованой золотной». Бояре, окольные, стольники и дворяне шли «все в золоте и в черных шапках и в ожерельях стоячих» [7. Л. 12об.]. Царевну Евдокию, которая была введена в царские хоромы за три дня до свадьбы, нарядили «по государскому чину»: в платье и золотой венец «с каменьи из жемчюги» [7. Л. 15об.] (описание царской одежды на все четыре дня брачного торжества см. [10. С. 491]).

В Грановитой палате, в которой устроено чертожное место для новобрачных, – убранство «первого наряда», какое бывает при самых торжественных случаях и приемах иностранных послов. Место чертожное обито, в соответствии с пожеланиями царя, «бархатом червчатым, а на нем два зголовья (род подушки. – *Л.С.*) бархатных золотых в один узор, каковы государь указал, а на зголовье положено по сороку соболей. А третьей сорок, которым государя и государыню свахи опахивали, держал у места дьяк [...]». Над государевым местом и по сторонам были поставлены «образы и застенки (шелковые, шитые золотом настенные пелены, на которых укрепляется икона. – *Л.С.*), низанные первого наряду». По лавкам постелены «полавошники» (покрытия), тоже «первого наряду» [7. Л. 14об.]. Рядом с чертожным местом – накрытый тремя белыми скатертями стол, на котором стояли «перепеча» (праздничный хлеб), соль и сыр [7. Л. 14об.].

В ряду свадебных предметов также – ритуальные караваи и свечи, играющие важную роль в создании брачной символики, связанной с пожеланием семейного благополучия и продолжения рода (о символике свадебного хлеба см. [5. С. 338]). Государева свеча весила три пуда, а царицына – два, на них надеты широкие золоченые обручи, украшенные по краю чеканкой. Караваи обшиты шелковой красной тканью, государев покрыт турецким золотистым бархатом а царицын – золотистым атласом, сверху на них нашиты по «тридевяти» (двадцать семь) серебряных монет («пенязей») [7. Л. 16об., 17об.]. Над свечами устроены фонари. Специальные чиновные люди – свечники, фонарники, каравайники несли ритуальные предметы в храм к венчанию, а затем в царскую опочивальню.

По повелению царя дружки привели в Грановитую палату невесту, которую сопровождали свечники, каравайники и фонарники «в терликах золотных на соболях» и в черных лисьих шапках. Эти дорогие наряды выдавались для церемониальных нужд из Казенного двора, куда затем и возвращались. Богоявленскую

свечу и обручальные свечи несли «стряпчие в золоте и в черных шапках» [7. Л. 20об.]. За ними шел думный дьяк Федор Лихачев с золотой чашей («мисой»), наполненной «осыпалом», чем осыпают новобрачных, – это предметы с символической плодородия и богатства, обычно хмель, зерно, деньги. В царском свадебном обряде, кроме хмеля, «положено на мису» «тридевять» (двадцать семь) соболей, столько же белок и «золотных» платков, а также восемнадцать золоченых чеканных «пенязей» да девять «золотых угорских» [7. Л. 20об.].

Издавна существовало поверье, что новобрачные по пути к венчанию доступны влиянию злых сил, поэтому предпринимались многочисленные обереги молодых и всей свадебной процессии. В свите невесты, кроме дружек, находились ее родной дядя (по матери), окольниковый князь Г.К. Волконский, дьяк Иван Болотников, они «берегли путь», чтобы никто его не переходил, а за ними шел благовещенский поп Иван Наседка и кропил святою водою. Государыню «под руки» вели большие свахи: справа – жена боярина И.Н. Романова, слева – князя А.Д. Сицкого. С «кикою» (головной убор замужних женщин) шла жена постельничего. В Грановитой палате царевну посадили на чертожное место после того, как благовещенский поп окропил его святою водою.

Строго соблюдался предписанный каждому гостю порядок размещения («в большом столе», «в кривом столе», «в лавке», «в скамье», «по правой стороне», «по левой стороне»). Посаженный отец И.Н. Романов сидел «в золотном платье» за столом на «большом месте в лавке», а подле него – его жена Ульяна Федоровна, посаженная мать. Через князя Д.И. Мезецкого он передал царю повеление «итить к своему делу» и «говорить речь». Из Золотой палаты в Грановитую царя сопровождали тысяцкий князь И.Б. Черкасский, благовещенский протопоп, кропивший путь святой водой, «с колпаком» шел князь Ф.Б. Татев, за ним стольники, стряпчие, дьяки. После прихода царя в Грановитую палату протопоп исполнил «Достойно есть» и благословил крестом [7. Л. 25об., 26об.].

Последовали ритуальные действия, связанные с изменением личного статуса молодых и переходом их в состояние супружества. После того как протопоп прочитал молитву «Покровению главе», большая сваха царю и царевне «часала голову», а «чарку с медом, во што гребешок омачивала, держал дьяк Дементей Обрасцов» [7. Л. 28об.]. Государю и государыне «голова зачесали и на государыню кичу и покров положили, и покрыли убрусом», украшенным низаным жемчугом «з дробницами золотыми» [7. Л. 29об.]. Связанный с символикой любви ритуал расчесывания волос гребнем, смазанным медом, обряд перемены прически и головного убора невесты известны в народной культуре славянских народов и восходят к глубокой архаике (см. [5. С. 447, 455]).

Новобрачных затем осыпали «осыпалом», что символизирует плодородие. Другое такое же «осыпало» находилось возле спальни. После поднесения подарков (убрусцы, ширинки, перепечка, сыр) от лица невесты патриарху, государыне Марфе Ивановне, ее комнатным и постельничим боярам молодые направились к венчанию «к Успению Пресвятой Богородицы в соборную церковь» [7. Л. 35об.].

Церемония царского бракосочетания (как и венчание на царство) происходила в Успенском соборе Московского Кремля⁴. В Грановитой палате у чертожного места остался «для бережения» князь А.Д. Сицкой. Путь до выхода на площадь молодым постилали красным шелком («камками червчатыми»). Царь ехал в храм на аргамаке в сопровождении сорока поезжан, стольников, дворян. За ним следовала Евдокия в высоких, богато украшенных («нальцевских») санях, за которыми шел князь Г.К. Волконский. В свадебном поезде, кроме придворных,

⁴ Распространенное в научной литературе мнение, что «свадебное венчание царей происходило в Благовещенском соборе Московского Кремля» ([2. С. 199. Комментарий, см. также [11. С. 14]), является ошибочным.

находились «дворня московская, 23 человека», и с ними шли царицны дети боярские, 20 человек, «берегли путь», чтобы между конем государя и санями Евдокии «не переходил никто». Когда государыня вышла из саней, то на ее место сел князь Г.К. Волконский, а на государева аргамака – конюший, боярин Б.М. Лыков [7. Л. 39об.].

В Успенский собор молодые вошли через «сторонние» (боковые) двери, что со стороны Архангельского собора. Согласно давнему поверью, новобрачным следует входить и выходить из церкви боковыми дверьми, чтобы их никогда не покидало супружеское счастье [5. С. 461]. В храме царь Михаил Федорович и Евдокия встали напротив царских врат, на том месте, «где стоял амбон. А амбона в то время не было» [7. Л. 40об.]. Священнодействие совершил протопоп Благовещенского собора Максим Максимов. Во время венчания «на крылосах пели дьяки строкáми» [7. Л. 41об.]. После венчания священник подносил царю и царице вино трижды, попеременно, и, выпив, государь велел протопопу «скляницу» взять «в олтарь». Затем протопоп «поучал» новобрачных «по священному преданию» и «здравствовал» их. После него царскую чету поздравили все находившиеся в церкви. Певчие дьяки исполнили «Многолетие», распетое «демеством», стилем церковного пения, который использовался во время особо торжественных, церемониальных ситуациях с участием царя [7. Л. 43об.]. По окончании венчания царь и царица, взявшись за руки, вышли из храма на Соборную площадь теми же «сторонними» дверьми и вернулись во дворец так же, как прибыли к венчанию: царь – на аргамаке, царица – в тех же богато украшенных санях.

Спешившись возле лестницы, ведущей в Грановитую палату, царь вновь взял за руку царицу, вместе они поднялись вверх и сели на прежнем месте. Когда гости заняли свои места, государь распорядился «на столы ставить ествы и подавать вина фрязкие» [7. Л. 47об.]. После «третьей ествы» перед новобрачными поставили «кура» – блюдо, издавна известное у славян в качестве обрядового и наделенное свадебной символикой: «курица и петух – распространенные символы невесты и жениха» [5. С. 308].

Первую скатерть, на которой разрезали караваи и сыр, сняв, отдали во дворец ключникам, и велено было ее беречь, запечатав. Государев дружка, завернув «кура» вместе с караваем и солонкою во вторую скатерть, отнес к сеннику (спальне) и отдал боярину Ф.И. Шереметьеву. Туда же направились царь с царицей в сопровождении тысяцкого, дружек и всех свах. Процессию возглавил И.Н. Романов, «отдавая государю царицу» у дверей опочивальни, он произнес напутственную речь, которая впоследствии была воспроизведена слово в слово (лишь с изменением имен) в свадебных чинах царя Алексея Михайловича 1647 и 1648 гг. Посаженная мать, надев на себя собою шубу, вывернутую мехом наружу, осыпала царскую чету у дверей сенника «осыпалом». Эти ритуальные действия и символика меховой шубы в свадебном обряде означали пожелание плодовитости и богатства, которые должны были перейти магическим путем к новобрачным (об обрядовой функции шубы, надетой мехом вверх, см. [10. С. 491]).

В опочивальню перед государем несли ритуальные свечи и караваи. Обе свечи поставили вместе «в одну кадь, во пшеницу у постели в головах. А обручи свеч не снимали 3 дни, а как отошли три дни, и свечи обе соскали вместе и поставили в церкве» [7. Л. 51об.]. Свечи выполняли в обряде магическую функцию оберега новобрачных [5. С. 514], а пшеница, в которую они были поставлены, связана с символическим пожеланием благословенного супружества и плодородия. Известно, что «у восточных славян в помещении для первой брачной ночи нередко оставляют свадебный каравай» [5. С. 511–512].

Устройство брачного ложа также сопровождалось ритуальными действиями. Впереди процессии, направлявшейся в спальню с царской постелью, несли крест и два «образа» – Рождества Христова и Рождества Богородицы письма «чудо-

творца Петра». Их поместили у изголовья. Брачное ложе устроили на тридевяти (двадцати семи) ржаных снопах [3. № 16. Л. 36]; зерно и хлебные снопы «являлись магическими продуцирующими средствами» [5. С. 512]. Поверх снопов положили «семь перин и бумажников (ватный стеганный тюфяк, подстилка. – Л.С.), изголовей (валик в изголовье постели, на которую кладутся подушки. – Л.С.) бархатных и камчатых», два «зголовенца» (подушки), а на них – «шапки государские», в ногах – ковер, одеяло и соболья шуба [7. Л. 51об.]. Приготовленную для новобрачных опочивальню «берегли» тот же боярин Шереметьев и отец невесты – Л.С. Стрешнев. Обрядом первой брачной ночи предусматривалась охрана спальни [5. С. 508]. Конюший боярин князь Б.М. Лыков ездил на царском аргамаче около сенника с мечом наголо («з голым мечем») в то время, когда там находился государь [7. Л. 46об.].

На следующий день после венчания, в понедельник, государь, выйдя из сенника, был в «мыльне», где, совершив омовение, «кушал» и жаловал там же ближних бояр и окольных угощением – «подавал романею в купках» [7. Л. 55об.]. Государыня же «кушала в ызбушке». После раздельной трапезы новобрачные вновь были в сеннике вместе с самыми доверенными лицами – посаженными родителями, тысяцким, ближними боярами и свахами. Ритуальный обряд «раскрывания невесты» с целью удостоверения невинности будущей матери наследника престола совершил посаженный отец И.Н. Романов, «покров подняв стрелою» [7. Л. 56об.].

Затем царскую чету кормили кашей, поданной в двух горшочках, обернутых двумя парами соболей. «Каша у восточных славян издавна известна в качестве обрядового блюда на свадьбе», она «упоминается в старинных описаниях великокняжеских свадеб» [5. С. 363].

Свадебный пир состоялся в Грановитой палате. Царь сидел за золотым столом «и с ним царица». Места для гостей были распределены согласно придворной иерархии. Посаженные родители, тысяцкий находились «в большом столе». Несколько в стороне от них («сажен с пять») расположились дворяне, бывшие «у саней» невесты. Свахам выделен небольшой столик, стоявший, однако, выше большого боярского стола. «В другом столе» сидели бояре, благовещенский протоп, окольные, думные дворяне, поезжане и те, кто были у свечей, у караваев и стояли у дверей в целях оберега. После приема в Грановитой «большой стол» накрыли в хоромах царицы. Ночью на дворце «играли в сурны, и в трубы, и били по накрю (бубны. – Л.С.)» [7. Л. 58об.]. По тому же чину совершилось празднование и в третий день, во вторник.

В среду, в четвертый день, в третьем часу дня, государь велел подготовить «меньшую Золотую палату» для встречи с отцом – патриархом Филаретом. Тот пришел «со всеми властями», и, исполнив молитву «Достойно есть», благословил царя крестом, образом Богородицы, украшенным «чеканом да крестом золотым с каменья и с ызумруды», окропил святой водой и «здравствовал» [7. Л. 63об.]. После того как царь и патриарх расположились «по местам на золотных зголовьях», князь Алексей Львов объявлял «по росписи» дары патриарха. Церковные власти подносили дары «по чину». С подарками во дворец прибыли также бояре, думные дворяне, торговые люди. Среди подношений – серебряные кубки и стопки, атласы «золотые» и соболя. Но государь, вопреки обычаю, не принял подарков ни от кого. Патриарх благословил царицу [7. Л. 65об., 66об.]. В последний день торжества в Грановитой палате был накрыт стол, и патриарх вкушал со всеми властями «по обычаю, без свадебных чинов, а взвары и овощи подавали Государю и в столы ставили по свадебному обычаю» [7. Л. 67об.].

Использование в брачной церемонии предметов, связанных с символикой любви и плодородия, обряд расчесывания волос гребнем, смазанным медом, перемена головного убора, путь жениха к венчанию на аргамаче, а невесты в

снях, осыпание молодых хмелем, внесение в спальню икон, венчальных свечей, караваев, установка в опочивальне кадей с зерном, кропление пути к венчанию и затем спальни святой водой, устройство брачного ложа на «тридцяти» ржаных снопах, очистительный обряд омовения после брачной ночи, «куря» и каша в качестве обрядовых блюд – эти ритуальные элементы заключения брака, описанные в «Книжке радости», известны по предписаниям «Домостроя» (XVI в.) в разных вариантах свадебного чина (см. публикацию [12. С. 166–202]).

В чиновном списке бракосочетания Михаила Федоровича зафиксировано уже совершившееся событие. Несомненно, однако, что ему предшествовало составление предварительного сценария. О существовании такой практике свидетельствует Чиновник несостоявшейся (из-за дворцовых интриг) свадьбы его сына – молодого царя Алексея Михайловича (1629–1676, царь с 1645) с Евфимией Федоровной Всеволожской (1629/1630–1657), дочерью касимовского дворянина Рафа (Федора) Родионовича Всеволожского [3. № 21. Л. 1–152]. Процедура бракосочетания, назначенная на 8 февраля 1647 г., была выстроена в полном соответствии с образцом – свадебным чином его отца. Изменились лишь персональный состав участников и темпоральность повествования. Так, боярин Б.И. Морозов, сопровождавший в свое время царя Михаила Федоровича в свадебном поезде к венчанию и ставший затем воспитателем («дядькой») царевича Алексея Михайловича, выступил теперь в роли посаженного отца.

Текст, содержащий проект церемониального действия, имеет характер предписания и выдержан в модальности долженствования, выраженной при помощи глаголов в форме инфинитива и будущего времени, например: «Да как государю и государыне головы *зачеиут* и на государыню кину и покров *положат* и *покроют* убрисом, а убрисец *будет* низан жемчугом с дробницами золотыми. И после того свахе большой *осыпати* царя великого князя и царевну осыпалом» [3. № 21. Л. 33]; «А аргамак государев в то время *привести* с конюшни в то время к леснице и *сесть* на аргамак конюшему боярину Глебу Ивановичу Морозову. И как государь *придет* ко аргамаку, конюшему боярину Глебу Ивановичу *подвести* аргамак и седчи государю на аргамак *поехати* ко Пречистой Богородице площадью. А перед ним, государем, *ехати* поезжаном» [3. № 21. Л. 38] и т.д.

Сохранился также проект Чиновника свадьбы царя Алексея Михайловича с Марьей Ильиничной Милославской (1624–1669) [3. № 22. Л. 1–161]. В нем содержатся записи о приготовлениях к свадьбе, приведены поименный перечень участников церемонии, росписи караулов в Кремле. Бракосочетание состоялась в воскресенье 16 января 1648 г. За два дня до события, в пятницу, невеста была введена в царьцины хоромы и нарекли ее государынею царевною. «Во отцово место» вновь был определен «дядька» царя, боярин Б.И. Морозов.

Проект этого Чиновника, как и чиновный список несостоявшейся свадьбы Алексея Михайловича, также выдержан в модальности долженствования: государю предписывается еще до венчания «*итти молиться*» «в Чюдов монастырь и к Вознесенью» (Вознесенский монастырь в Кремле), «*сидеть*» в Золотой полате «в шубе в Руской»; «*Ехати* государю к церкви и от церкви площадью»; «А стол государев *поставить* в Грановитой полате [...] А обручанью государскому *быть* в церкви, перед венчаньем, а *венчать* духовнику» [3. № 22. Л. 1, 2, 3] (имя в проекте еще не названо) и т.д.

Несомненно, составители проекта свадебной церемонии 1648 г. приняли за образец Чин бракосочетания царя Михаила Федоровича. Прямая отсылка к нему имеется на последнем, нумерованном, листе рукописи: «Да в прежнем Чиновнике написано блаженная память великого государя царя великого князя Михаила Федоровича [...]». О непосредственной зависимости чиновников 1626 и 1648 гг. свидетельствуют текстуальные совпадения.

Церемония первого бракосочетания царя Алексея Михайловича во многом была подобна той, что проводилась при венчании его отца, но не во всем, что нашло отражение в описании обряда, сохранившемся в подлиннике (см. [3. № 23. Л. 1–145]; первая публикация [4. 1-е изд. Ч. 2. С. 387–462]) и в белой рукописи [3. № 24. Л. 1–61]. Изменились некоторые элементы свадебных торжеств, возникли и иные традиции. Новшества, зафиксированные в Чиновнике 1648 г., свидетельствуют о начале перемен в такой глубоко укорененной в традиции церемонии, как свадебный обряд. В новациях проявился личный вкус молодого царя. Изменения коснулись прежде всего царской одежды по случаю бракосочетания. И в чине царя Михаила Федоровича, и в чине несостоявшейся свадьбы царя Алексея Михайловича государь в день венчания облачается, согласно чину, в «кожух золотной» и шубу Русскую соболью, «заметав полы назад за плеча». В других случаях эти одежды, как пишет И.Е. Забелин, никогда не употреблялись; кожух и шуба Русская «всегда сохраняли свое особое значение в брачном наряде и несомненно оставались памятниками старины» [10. С. 492–493]. Царь Алексей Михайлович также нарядился в первый день свадьбы «в кожух золотной аксамитной на соболех да в шубу рускую соболью, покрыта бархатом золотным». Однако, в отличие от прежнего чина, фасон шубы Русской, этого «памятника старины», претерпел изменения, в Чиновнике сказано: «А что бывало в прежних государских радостях, что у шубы заметать полы назад за плеча, и то государь учинить не изволил. А в то место велел государь сделать у шубы ожерелье долгое соболье большое» [3. № 24. Л. 14об.–15]. В ритуале расчесывания волос жениха и невесты также наблюдается новшество – не упоминается смазанный медом гребень. Сказано лишь, что «свахи чесали голову» и после того, как «голови зачесали», на государыню «кику и покров положили» [3. № 24. Л. 26]. В царской опочивальне в головах у новобрачных поставили не два образа и крест, как в чине Михаила Федоровича, но только «образ Богородицы с превечным Младенцем» письма того же «чюдотворца Петра» [3. № 24. Л. 10]. Отметим, что Богородице посвящены кремлевские храмы – Успенский, где происходили главные государственные события (венчание на царство и царское бракосочетание), и Благовещенский – домовая церковь великих князей московских и царей.

Заметные перемены произошли в музыкальном оформлении торжества. «Свадебным потехам» царь предпочел духовные песнопения: «на своей государственной радости накрам и трубам быти не изволил» и распорядился «в свои государственные столы вместо труб и арганов и всяких свадебных потех пети своим государевым певчим диакон всем станицам, переменяясь, строчные и демественные большие стихи ис празников и ис треудей драгие вещи со всяким благочинием» [3. № 24. Л. 46]. Удаление инструментальной музыки из обихода царского двора стало, возможно, проявлением вновь наметившейся тенденции к очередному ужесточению со стороны властей в отношении действий, не соответствующих образу жизни достойного христианина. К таковым относились богопротивные игры «прелестников» и скоморохов, использующих «домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие гуденные бесовские сосуды» [13. С. 298]. Характерно, что в конце того же, 1648 года, появились известные указы царя Алексея Михайловича по борьбе со скоморошеством, направленные на соблюдение благочестия, которыми, в частности, запрещалось играть на музыкальных инструментах и предписывалось их отбирать и уничтожать.

Тенденция к сокращению некоторых архаичных элементов обряда проявилась и в церемонии, последовавшей два года спустя после того, как овдовевший в 1669 г. царь Алексей Михайлович сочетался новым браком – с Натальей Кирилловной Нарышкиной (1651–1694). В соответствии с придворным церемониалом также составлен свадебный Чиновник: «[...] радостной чиновной список, как по воли Всемогущаго в Троице славимаго Бога изволил он, великий государь, посягнути

ко благословенному и святому супружеству второго брака в нынешнем во 179 [1671] году генваря в 22 день, о чем явственно зде указася». Беловые рукописи (два почти тождественных экземпляра) переплетены в малиновый бархат, имеют золотой обрез и серебряные застежки, имена царя и членов его семьи выделены при каждом упоминании золотом [З. № 29. Л. 1–63; № 30. Л. 1–62] (имеется также чиновный список в столбцах [З. № 28. Л. 1–106]).

Бракосочетание царя Алексея Михайловича состоялось в воскресенье, 22 января 1671 г. Свадебный чин был устроен по «государскому превысочайшему чину» [З. № 30. Л. 2], т.е. по высшему разряду, как чин венчания на царство. Церемония происходила в соответствии с принятыми ранее установлениями, о чем свидетельствует неоднократно используемая в Чиновникé формула: «применяясь к прежним их государским радостей к чиновным спискам» [З. № 30. Л. 5об.]. Царь лично ознакомился с содержанием «того чиновного списка» – он его «слушал» [З. № 30. Л. 6]. Действительно, свадебные чины 1648 и 1671 гг. имеют общий сценарий. Детально описан состав участников действия со стороны государя и царевны. Почетное назначение посаженного отца получил близкий царю боярин – князь Н.И. Одоевский, глава приказа Большой казны. Роль тысяцкого исполнил грузинский царевич Николай Давыдович (Ираклий). Важная обязанность стоять «у сенника» была возложена на дядю и воспитателя невесты думного дворянина А.С. Матвеева и двоюродного брата царя боярина князя И.А. Воротынского. Названы дружки, свахи, «сидячие бояре», конюший, постельничий, казначей, все, кто «чины свадебные уряжали» и строили свадебный «поезд», кто нес в церковь «фрязское вино», «свечники», шедшие с «обручальными свечами», «корованники» со свадебным караваем, «фонарники», караульные, охранявшие «город Кремль». Нарушившим указ о «свадебных чинах без мест» грозило оказаться «в великой опале» от царя. Среди особо почетных гостей находились жившая при дворе грузинская царица Елена Леонтьевна (мать царевича Николая Давыдовича), сибирский и касимовский царевичи (поименный список лиц, присутствовавших на второй свадьбе царя Алексея Михайловича см. [9. С. 15–36]).

Сначала царь Алексей Михайлович объявил через «боярина и оружейничего» Богдана Матвеевича Хитрово о своем намерении вступить в брак и обратился к патриарху Иоасафу, чтобы тот благословил его «на то дело». Царь «повеле радости своей государской быти генваря в 22 день в неделю (т.е. в воскресенье. – Л.С.) и по своему царскому чину вся строити, яко же лепо быти», он распорядился, чтобы Б.М. Хитрово и думный дьяк Ларион Иванов расписали, «кому быти в чинех» [З. № 30. Л. 4об.]. Как и прежде, царь велел «нарядити свои государские хоромы и устроити по своему царскому чину».

Из всех сохранившихся свадебных чиновных списков Чиновник 1671 г., при несомненной его преемственной связи с предшествующей традицией, описывает наиболее детально разработанный свадебный обряд, в нем обнаруживаются заметные, подчас радикальные, отличия как в составе самого чина, так и в характере изложения. Отметим некоторые наиболее существенные изменения.

Свадьба продолжалась дольше обычного – шесть дней вместо четырех (22–25 января и 6–7 февраля). Визит патриарха с церковными «властями» к царю для благословения и поздравления, приходившийся в предыдущих чинах на четвертый день свадьбы, теперь был отодвинут почти на две недели, чтобы подданные, жившие в отдаленных городах страны, услышав о свадьбе царя, поспешили в Москву.

Кроме отмененного еще чином 1648 г. использования в ритуале расчесывания волос гребня, смазанного медом, в свадебном чине 1671 г. отсутствуют обрядовые блюда каша и «куря», описание сенника и брачного ложа, нет церемониальных действий, связанных с провожанием молодых в спальню, передачей царицы посаженным отцом государю в дверях сенника и напутствия молодым, как нет и

архаичного обряда «раскрывания» невесты после первой брачной ночи – снятия покрыва «стрелою».

В отличие от «прежней государской радости» чертожное место устроено не в Грановитой палате, а в деревянных хоромы царевны. Еще до венчания царь Алексей Михайлович «изволил итти тайно» в соборный храм Успения Богородицы, что специально отмечено: «а против прежних чинов святейшему патриарху особого выходу для благословения не было для того, что великий государь изволил приити тайно» [З. № 30. Л. 13, 13об.]. Совершив моление, он «изволил итти к патриарху» и лично просил того благословить его брак. В день свадьбы введена дополнительная церковная служба: еще до венчания царь слушал литургию в дворцовой церкви преподобной Евдокии (основана в честь ангела царицы Евдокии Лукьяновны, матери царя), а царевна – в Екатерининском храме Вознесенского монастыря в Кремле. По совершении литургии царь, нарядившись «по своему царскому чину», пришел в хоромы царевны, и вместе они сели на чертожном месте. Торжественное шествие в Успенский собор к венчанию и возвращение во дворец совершилось не на аргамаке, как в предыдущих обрядах, царь Алексей Михайлович «изволил» идти пешком, «переходами». Тем же путем, но не в санях, следовала царица. Хотя сани – реалия, ушедшая из обряда, однако должность числившихся «за санми» и «у саней», осталась. Государей венчал царский духовник благовещенский протопоп Андрей Савинович Постников [З. № 30. Л. 22]. Когда после венчания молодые вернулись в царицны хоромы и сели в приготовленные для них кресла, государь – с правой стороны, а государыня – с левой, их завесили «тафтою червчатою» и «укручали» (наряжали) царицу.

Убранство Грановитой палаты в дни царской свадьбы отличалось «большим нарядом», какой бывает во время приема иноземных послов («при великих послах»). На поставец выставили сосуды «яшмовые и хрустальные и всякие драгие вещи». Отдельное распоряжение поступило относительно уличного освещения Кремля, велено было «построить светочи» у соборной церкви, изготовить дрова, а по Красному крыльцу на каменных перилах поставить железные светочи, где дрова класть», чтобы «в nocturnое время», когда у царя будет стол в Кремле, было бы светло [З. № 30. Л. 24об.]; для светочей составили «роспись» с обозначением их высоты, ширины и указанием поставить «у тех светочей по подъячому да по пяти человек стрелцов» [З. № 30. Л. 51].

Во второй день свадьбы царь чествовал всех людей своего «государского сиглита» и велел «подчивать их водкою». Примечательна впервые появившаяся формулировка: «в запрос нарядить еств, кто чего похочет» [З. № 30. Л. 25об.]. Специальным пунктом Чиновника предписывалось всем чиновным людям выступать в церемониальной одежде. Царь указал им быть «во время своего государского стола сначала в золотых». Потом, когда начнут подавать «красные меды», следовало сменить одежду и «быть в нарядных охабнях с образцы и с круживами». Коровайники, свечники и фонарники должны были облачиться «в терлики объяринные алые», а терлики «деланы и даваны на Казенном дворе и назад после стола взяты на Казенный двор». Царевичи, бояре, околничие, думные люди и те, кто был в свадебном поезде, а также дворяне, записанные «за санми» царицы, оделись в «белые шубы и горлатные (сшитые из меха, снятого с шеи, горла зверя. – Л.С.) шапки» [З. № 30. Л. 32об., 33об.]

Вторая свадьба царя Алексея Михайловича была особенно многолюдной, только караульных на Мстиславском дворе – 300 человек, и все «в красных кафтанах» [З. № 30. Л. 50]. Во второй день торжества царя обслуживали на пиру 26 человек, грузинского царевича – 12, а 6 февраля во время «государского стола по Грановитой» вина и блюда царю подносили уже 46 человек, грузинскому царевичу – 16 [З. № 30. Л. 42]. Подавали «красные меды», сахарный взвар (напиток из плодов

и ягод, сваренный на меду, пиве), романею, фрукты («овощи»). Перед царем поставили лебедя, которого он указал разобрать, «как их государской чин належит» [З. № 30. Л. 36об.]. Во время свадебного пира певчие дьяки пели «трестрочные и демественные стихи зело изрядным учением и гласы удобренными» [З. № 30. Л. 38]. Царь щедро жаловал всех: стольникам, обслуживавшим столы, выделено «по блюду сахаров», в достатке дано и полковникам, головам и полуголовам, чтобы никто не был лишен царской милости («никто тощ не был»). Караульных во все дни торжества велено было кормить из довольствия приказа Тайных дел и сверх того, в отличие от «прежних государских радостей», им из «дворца корм по указу даван» [З. № 30. Л. 19об.], а в последний день свадьбы царь похвалил их и пожаловал «овощи».

В Чиновникé 1671 г. впервые появляется упоминание о том, что государь послал «от стола» жалованье в Новодевичий монастырь к игуменье с сестрами – «взвары и овощи» [З. № 30. Л. 39]. Свадебная церемония завершилась, как и раньше, пышным приемом в честь патриарха и духовных лиц: «И такое великое доволство было, каково никогда не бывало». Угощение выставлено также для всех, бывших «за всякими чиновными людьми», царь указал кормить их, как сообщает заключительная фраза, «на Лыкове дворе. И овощей было много» [З. № 30. Л. 61].

Произошло заметное расширение придворного свадебного церемониала, что предопределило состав Чиновникá 1671 г., его разрастание изнутри, оснащение новыми повествовательными эпизодами, деталями, подробностями, речами⁵. Содержание текста и стиль изложения подчинены нормативной эстетике придворной церемониальности. Иницирующая роль в ее формировании принадлежит самому царю Алексею Михайловичу. Под его наблюдением, как известно, было составлено и лично им отредактировано сочинение, устанавливавшее церемониал придворной охоты с обученными соколами: «Книга, глаголемая Урядник, новое уложение и устройство чина сокольничья пути» (1656). В предисловии к «Уряднику» понятие «чин» возведено в эстетическую категорию, «чин» способен придать всякому делу «красоту и удивление»: «И по его государеву указу никакой бы вещи без благочиния и без устройства уряженаго и удивительнаго не было; и чтобы всякой вещи честь и чин и образец писанием предложен был, по тому: хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна [...] без чина же всякая вещь не утвердится и не укрепитя» [14. С. 89]. Слово «чин» означает порядок, последование, правило, устав; «уряжение» – устройство, «урядник» – изложение правил, уряда, распорядка [15. Стб. 1519–1520, 1263]. Понятия «чин», «уряжение», «урядник» выступают как синонимы и воспринимаются как необходимое условие правильно организованного пространства культуры. «Практическому осуществлению этих серьезных и сложных требований “красоты и удивления” придавалось большое значение: в законодательном порядке (“по государеву указу”), как говорилось в “Уряднике”, для всякого начинания государственно-придворного обихода было предложено заранее в письменной форме составлять специальные уставы, “чтобы всякой вещи честь и чин и образец писанием предложен был”» [16. С. 102].

Свадебный чин 1671 г. отражает изменения, происшедшие в придворной жизни, устроенной в соответствии с нормативной эстетикой, имевшей церемониально-репрезентативный характер. Составление Чиновникá не обошлось без участия самого царя: «слушав того чиновного списка», он «указал объявить бояром и околничим, и думным людям в передней, а столником и стряпчим и дворяном московским и жилцом сказать на постелном крыльце, в каких чинех кому быть»

⁵ Вызывает удивление утверждение, что «со второй половины XVII в. совершенно четко заметна тенденция к упрощению царской свадебной церемонии [...] большая “демократизация” в отношениях царя со своими гостями на свадьбе» [11. С. 14].

[3. № 30. Л. 6]. Принцип регламента, определяющий, кому из придворных выслушать указ царя «в передней», а кому «на постельном крыльце», основан на риторике, регулирующей поведение участников придворного церемониала и формирующей систему коммуникативных иерархий. «Выработанный официальной культурой церемониал использовал риторическую систематику, а риторика, в свою очередь, обретала ранг того же церемониала» [17. С. 150]. Свадебный чин 1671 г. демонстрирует универсальность риторического мышления, приводящего в связь регламентирующее воздействие риторики на организацию церемониала и его словесное оформление.

Регламентации подлежит каждое предписание Чиновника, например: относительно доступа в Кремль или в царские палаты, распределение среди придворных лиц должностных обязанностей, убранство интерьеров, в которых происходят церемониальные акты, расстановка караула в Кремле и введение эпизодов музыкального сопровождения (при смене караула), кому «в каком платье быть», порядок размещения гостей за столами, угощение («как государственной чин належит») одним подавать «красный мед» «в ковшах», другим – «в чарках», место встречи царем патриарха («у проходных сеней» по пути в Грановитую палату), порядок вручения свадебных подарков, на которые также распространялось влияние регламентирующего принципа. Различались дары по адресату, кому поднесены (царю или царице), а также – от кого. Делалось специальное объявление-отчет о дарах. Государь распорядился не сообщать о подарках, поднесенных царице, кроме тех только, что получены от властей «патриарших» или «пестрых» (т.е. светских и церковных). Существовало даже предписание относительно места, где принимать подарки, и ответственные за это дело лица. Царь указал боярину Б.М. Хитрово объявлять дары «пестрых властей», которым не довелось самим быть в дни свадьбы в Москве, а принимать дары – стольникам царицы «с постельного крыльца». Часть из принятых установлений восходит к прежним чинам, как, например, то, что царь «стряпчим и слугам всходить в Золотую палату не указал, для того что и наперед сего того не бывало» [3. № 30. Л. 58].

Регламентация и детализация, усложнение придворного свадебного чина вместе с отменой некоторых привычных обычаев предопределили появление новой ключевой роли – фактически церемониймейстера, хотя такой должности при дворе еще не существовало. Если традиционно главным распорядителем на царской свадьбе являлся посаженный отец, то в чине 1671 г. он, вопреки принятой практике, превратился по существу в фигуру номинальную. Обязанности исполнителя особых поручений царя и направляющего церемонию, организованную как пышное театрализованное действо, выполнял дворецкий, глава Оружейного приказа Б.М. Хитрово (1615–1680). Еще на первой свадьбе царя Алексея Михайловича ему довелось оказаться в свите, сопровождавшей государя в церковь к венчанию. За истекшую с тех пор почти четверть века Б.М. Хитрово сделал блестящую карьеру и достиг высот в придворной иерархии (см. [18. С. 78–87]). Через него царь сообщил о своем намерении «посягнуть ко второму браку» и через него же получил ответ иерарха. Б.М. Хитрово вместе с Н.И. Одоевским объявил боярам, окольниковым и думным людям решение царя о том, кому «на его государственной радости быти в чинех». Б.М. Хитрово нес «вино фряское» в церковь, ходил к патриарху с подарками от новобрачных (перепеча, сыр, ширинки, убрисцы), сидел «за государевым поставцом» и отпускал «еству». Ему царь указал бояр, окольниковых и думных людей, бывших в соборе и в «государских хоромех», угощать («подчивать») в передней, в каменных палатах, а полковников, голов и полуголов взять с караула в Верх «за переграду, что с постельного крыльца, и подчивать водкою». Когда они пришли, то «боярин и оружейничий» сообщил им, что царь сочетался браком, и, угостив, отпустил «на караулы по-прежнему в указные места» [3. № 30. Л. 24].

Во второй день свадьбы Б.М. Хитрово выполнил распоряжение царя Алексея Михайловича готовить в Грановитой палате «стол с чинами» для приема грузинского, сибирского и касимовского царевичей и придворной аристократии – составить список, «кому во время того государского радостного стола вина наряжать и пить наливать, и в столы смотреть, и чашником быть, и кому есть ставить». Затем докладывал государю о приезде царевичей. Б.М. Хитрово стал связующим звеном в общении между царем и придворными. Через него царь объявил комнатным боярам о своей «государской милости» видеть их с собой «в мыленке» [3. № 30. Л. 25об.]. Государю, со слов думного дьяка, Б.М. Хитрово сообщил о прибытии в Кремль стольников для обслуживания «государского радостного стола». Ему поручалось вновь «за поставцы сидеть и есты отпущать» [3. № 30. Л. 27об.]. Царь передавал через него свои указания придворным и лично ему доверил обязанность ставить перед собой вино и еду. Б.М. Хитрово подавал «сахарный взвар в золотых ковшах», потом «явил лебедь» [3. № 30. Л. 36об.]; в остальные столы «еству» ставили стольники. В знак благодарности государь пожаловал Б.М. Хитрово «коркою» (ковш). Те же функции «боярин и оружейничий» выполнял и в следующие дни торжества при подготовке приема патриарха и во время трапезы. По указанию царя он также объявлял «по росписи» дары церковных властей [3. № 30. Л. 55об.].

Хитрово – древний и знатный дворянский род, приближенный к государю и широко представленный при дворе. В церемониальное действо была вовлечена семья Б.М. Хитрово. Его жена Марья Ивановна (дочь князя И.П. Львова – Седова) «перед государынею шла (в Успенский собор к венчанию. – Л.С.) и путь берегала» [3. № 30. Л. 21об.]. Его сын, думный дворянин Иван, подавал во время свадебного пира кушанья царю [3. № 30. Л. 28]. Среди гостей «в большом столе» находились думные дворяне – брат «оружейничего», воевода Яков Тимофеевич Хитрово, окольный Иван Савостьянович Хитрово Большой [3. № 30. Л. 35]. За поставцом грузинского царевича Николая Давыдовича сидел Александр Савостьянович Хитрово.

С риторизацией общественной жизни связано интенсивное строительство словесной культуры. Придворный церемониал все больше насыщался текстами. Достаточно сравнить свадебные чины 1648 г. и 1671 г. Их отличает разная степень приобщенности к словесной культуре. В чине 1648 г. речи или упоминания о них занимают незначительное место.

Составленный почти четверть века спустя свадебный чин 1671 г. наглядно свидетельствует о возвысившемся статусе слова, о том, что место слова в культуре заметно укрепилось. Коммуникативной функцией наделены все церемониальные действия, растянувшиеся более чем на две недели. Здесь звучит и прямая, и косвенная речь. Так, царь оказал милость комнатным боярам, повелев им «видети свои [...] пресветлые очи в мыленке». Бояре отправились в «мыленку» и приветствовали («здравствовали») царя, а «великий государь *пожаловал* их своим государским милостивым *словом* и *спрашивал* о здоровье и жаловал водкою». Царь указал «милостиво пожаловать» всех присутствовавших на его государевом дворе, чтобы «ни един пребывал в печали», ибо, как он «*изрек*»: «Не подобает видевшему лице его государское и слышащему таковую ево государскую радость, пребывати печалну и лицеем сетованным» [3. № 30. 25об.–26]. Придворные обсуждали, «*глаголющее между собою*», какие они могут воздать «достойныя глаголы о милости его государской». Сетую на невозможность выразить даже множественно похвал «неизреченную милость» государя, они вспомнили о двух лептах бедной евангельской вдовы, пожертвовавшей их не от избытка, но от сердца, и «Господь Бог милосердый, видя ея в души теплая намерение, прият ю». После многих таких «*разговоров*» «милость» государя прославляли не только лица из «царского сигглита и чиновники», но все от мала и до велика «*приносили похва-*

ление. И повсюду слово се протече не токмо в царствующем граде Москве, но и всюду во градах и в селех» [З. № 30. Л. 27].

Введение речей, придающих тексту Чиновника особую театральность, отсылка к евангельской притче и возвращение к актуальной ситуации через повествовательную формулу «возвратимся на предлежащее» [З. № 30. Л. 27об.], риторическая фигура, связанная с топикой невыразимого («Воистину тоя радости невозможно потонку исписати, какво бысть радование и веселие» [З. № 30. Л. 38]), придают произведению придворно-деловой письменности литературный характер.

Чиновник 1671 г. представляет особый интерес и в связи с тем, что в нем обнаруживаются тексты, в отношении которых предоставляется возможность назвать имя их автора. Церемониал последнего дня свадьбы включает острое риторически украшенное приветствие [З. № 30. Л. 53–55] (текст опубликован [19. С. 233–244]). Поздравив царя и царицу, патриарх благословил «говорить речь» митрополиту Павлу Сарскому и Подонскому. В начале поздравления после именованя царя полным титулом разворачивается цепь параллелизаций, ставящих брак царя в контекст событий священной истории: «[...]ты же, благочестивейший самодержец, буди Богом возрадован о своеи благочестивой супрузе, яко же иногда Авраам о Сарре, Исаак о Ревеце, Ияков о Рахили доброкрасной или благородной, Давид о Иавиге (Авиге. – Л.С.) премудрой, Артаксеркс о Есфире благочестивой». Царь сравнивается с солнцем: «Твое пресветлое царское величество, яко же Солнце на небеси суще на престоле превысоце величайшаго правительства» [З. № 30. Л. 53–53об.].

Поэтика приветствия напоминает стилистическую манеру Симеона Полоцкого. Введение параллелизаций так же, как именование царя Солнцем и сравнение его с Артаксерксом, – излюбленные приемы Симеона. Так, в поэме «Гусли доброголасная» (1676) возведение на престол царя Федора, сопровождаемое пастырским благословением патриарха Иоакима, сравнивается с помазанием Соломона на царство священником Садоком (3 Цар 1:45), Иоаса жрецом Иодаем (4 Цар 11:12), Саула пророком Самуилом (1 Цар 10:24). Не только стилистическая орнаментация свадебного приветствия выдает авторство Симеона Полоцкого. Эта речь сохранилась также в списках: один из них находится в рукописи, содержащей его произведения в автографах и списках [20. Л. 232–232об.], другой – в сборнике его поздравительных речей [21. № 229. Л. 193об.–194об.].

Митрополит Павел произнес, таким образом, речь, написанную для него Симеоном Полоцким. Известно, что Симеон оказывал ему услуги пером, писал для него церковно-дипломатические тексты, касавшиеся общения с приезжавшими в Москву на собор 1666–1667 гг. восточными патриархами, посвятил ему стихотворное «Приветство на день святых Апостол Петра и Павла. К преосвященному Павлу митрополиту Сарскому и Подонскому», вошедшее в «Рифмологийон» [21. № 287. Л. 343–343об.]. Ему же посвящен и написанный в поэтике вариаций «Епитафийон», вошедший в «Вертоград многоцветный» (см. [22. С. 6–7, 559–560]).

Участие Симеона в тексте Чиновника 1671 г. не ограничилось составлением речи от лица митрополита Павла. Цитата из нее вложена в уста царя Алексея Михайловича, который появляется в начале свадебного чина, мотивируя необходимость второго брака. Он печалится о кончине царицы Марии Ильиничны, видя «в непрестанных слезах чад своих государских о разлучении рождшия их матере», признается, что не может «слышати плача и рыдания их» и потому «хочет посягнути ко второму браку». И далее воспроизведены те же самые слова, которые есть в орации, сочиненной Симеоном для митрополита Павла: «ничто же в подсолнечной безпремежно держати праведная его Господня десница благоволила есть, но яко самага времен течение бытие ово днем, ово ношию, ово зимою, ово летом пременяет: тако и человеческого вещества поприще иногда радостию, иногда скорбию преплетает» [З. № 30. Л. 3об.]. Авторство Симеона в создании на-

званных текстов несомненно. Был ли он участником торжественной церемонии? В Чиновникé сказано, что среди прочих церковных чинов «в кривом столе ели»: «священников черных двенадцать человек, восемь человек протопопов», «один человек протодьякон», «семнадцать человек дьяконов черных» [З. № 30. Л. 60об.]. Не исключено, что в их числе мог находиться и Симеон, учитывая его особую роль при дворе.

Попутно отметим, что он написал три приветственные орации царю Алексею Михайловичу «по новом браце» и одну – царице Наталье Кирилловне, все они единым блоком присутствуют в упомянутых рукописях РНБ и ГИМ [20. Л. 231–233; 21. № 229. Л. 192–195об.]. Царской свадьбе Симеон посвятил и стихи, вошедшие позже в «Рифмологион» (1680): «К государю царю приветство по новом браце» и «Приветствия государю царю по втором браце» [21. № 287. Л. 401–406, 409].

Церемония бракосочетания царя Федора Алексеевича (1661–1682) с Агафьей Семеновной Грушецкой (1663–1681), состоявшаяся 18 июля 1680 г., происходила согласно сложившейся традиции, закрепленной в Чиновникé 1671 г. – «применяясь к прежним их государственным чинам» (сохранились два чиновных списка [З. № 32. Л. 1–11], см. [4. 2-е изд. Ч. 11. С. 192]; [З. № 31. Л. 1–35]). Прямыми цитатами из Чиновникá 1671 г. являются сообщения о том, что еще до венчания царь Федор Алексеевич, как и его отец, «тайно» ходил в Успенский собор «для моления» [З. № 30. Л. 13], ср. [З. № 32. Л. боб.], что во время венчания в Успенском соборе «для церковнаго служения были государевы певчие два человека уставщик Павел Михайлов да Петр Покровец» [З. № 32. Л. 9], как и объяснение причины, по которой никого, кроме названных, «чиновных людей не было»: царь изволил «для благословения святаго супружества итить переходами з ближними людьми» [З. № 32. Л. 8, 10] (ср. [З. № 30. Л. 22]). Действительно, не названы лица, назначенные в первые свадебные чины (посаженные родители, тысяцкий, дружки и свахи). Упомянуты лишь бояре, среди которых, кстати, сын Б.М. Хитрово Иван и придворный сановник М.Т. Лихачев [З. № 32. Л. 8об.], а также лица из окружения патриарха, который в отличие от предыдущих церемоний, сам венчал царскую чету. Традиционные свадебные чины («свечники», «каравайники», «поезжане») упоминаются в другом чиновном списке [З. № 31. Л. 5]. В хоромы царицы был устроен по обычаю стол для боярынь [З. № 31. Л. 7]. На следующий день после бракосочетания царь указал «быть к себе» касимовскому и сибирскому царевичам, боярам, окольничим, ближним и «чиновным людям». Чиновный список 1680 г. следует за текстом Чиновникá 1671 г., вплоть до обозначения времени, когда последовало такое распоряжение: «в понедельник за час до дни (до полудня. – Л.С.)» [З. № 32. Л. 10]. Отсутствие упоминания о грузинском царевиче объясняется тем, что еще в 1674 г. он был отпущен на родину.

Неизвестно, состоялись ли торжественные приемы, как было принято, в третий и в четвертый день после церковного бракосочетания. Чиновные списки свадьбы царя Федора Алексеевича с Агафьей Семеновной сообщают о церемонии предельно кратко, что может свидетельствовать об угасании жанровой традиции. Не стали ли они в истории своего жанра последними представителями?

Получило, однако, продолжение начинание, имевшее место на второй свадьбе царя Алексея Михайловича, украшать придворный церемониал литературными произведениями. На бракосочетание Федора Алексеевича Симеон Полоцкий написал «Приветство», обыгрывая этимологическое значение имени царицы «Агафия», что означает «благая»: «Бог убо *благий благо* хотя сотворити, / Изволил ти всечестну супругу дарствити. / Ту же *благую*, яко имя извещает, / Ибо *Агафия* что *благая* являет. / Ей *благ*, Божий даре, будет ти с *благою* / [...] *Благо* и *благой* с даром Божиим обитати» [21. № 287. Л. 299].

О втором браке царя Федора Алексеевича с Марфой Матвеевной Апраксиной (1664–1715), состоявшемся 15 февраля 1682 г., вскоре после кончины Агафьи

Семеновны, сообщает современный историк, делая на основании разного рода исторических свидетельств следующий вывод, с которым нельзя не согласиться: «Федор Алексеевич оставил без изменения свадебный чин первого брака», обе его свадьбы «имели положенные по традиции чины» [23. С. 388]. По случаю женитьбы царя Федора Алексеевича на Марфе Матвеевне были созданы литературные и музыкальные произведения. Преемник Симеона Полоцкого в роли придворного поэта Сильвестр Медведев, готовясь к участию в свадебной церемонии, сочинил «Приветство брачное», а композитор Павел Черницын составил для торжества партесный концерт («пятигласныя собраны концерты»). От его лица С. Медведев также написал накануне свадьбы стихотворение с поздравлением новобрачным («Писася Павлу Черницыну фев. в 14 де[нь]») [24. Л. 114; 25. С. 314].

Придворный церемониал свадьбы первых царей из Дома Романовых представляет собой сложное, исторически видоизменявшееся социально-идеологическое явление. Сравнительный анализ позволяет установить изменения в обряде и появление в нем новаций, обусловленных историко-культурным контекстом, художественным вкусом царя, влиянием риторики как на придворный церемониал, так и на сочинения придворно-деловой литературы. Свидетельство наиболее радикальных изменений и в самом обряде, и в его описании – чиновный список свадьбы царя Алексея Михайловича с Н.К. Нарышкиной, в составлении которого проявилась определенная степень личного участия царя. Этот текст, представляющий собой наивысшее достижение в истории развития данного жанра, – замечательный памятник придворной литературы и литературной культуры последней трети XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
2. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000.
3. РГАДА. Дрвнлехранилище. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. II.
4. Древняя российская вифлиофика..., изд. Николаем Новиковым. СПб., 1773. 1-е изд. Ч. 1, 2; М., 1789. 2-е изд. Ч. 11.
5. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2011.
6. Волчкова М. Бракосочетание Михаила Федоровича: Публикация фрагментов уникального памятника, воссоздающего торжество при бракосочетании 5 февраля 1626 года // Мир музея. 1997. № 6.
7. РГАДА. Дрвнлехранилище. Ф. 135. Отд. V. Рубр. III. № 16. Рукопись лицевая.
8. Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 году февраля 5 при бракосочетании Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича с Государынею Царицею Евдокиєю Лукьявною из рода Стрешневых. М., 1810.
9. Разрядные записки о лицах, бывших на вторых свадьбах царя и великого князя Михаила Феодоровича в 1622 году и царя и великого князя Алексея Михайловича в 1671 г. / Сообщил архимандрит Леонид // Общество любителей древней письменности. СПб., 1885.
10. Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1915. Ч. II.
11. Князькина О.А. Обрядность как разновидность культурной жизни общества (на примере исторической традиции свадебного обряда российских царей XVI–XVII столетий). Автореферат дисс... канд. культуролог. наук. М., 1997.
12. Забелин И.Е. Домострой по списку имп. Об-ва истории и древностей российских // ЧОИДР. 1881. Кн. 2 («Чины на свадьбе»).
13. Иванов П. Описание Государственного архива старых дел. М., 1850.
14. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути, с пояснительною к нему заметкою С.Т. Аксакова, с портретом царя и снимками его почерка. М., 1856.
15. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3.
16. Робинсон А.Н. Церемониальная эстетика и придворная литература // Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974.
17. Лахманн Р. Два этапа риторики «приличия» («decorum»): Риторика Макария и «Искусство риторики» Феофана Прокоповича // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. М., 1989.
18. Селезнева И.А. Российский государственный деятель XVII в. Б.М. Хитрово // Вопросы истории. 1987. № 1.

19. *Сазонова Л.И.* Свадебное приветствие царю Алексею Михайловичу в Чине бракосочетания (1671 г.) // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте / Отв. ред. акад. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2008.
20. РНБ. Ф.ХVII.83.
21. ГИМ. Синодальное собрание.
22. *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnyj* / Ed. by A. Hippisley and L. Sazonova. Köln; Weimar; Wien, 1999. Vol. 2: «Emmanuel» – «Počitanie 2» (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Neue Folge. Reihe B: Editionen. Bd. 10/II).
23. *Седов П.В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.
24. ГИМ. Музейское собр. № 1705.
25. *Дурново Н.Н.* «Приветство брачное» Сильвестра Медведева // ИОРЯС. СПб., 1904. Т. 9. Кн. 2.

© 2013 г. Э. КОВАЛЬСКАЯ

ТРАДИЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯТЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЕ СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

В статье рассматривается роль конструирования прошлого в создании словацкой национальной идентичности. Прослеживается процесс включения свв. Кирилла и Мефодия в словацкую историческую традицию и подчеркивается, что создание их культа не имело ничего общего с народной религиозностью раннего Нового времени. В статье также уделяется внимание различным формам политизации и использования святых в политических дискурсах в Словакии в XX в.

The article is a case-study of how construction of the past was playing a crucial role in creating the Slovak national identity. It follows the process of how Saints Cyril and Methodius were incorporated into the Slovak historical tradition and stresses the fact that construction of their cult had nothing to do with early-modern popular piety. Attention is also paid to various forms of politicisation and use of the saints in political discourses in Slovakia during the twentieth century.

Ключевые слова: свв. Кирилл и Мефодий, конструирование исторического прошлого, религиозность, национальный пантеон, политизация истории.

Деятели словацкого национального движения, начиная с его появления на переломе XVIII и XIX вв., использовали одинаковый набор средств, которые должны были легитимизировать постепенно формировавшиеся претензии членов возникавшего национального коллектива на участие в общественной жизни (см. [1. S. 116–127]). Следовательно, конструирование прошлого как компонент сотворения коллективной памяти принадлежало к основным механизмам создания идентичности рождающейся нации [2; 3. S. 26–37]. Однако в случае словаков персонифицировать прошлое в виде общепризнанного пантеона национальных героев было непросто, поскольку различие в культурной ориентации лютеран и католиков обуславливало диаметрально противоположное понимание роли отдельных личностей. Эта амбивалентность коснулась даже личности святых, которые традиционно являлись наиболее заметным олицетворением той или иной территории и этноса. В случае словаков речь идет об относительно поздней и опирающейся уже на научный дискурс рецепции двух святых – Константина/Кирилла и Мефодия. Хотя первоначально их отношение к словакам вовсе не представлялось однозначным, постепенно они превратились в национальные символы и сегодня играют огромную роль в рамках символических представлений о нации.

Ковальская Эва – доктор, научный сотрудник Института истории Словацкой академии наук.

Процесс формирования традиции

Указанный процесс протекал сравнительно быстро, и оба святых являются одним из важнейших словацких *lieus de mémoire*. И это вопреки тому, что словаки называют себя прямыми «наследниками» их трудов в общем-то искусственно. Приглашение византийской миссии на территорию государства, которое историки называют Великой Моравией, во второй половине IX столетия не имело религиозной подоплеки и было скорее актом политическим. Моравские князья стремились освободить свою территорию (в том числе им принадлежала большая часть сегодняшней Словакии) от власти франкских королей и франкских церковных структур, и миссия должна была предоставить им большую степень легитимации [4. S. 53–71]. Однако деятельность свв. Кирилла и Мефодия в данном регионе была чересчур краткой, чтобы на ее основе установилась прочная традиция и прервалась ранее установленная связь с латинским культурным и цивилизационным ареалом [5. S. 307–314]. Апологетически настроенная церковная историография утверждает обратное, причем характерно, что при аргументации не указываются соответствующие научные работы [6]. Ее утверждения также ослабляют новейшие археологические находки, которые свидетельствуют о заметном присутствии христианской миссии еще до 863 г. [7]. Изменения структуры власти в составе элит во время возникновения венгерского государства в начале X в. означали впоследствии принципиальный перелом: память о двух святых и их культ потеряли легитимирующее значение. Функцию покровителей и символов территории получили новые святые, связанные с новой правящей династией и новым государственным образованием. Несомненно, свою роль сыграло и то, что новую властную элиту, хотя она и могла кооперироваться с предыдущей, в символических манифестациях не могли удовлетворять традиции и символы, связанные с исчезнувшим государством. Несмотря на стремление к сбалансированным отношениям, венгерские правители не искали легитимацию своей власти в Византии, так что кирилло-мефодиевская миссия превратилась в нежелательное воспоминание. Поэтому даже в существовании на территории Венгрии монастырей византийского обряда нельзя усматривать те же значение и функцию, которые оформились, например, в болгарской или сербской среде: в Венгрии функционирование монастырей восточного обряда доказано только на южных территориях с православным населением или же их основание стало проявлением политических притязаний венгерских правителей [8. S. 7]. Почитание Кирилла и Мефодия в этот период не было даже частью живой исторической традиции Нитранской епархии, которая, очень вероятно, ведет свое происхождение от церковного устройства Великой Моравии. Его культивирование закрепилось вне территории самой Словакии, причем отдельные упоминания о нем в литургических текстах, сохранившихся в местной среде (например кодекс, сохраняемый капитулом в Братиславе), не позволяют говорить о сохранении и функционировании культа, тем более о его влиянии на церковную жизнь более широких слоев населения.

Приведенные факты, таким образом, ни в коем случае не отвечают на вопрос, как и почему личности двух святых стали одним из, возможно самых значительных, столпов исторического сознания тех, кто начал формулировать национальную идеологию словаков на рубеже XVIII–XIX вв. Тем сложнее ответить на вопрос, почему и сегодня культ этих святых является основополагающим до такой степени, что упоминание о них включено в преамбулу словацкой конституции¹. При этом конструирование прошлого происходило противоречивым и сложным

¹ «Мы, словацкая нация, памятуя о политическом и культурном наследии своих предков и о многовековом опыте борьбы за национальное существование и собственную государственность, в смысле кирилло-мефодиевского духовного наследия и исторических заветов Великой Моравии...» [9].

путем [10. S. 18–53]. Хотя культ святых прежде всего связан с католической средой, введение Кирилла и Мефодия в процесс формирования исторической памяти являлось в значительной степени заслугой не католической (лютеранской) культурной среды. Этот парадокс объясняется обстоятельствами складывания культа и его не/функционирования в период Средневековья и раннего Нового времени: хотя оба святых были канонизированы еще в Средневековье и упоминания о них попали даже в литургические тексты, их культ не был прямо связан со «словацким» регионом и не адресовался более широким группам верующих. Его приняли некоторые монастыри в Чехии; отдельные упоминания в привезенных средневековых кодексах или мисалах (например в Братиславском, датированном позднее 1400 г.) опять-таки свидетельствуют о сохранении культа в элитарной среде священнослужителей.

Для церковной жизни Венгрии (и в ее рамках – конкретно словаков, как одного из этносов) было существенно, что культ не нашел отражения в текстах на местном языке, предназначавшихся более широкому кругу верующих, например в песенниках или молитвенниках. Вплоть до самого XVIII в. они отсутствуют среди патронов церквей, нет даже сведений о посвященных им алтарях и совершавшихся там богослужениях, где паства могла бы участвовать в отправлении культа двух святых. Барочная католическая религиозность при этом «открыла» значение региональных патронов. Они должны были представлять и оберегать определенный регион и «призывать» верующих в лоно католической церкви, которая, конечно, декларировала свою универсальность, однако почитание патронов имело подчеркнуто региональный характер [11. S. 27–40]. Применительно к Моравии², принадлежащей к числу земель Чешской короны³ [12. S. 97–115], Кирилл и Мефодий исполняли подобную роль региональных патронов уже с середины XIV в. Оломоуцкие епископы целенаправленно культивировали почитание двух святых. Его проявления можно проследить в сохранившихся кодексах, церковном календаре [13. S. 24–25], а позднее также в «материализированной» форме в виде памятных монет и даже монументальных статуй на барочном столпе Троицы в Оломоуце. Поэтому, когда венгерский иезуит Бенедек (Бенедикт) Сёллэши (1609–1656) в своем предисловии к католическому песеннику выразил восхищение деятельностью Кирилла и Мефодия («Cantus Catholicici», 1655), подчеркнув их значение для славян и, конкретно, словаков, он не нашел широкого отклика и в следующем издании песенника уже не повторял упомянутого введения. То, что его текст был построен на сведениях, почерпнутых из чешских источников и, в отличие от песнопений, написан на латыни, не являлось единственной причиной, почему его больше не поместили в издание: в конце концов, печатный текст был адресован преимущественно представителям элит, знавшим латинский язык.

Ситуацию с двумя святыми усложняло, прежде всего, то, что образованные или просто грамотные люди выходили в основном из рядов дворянства, которое выстраивало свою идентичность главным образом с помощью культа «отечественных», прямо связанных с государственной территорией, святых. В первую очередь, ее представляли канонизированные еще в Средневековье члены правящего рода (святые Иштван, Имре и Ласло) и Дева Мария как символическая королева Венгрии. Нарушение их «полномочий» новыми святыми, территориальная принадлежность которых или указывала на регион в другом государственном образовании (таковым, несомненно, считалось Чешское королевство), или даже выхо-

² Культ свв. Кирилла и Мефодия поддерживался непосредственно правителями – на «конштитивный» акт Карла IV в отношении пражской и оломоуцской епархий (1347), вероятно, целенаправленно опирались Габсбурги: в XVIII в. в Вене действовало моравское Братство свв. Кирилла и Мефодия при церкви св. Михаила, которая служила также официальной церковью императорской семьи.

³ Отдельным чешским земельным (территориальным) патроном и далее оставался св. Вацлав.

дила за рамки целой монархии (отношение к славянам как общности [14⁴]), могло играть значительную роль. Более того, в данный период еще не было доподлинно известно, с какой именно территорией была прямо связана деятельность Кирилла и Мефодия: о местонахождении Великой Моравии между историками пока велись сугубо научные споры, а издание источников только начиналось. Попытка обновления литургии на славянском языке со ссылкой на прецедент, созданный Кириллом и Мефодием, являлась в период Тридентского собора инициативой, напрямую связанной не с Венгрией, а с церковью в Хорватии и Далмации [15. S. 85–246]. Привлекательность святых, относившихся к иностранному или не четко определенному региону⁵, не могла быть в венгерской среде слишком высокой, и утверждение их культа становилось чересчур трудным предприятием. Прежде всего, следует думать, что Сёллэши принял во внимание лишь недавно заключенную унию с верующими восточного обряда, и заветы Кирилла и Мефодия должны были символизировать принятие литургии, исходящей из кирилло-мефодиевского наследия как полноправной с латинской. Следовательно, массы теперь уже греко-католического населения могли идентифицировать себя с новой церковной ориентацией. Однако в период второго издания песенника (в начале XVIII в.) этот аспект уже не был важен: уния уже давно стала реальностью. Предложенную гипотезу о мотивации Сёллэши подкрепляет и схожий акт столетием позднее, а именно заведение Папой Пием VI почитания свв. Кирилла и Мефодия в виде официально признанного праздника (14 марта) для всех стран Габсбургской монархии, что и было осуществлено по инициативе Марии-Терезии в 1777 г., ровно через пять лет после присоединения Галиции с большим количеством греко-католического населения. Вопреки этому, в словацкой католической среде бытование культа не стало более интенсивным. Этот шаг нашел отклик только в более позднем гомилетическом творчестве, использованном в построении национальной идеологии [16; 17. S. 354].

Однако не менее важным я считаю то, что труды двух святых, которых следовало славить и почитать, имели «интеллектуальный характер». В контексте барочной религиозности большую роль играла способность святого мобилизовать массы, став символом и защитником территории, или посредством таких католических практик, как, например, исповедь (в случае св. Яна Непомуцкого). Кстати, мученичество только увеличивало привлекательность такого святого. Однако ничего из этого не относилось к личностям свв. Кирилла и Мефодия: конститутивный культурный акт (составление славянской азбуки, перевод религиозных текстов), который в рамках барочного славизма стал одним из источников для формулирования славянской идентичности [14. S. 39–46], не мог конкурировать с достижениями «отечественных» святых, которые активно занимались защитой территории от неприятелей. Точно так же было важно, что они не стали частью того типа религиозности, которую активно насаждала правящая Габсбургская династия [18].

«Открытие» и, особенно, культивирование культа Кирилла и Мефодия в качестве фигур, которые могут мобилизовать тех, кому адресовалась пропаганда зарождавшегося национального движения, можно приписать интеллигенции, прежде всего, как ни странно, из лагеря словаков-лютеран. Последние обратились к святым как к символам исторической культурной традиции, которая помогала обосновать место данного церковного сообщества в более глубоком прошлом, нежели пред-

⁴ Свв. Кирилл и Мефодий занимали важное место в конструкции барочного славизма, воспринятого культурными кругами всех славянских этносов. Работа Р. Бртаня богата материалами, однако автор мало склонен к их интерпретации.

⁵ Официальное признание свв. Кирилла и Мефодия как моравских региональных патронов, например, подтвердило основание моравского Братства св. Кирилла и Мефодия при церкви св. Михаила в Вене в конце XVIII в.

лагала Реформация. Также эти святые символизировали церковь, не расколотую схизмой, к которой можно было относить себя в настоящее время. Таким образом они предлагали возможность легитимировать существование того церковного сообщества, которое под натиском рекализации постоянно подвергалось сомнению. Акцентирование основополагающего значения славянского богослужебного языка появилось в предисловии Даниела Крмана (1663–1740) к новому изданию наиболее часто встречающейся книги лютеранской общины – канционалу (сборнику духовных песнопений. – *Прим. пер.*) (1717) [19. S. 117–139]. С помощью работ лютеранского теолога Матяша (Матея) Бела (1684–1749), который считался также научным авторитетом, полигистором и «большим украшением Венгрии» (*magnam decus Hungariae*), и его последователей⁶ лютеране окончательно присоединились к традиции, которую помогали конструировать своими историческими работами. Тем самым формировалась платформа для поиска точек соприкосновения с католической интеллигенцией, на которых мог основываться проект национальной идеологии, перешагивающей конфессиональные границы.

«Новая жизнь» святых в пантеоне национальных героев

Процесс вхождения двух святых в пантеон «национальных святых» и символов достиг своего апогея в XIX в. Оба конфессиональных лагеря принимали их как основоположников культурной традиции уже не только славян в целом, но и именно словаков. С их помощью удавалось также избежать первичной взаимосвязи национальных героев с конфессиональной принадлежностью: в отличие от остальных связанных со словацкой территорией святых, Кирилл и Мефодий не имели исключительно католической «окраски». Более того, с ними могла идентифицироваться вся территория, населенная словаками, которая как раз в этот период начала приобретать и более точно определенные границы⁷. Их культурная миссия, обращенная, кроме того, ко всем славянам, все равно получила «локальный» мобилизационный аспект: культурный национализм, ориентированный в прошлое, одновременно символизировал культурное превосходство над венгерским национализмом в тогдашнем временном и территориальном диапазоне [20]⁸. Традиционный и общепризнанный патрон св. Стефан, основатель государства, также в процессе развития венгерского национализма начал утрачивать характер глашатая или сторонника этнической толерантности, которую ему приписывали в своих трудах еще представители просвещенческого поколения XVIII в. [21. S. 129–137; 22. S. 77]. Он все более становился символом государства, которое вводило в жизнь ограничительные мадьяризационные меры, нацеленные против немадьярских этносов. Словацкий культурный национализм, представленный в том числе и Кириллом и Мефодием, имел, однако, принципиальный недостаток: он был ориентирован в идеальном изображавшемся прошлом и остро контрастировал с современной ситуацией, когда возникавшее национальное сообщество не обладало в своем распоряжении культурными или иными институциями, даже не имело единого литературного языка и было поделено в соответствии с акцентированием разных исторических традиций (в том числе на основании раздельного исторического опыта). С другой стороны, как раз вышедшие на первый план интеллектуальные силы все-таки обладали мобилизационным потенциалом:

⁶ Например, к ним принадлежал Йозеф Бенцур, реформатор учебного процесса в гимназии г. Кежмарка, позднее ректор гимназии в Прешпорке/Прессбурге/Братиславе.

⁷ Речь шла о процессе «выделения» из Венгрии территории, населенной словаками, которое достигло своего апогея при определении словацкой национальной территории в политических программах 1848–1861 гг.

⁸ Речь идет о синтезе истории словаков, появившемся как полемический текст против венгерской (официальной государственной) концепции истории.

суть их требований заключалась в подражании, призванном укрепить концепцию «Kulturnation» в рамках национального движения словаков. В этом культе в данный период можно усмотреть и политическое значение, в том числе в рамках литературных произведений высокого художественного уровня, которые его представляли. Там изображались двое святых как активные сторонники великоморавских правителей, которым оказывали поддержку в приобретении гегемонии в Паннонском регионе. Тем самым их «политическая деятельность» сужалась до территории бывшей Великой Моравии, хотя культурная миссия святых практически всегда акцентировалась по отношению ко всем славянам. Тогдашние импликации в виде панславизма, воспринимавшегося как реальная угроза, имели более чем серьезные политические последствия: венгерские политики не вникали в различия между разными уровнями «деятельности» Кирилла и Мефодия и считали их панславизм серьезной опасностью для государственного единства, вне зависимости от того, декларировался ли он как форма австрославизма или как движение, управляемое Россией.

Однако в реальной политической жизни исторически окрашенные аргументы не играли слишком важной роли: политизация общественной жизни происходила в Венгрии (или в рамках венгерского национального движения) «нормальным» путем – в ходе борьбы за присутствие в отдельных сегментах власти и путем привлечения на свою сторону общественного мнения, а также формирования политических партий. Политизация национального движения словаков, однако, не поднялась на этот уровень. Отчасти по этой причине венгерские политики не воспринимали серьезно программу⁹, которая опиралась только на традицию или историческую фикцию. Но несмотря на это было важно, что надконфессиональное восприятие двух святых способствовало объединению конфессионально отличных крыльев словацкого движения. Католическая и объединенная в середине XIX в. вокруг вождя национального движения Людовита Штура лютеранская интеллигенция в течение 30–40-х годов XIX в. провозглашала святых «словацкими апостолами». Преферированное культурное значение миссии впоследствии создало общую платформу для сотрудничества католических и лютеранских церковных иерархов при подготовке празднований по случаю тысячелетия их прихода на территорию Великой Моравии (1863). Она выдвигалась на первый план даже в издаваемых по этому случаю проповедях и пастырских посланиях, предназначенных для слушателей теологических учебных заведений [23. S. 57].

Вследствие этого консенсуса начиная с 50-х годов XIX в. упоминание Кирилла и Мефодия в качестве национальных символов становилось все более частым. Это способствовало их более частому символическому присутствию в общественных местах: к периоду празднования тысячелетия их прихода относятся первые освящения в их честь церквей, например римско-католических костелов в населенных пунктах Сельце (Мойтин) в 1863 г. и Догняны в 1865 г. [24. S. 113–114], изображения на алтарных образах, памятных монетах и в виде статуй. Их продажа сопровождалась рекламной кампанией [23. S. 59–60]. Коммуникативное пространство, в котором они присутствовали, расширял названный их именами журнал «*S Cyril a Metod*» (1850–1870), первые два номера которого даже вышли на церковнославянском языке. Матица Словацкая, наиболее значительная культурная институция словаков в XIX в., включила их портрет в свою эмблему и как на письме, так и графически представила его в учредительной грамоте и на титульной странице своего журнала «*Letopis Matice slovenskej*». Однако даже такой специфический религиозный феномен, как паломничество имел скорее культурный, нежели ду-

⁹ В качестве аргумента тогдашнего политического дискурса, а также в течение революции 1848 г., в словацкой политической программе появилось указание на территорию, которая когда-то была под управлением великоморавского правителя («короля») Святополка.

ховный характер: даже в этой связи оба святых не проникли в сферу глубинной религиозности – например, не известны адресованные к ним молитвы.

Во время паломничества, посвященного празднованию тысячелетнего юбилея, национальное движение вступило в фазу массовой агитации и наконец затронуло широкие массы населения. Однако вследствие политизации национального движения и его перехода в фазу массового, Кирилл и Мефодий постепенно стали пропадать из повестки дня первых политических партий. Эту тенденцию со всей очевидностью показал уже следующий тысячелетний юбилей, на этот раз связанный с кончиной Кирилла (1869). По этому поводу не удалось активизировать широкие массы (например, не проходили паломничества), внимание юбилею уделила только печать. На первый план больше выходила инициативы в честь святых в специфической сфере искусства (литература [25], изобразительное искусство) и в рамках католической церкви. Хотя мадьяризаторская политика венгерских правительств коснулась и этой сферы, многие церковные общины и их духовные пастыри вопреки сопротивлению вышестоящих церковных иерархов настояли на посвящении Кириллу и Мефодию алтарных образов и колоколов или же установке их статуй [23. S. 66]. Однако преодоление сакрального пространства, ограниченного отдельной церковью, и выказывание почитания двух святых могли происходить на глазах у широкой общественности только на иностранной территории, за границей Венгрии. Процесии направлялись не в словацкие города, где предположительно действовала кирилло-мефодиевская миссия (Девин, Нитра), а в моравский Велеград. Одновременно начался новый этап научного изучения раннесредневековой истории словацкими историками, хотя последние были скорее заинтересованными любителями, нежели профессиональными исследователями.

Политическое использование кирилло-мефодиевского культа стало вновь актуальным уже после создания Чехословацкой Республики в 1918 г. Официальная аргументация в рамках концепции чехословакизма (целью которого являлось формирование не только политической, но и этнически понимаемой нации) опиралась на исторические события, в рамках которых первое место принадлежало так называемой Великоморавской державе. Это государственное образование интерпретировалось как прообраз и проявление национального единства чехов и словаков. Для сторонников чехословакизма Кирилл и Мефодий были приемлемы и потому, что старейшие чешские хроники приписывали им важную роль в христианизации правящего слоя, более того, активными носителями памяти о них во всей Центральной Европе стали славянские монастыри в Чехии. С другой стороны, сторонники словацкого автономизма рассматривали Великую Моравию в качестве государства (древних) словаков, которое существовало отдельно от территорий, населенных племенами древних чехов. Миссия Кирилла и Мефодия провозглашалась доказательством высокого уровня словацкого языкового и культурного развития [26. S. 254–262]. Возник целый ряд художественных изображений двух святых и наступила новая волна посвящения им церквей, которая в 1920-е годы еще представляла средство легитимизации государства, однако десятилетием позднее приобрела совершенно другой характер. В период набиравшего силу автономистского движения святые были вновь «одомашнены» и благодаря фигуре нитранского князя Прибины теснее, чем ранее, связаны с территорией Словакии. Толчок к этому дали торжества 1933 г. по случаю 1100-летия освящения первой христианской церкви в Словакии. Хотя, согласно источникам, обряд тогда был совершен зальцбургским епископом, празднование, собравшее большое количество участников, стало проявлением требований автономии, которые подчеркивались именами Кирилла и Мефодия. Однако по сравнению с тысячелетними торжествами в XIX в. можно увидеть существенную разницу: торжества сопровождали не столько начинания в художественной сфере, сколько публикации научного харак-

тера (в форме издания источников или работ по разным вопросам ранней истории Словакии). Кратко и образно говоря, Великая Моравия и Солунские братья стояли в начале развития профессиональной словацкой историографии.

Будучи провозглашенными национальными святыми, они постепенно «оккупировали» общественное пространство. Сам государственный герб с изображением двойного креста прочно утвердился в историческом сознании как символ византийской миссии¹⁰ [27. S. 928]. Сильное политическое содержание несли изображения святых, размещавшиеся на тех местах, которые воспринимались как яблоко раздора между словаками и венграми. В этом случае сакральная функция памятников святым пересекалась с национально-идентификационной и разграничительной функциями [28. S. 122]. С этой целью в 1938 г., после Венского арбитража, поблизости Нитры, прямо на словацко-венгерской границе были установлены монументальные статуи Кирилла и Мефодия. Они должны были напоминать словакам по обе стороны границы их историю и символизировать претензии на оккупированные территории [29. S. 142]. Подобное значение через 60 лет имели страстные дискуссии о том, в каком из общественных мест в пограничном городе Комарно должна быть размещена скульптура двух святых. Они начались по инициативе местного отделения националистически настроенной Матицы Словацкой, настаивавшей на размещении статуи святых в центре строившейся Площади Европы. Хотя это касалось только местного самоуправления, через несколько недель они уже волновали СМИ и общественность по всей стране, грозя перерасти в настоящий конфликт. Скульптура переместилась из гаража евангелического прихода на фасад здания Матицы Словацкой, получив «публичное городское место» на шумном перекрестке [30. S. 110–131]. Комарно, в прошлом мультиэтничный, а сегодня воспринимаемый скорее как венгерский город, активисты Матицы, без соответствующих доказательств и опоры на источники, в широко разрекламированном споре называли местом вступления братьев на «словацкую землю». На втором плане стояло желание подчеркнуть словацкий характер города, который, с одной стороны, стремился провозгласить свою «европейскость» путем строительства какого-то архитектурного «леголенда». Однако с другой стороны, он стал местом выражения претензий венгерского меньшинства на культурную автономию и, как следствие, местом расположения первого венгерского университета в Словакии (Университет Яноша Шелли)¹¹, и в целом воспринимается в качестве главного центра венгерского меньшинства в Словацкой Республике. Оба святых присутствовали и присутствуют в исторической памяти, в том числе вдали от границ их реальной деятельности, вне изначальной географической территории, среди зарубежных словаков. В их среде кирилло-мефодиевский культ развился так быстро и интенсивно, что к концу XIX в. стал однозначным идентификационным признаком словацких переселенцев в США и Канаде. Об этом свидетельствуют церковные, общественные, школьные и даже орденские институты, которые носят их имя. (Женский орден сестер свв. Кирилла и Мефодия был основан в 1909 г. [23. S. 88–91].) Подобно тому, как этот культ когда-то помог объединить лютеран и католиков в Венгрии, в американской среде он способствовал объединению католических и греко-католических эмигрантов из Словакии. Особенно могила св. Кирилла в Риме превратилась в место паломничества и духовный центр для представителей словацкой эмиграции. Логичным шагом стало основание духовной семинарии, издательства (1955) и самостоятельного Института свв. Кирилла и Мефодия (1963). Во время открытия Института 15 сентября 1963 г. в праздник Девы Марии как покровительницы Словакии было однако, провозглашено, что

¹⁰ Двойной крест являлся составной частью и венгерского государственного герба, однако располагался на нем на другом фоне.

¹¹ Правительство СР утвердило учреждение Университета Яноша Шелли 12 марта 2003 г. Открытие состоялось в январе 2004 г.

пантеон национальных святых включает в себя и другие фигуры символических защитников страны [23. S. 134–137].

В 1963 г. в Словакии, а также в рамках всей Чехословакии появилась возможность представлять альтернативную историческую перспективу: хотя кирилло-мефодиевская миссия интерпретировалась в духе марксистской идеологии как первичная культурная миссия и толчок для образования чехословацкой государственности, а христианизационное содержание умалчивалось, благодаря многим публикациям и богато составленной выставке в интересе к ранней истории Словакии наступил однозначный перелом. Благодаря археологическим находкам, публикации источников [31] и многочисленным научным публикациям общество было подготовлено к принятию кирилло-мефодиевской традиции, хотя 1100-летие прихода Кирилла и Мефодия не праздновалось широко. Эта сдержанность объяснялась опасениями, что будут пробуждаться воспоминания о подобных празднованиях в 1930-х годах, которые стали толчком к проявлению автономизма. Вместе с политическим послаблением в течение 1960-х годов, во время так называемой Пражской весны, наконец, дошло до публичного упоминания и отмечания прихода Кирилла и Мефодия. Организуемые сперва изредка, но всегда 5 июля, торжества в Девинском граде, конечно же, проходили под лозунгом чехословацко-советской и интернациональной дружбы, но в итоге в 1967 г. они стали буквально кирилло-мефодиевским национальным паломничеством [32. S. 49–80]. Послабление в церковной жизни и восстановление запрещенной с 1950-х годов греко-католической церкви одновременно привело в конце 1960-х годов к оживлению проявления религиозности в рамках всей Словакии, что, кроме прочего, вновь отразилось в посвящении Кириллу и Мефодию шести новых приходов [24. S. 111–113; 33]. Однако для распространения данной тенденции решающим было формулирование государственно-правовых требований словаков в процессе федерализации Чехословакии. С окончательным проникновением кирилло-мефодиевской темы в исследовательские проекты в рамках историографии особенно в 70–80-е годы XX в. [34–36] словацкое национальное сознание нашло относительно прочную и научно обоснованную опору, и хотя словаки не могли стремиться к достижению своих требований в сфере реальной политики, они все же имели возможность делать это на поле науки и в общественном мнении.

Тогда как в 1977 г. коммунистический режим еще скрывал от общественности установление самостоятельной словацкой церковной провинции, во время переговоров о ее установлении «живая кирилло-мефодиевская традиция» все-таки была негласно принята в качестве одного из аргументов [23. S. 196–197]. Тем самым церковно-политическое использование двух святых как национальных патронов отнюдь не исчерпывало их «роли» в современной политической жизни. Святые получили интересную роль в политическом дискурсе 1990-х годов, когда (точно так же, как в XVIII в.) их представляли исключительно национальными патронами, которые принесли христианство и письменность не для всех славян в целом, а конкретно для (древних) словаков, и с их территории впоследствии проводили процесс христианизации. Одновременно они предоставляли легитимацию для достижения политических целей действующих политиков, которые вставили упоминание о кирилло-мефодиевской традиции в текст конституции Словацкой Республики. В ней, однако, выражаются интересы «словацкой нации», а не *expressis verbis* граждан. С одной стороны, это подчеркнуло узкую взаимосвязь Кирилла и Мефодия с одним конкретным национальным коллективом, а с другой – оказалось в определенной степени контрпродуктивным для восприятия. Хотя, принимая во внимание значение культурной и религиозной миссии, по решению Папы Иоанна-Павла II они были уже в 1980 г. провозглашены одними из патронов Европы, даже инициативы, сформулированные во имя Европы (разместить скульптуру в центральном публичном месте в Комарно), не смогли переломить устоявшегося

восприятия их как узко национальных святых: вследствие подобного «национального» представления их присутствие почему-то именно на комарнянской Площади Европы оказалась для местных представителей венгерского меньшинства неприемлемым¹². Благодаря возникновению в 1993 г. самостоятельного государственного образования появилась более широкая платформа для их «визуализации» в такой распространенной форме, как банкноты. Во время голосования и выбора проекта по оформлению новой словацкой монеты они, правда, оказались только на пятом месте после наиболее популярного государственного герба и трех самых известных географических символов Словакии¹³. Не известно, как именно изменится восприятие фигур Кирилла и Мефодия под влиянием публикации и активной медиализации новейшей крайне богатой и значительной археологической находки (Бойна), которая однозначно доказывает сравнительно высокий уровень развития христианства на территории Словакии еще за год до их прихода в Великую Моравию, а также массового насаждения «культы» князя Святополка при правительстве Роберта Фицо (2006–2010). Стремление подчеркнуть «словацкость» жителей Нитранского княжества («древние словаки») и подобным образом сформулировать «историческое право» на населявшуюся ими территорию вели к тому, что князя Святополка в официальных представлениях стали выставлять как «словацкого короля» или «короля словаков». Это делалось и делается вопреки тому, сколь скудные доказательства для подобной интерпретации предоставляет серьезное изучение истории¹⁴, и, особенно, вопреки тому, что его акты как правителя означали отрицание той церковной ориентации, которая установилась во времена его предшественника князя Растислава. Подобно тому, как устремления власти в IX в. стали значительным фактором, определявшим церковно-культурную ориентацию, современности так же не чужды аналогичные механизмы – в данном случае, по-видимому, манипулирования историческими фактами в интересах насущных политических задач.

Перевод со словацкого М.Ю. Дронова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kowalská E.* Kyrill und Method. Ihre Tradition in Politik und Geisteswelt der Slowaken // Die Renaissance der Nationalpatronen. Erinnerungskulturen in Ostmitteleuropa im 20./21. Jahrhundert / Hrsg. von S. Samerski. Köln; Weimar; Wien, 2007.
2. Die Konstruktion der Vergangenheit. Geschichtsdenke, Traditionsbildung und Selbstdarstellung im frühneuzeitlichen Ostmitteleuropa / Hrsg. von J. Bahlcke, A. Strohmeyer. Berlin, 2002. (=Zeitschrift für historische Forschung. Beiheft 29).
3. *Kiliánová G., Kowalská E., Krekovičová E.* My a tí druhí v modernej spoločnosti. Bratislava, 2009.
4. *Mikuláš H.* Zur Orientierung der Mission von Methodios und Kyrillos // Methodios und Kyrillos in ihre europäische Dimension / Hrsg. von E. Konstantinou. Frankfurt/Main; Berlin, 2005 (=Philhellenische Studien. Bd. 10).
5. *Avenarius A.* The Basic Problems of Slovak History and Historiography // A Concise History of Slovakia / Ed. by E. Mannová. Bratislava, 2000.
6. *Korec J. Ch.* Cirkev v dejinách Slovenska. Bratislava, 1994.
7. *Bojná.* Hospodárske a politické centrum Nitrianskeho kniežatstva/Wirtschaftliches und politisches Zentrum Nitraer Fürstentums / Hrsg. von K. Pieta, A. Ruttkay, M. Ruttkay. Nitra, 2007.
8. *Steinhübel J.* Veľkomoravská tradícia v česko-slovenskom kontexte // Kultúrny život. 1991. T. 25. № 31.
9. <http://www.vlada.gov.sk/8576/ustava-slovenskej-republiku.php?menu=1280> (5.6.2011).
10. *Kersken N.* Entwicklungslinien der Geschichtsschreibung Ostmitteleuropas in der Frühen Neuzeit // Die Konstruktion der Vergangenheit. Geschichtsdenke, Traditionsbildung und Selbstdarstellung im frühneuzeitlichen Ostmitteleuropa / Hrsg. von J. Bahlcke, A. Strohmeyer. Berlin, 2002.

¹² Речь идет об описанном выше случае в Комарно.

¹³ Государственный герб (двойной крест) получил 33 068 голосов, Кирилл и Мефодий – 13 204 голосов. Всего голосовало 140 653 чел. [37].

¹⁴ См. отзыв, составленный Яном Штейнгибелем на тему признания за Святополком титула короля [38].

11. *Becker H.-J.* Heilige Landes-patrone. Entstehung und Funktion einer kirchenrechtlichen Institution in der Neuzeit // Die Renaissance der Nationalpatronen. Erinnerungskulturen in Ostmitteleuropa im 20./21. Jahrhundert / Hrsg. von S. Samerski. Köln; Weimar; Wien, 2007.
12. *Samerski Š.* Wenzel. Altes und neues Staatssymbol der Böhmischer Länder // Die Renaissance der Nationalpatronen. Erinnerungskulturen in Ostmitteleuropa im 20./21. Jahrhundert / Hrsg. von S. Samerski. Köln; Weimar; Wien, 2007.
13. *Zlámal B.* Slovanští apoštolové svatí Konstantin-Cyrlil a Metoděj // Bohemia sancta. Životopisy českých světců a přátel božích. Praha, 1989.
14. *Brtná R.* Barokový slavizmus. Porovnávacie štúdiá z dejín slovanskej slovesnosti. Liptovský Sv. Mikuláš, 1939.
15. *Thomson F. J.* The Legacy of SS. Cyril and Methodius in the Counter-Reformation // Methodius und Kyrillos in ihreere Europäischen Dimension / Hrsg. von E. Konstantinou. Frankfurt/Main; Berlin, 2005.
16. *Fándly J.* Concio historico-panegyrica de sanctis Slavorum apostolis Cyrillo et Methodio // *Fándly J.* Příhodné a Swátečné kázně. Druhí zwazek. Trnava, 1796.
17. Juraj Fándly – v ýber z diela / Vyd. J. Tibenský. Bratislava, 1954.
18. *Coreth A.* Pietas Austriaca. Österreichische Frömmigkeit im Barock. Wien, 1982.
19. *Vráblová T.* Charakter Krmanovho Predhovoru ku Klejchovmu kancionálu // Pannonia docta. Učena Panónia. Z prehistórie uhorsko-slovenskej literárnej historiografie / Vyd. G. Gáfriková et al. Bratislava, 2003.
20. *Papánek G.* Compendiata historia gentis Slavae. De regno regibusque Slavorum. Tyrnaviae, 1793.
21. *Brandt J.* Stephan der Heilige. Eine Rockoper und ihre Lesearten // Die Renaissance der Nationalpatronen. Erinnerungskulturen in Ostmitteleuropa im 20./21. Jahrhundert / Hrsg. von S. Samerski. Köln; Weimar; Wien, 2007.
22. *Vývjalová M.* Anton Bernolák a osvietenstvo // Historický časopis. 1980. Vol. 28.
23. *Kružliak I.* Cyrilometodský kult u Slovákov – Dlhá cesta k slovenskej cirkevnej provincii. Prešov, 2003.
24. *Hudák J.* Patrociniá na Slovensku. Bratislava, 1984.
25. *Országh-Hviezdoslav P.* Žalm na tisícročnú pamiatku vierozvestov sv. Cyrila a Metoda. S. I., 1885.
26. *Bakke E.* Doomed to Failure? The Czechoslovak Nation Project and the Slovak Autonomist Reaction 1918–1938. Oslo, 1998.
27. *Miháliková S.* «Hej Slováci». Symbolische Repräsentation der Slowakei // Osteuropa. Zeitschrift für Gegenwartsfragen des Ostens. Stuttgart, 2003. Bd. 53. Heft 7. Staatssymbolik und Geschichtskultur.
28. *Lipták E.* Collective Identity and Public Space // Collective Identities in Central Europe in Modern Times / Ed. by M. Csáky, E. Mannová. Bratislava, 1999.
29. *Zajonc J.* Prečo je Nitra staroslávne mesto? // Mýty naše slovenské / Vyd. E. Krekovič, E. Mannová, E. Krekovičová. Bratislava, 2005.
30. *Mannová E.* Von Nationalhelden zum Europa-Platz. Inszenierungen des kollektiven Gedächtnisses in Komárno an der slowakisch-ungarischen Grenze // Inszenierungen des kollektiven Gedächtnisses. Eigenbilder, Fremdbilder / Hrsg. von M Csáky, K. Zehringer. Innsbruck, 2002 (paradigma Zentraleuropa. Band 4).
31. *Ratkoš P.* Pramene k dejinám Veľkej Moravy. Bratislava, 1963. (2-е изд. 1978).
32. *Kiliánová G.* Ein Grenzmythos: Die Burg Devín // Heroen, Mythen, Identitäten. Die Slowakei und Österreich im Vergleich / Hrsg. von H Stekl, E. Mannová. Wien, 2003.
33. *Bagin A.* Cyrilometodské kostoly a kaplnky na Slovensku. Bratislava, 1985.
34. *Ratkoš P.* Slovensko v dobe veľkomoravskej. Košice, 1988.
35. *Kučera M.* Postavy veľkomoravskej histórie. Bratislava, 1986.
36. *Marsina R.* Metodov boj. Bratislava, 1985.
37. <http://www.nbs.sk/sk/bankovky-a-mince/eurove-mince/historia-vzniku-slovenskych-euro-minci/verejna-anketa-o-vytvarnych-navrhoch-na-slovenske-strany-eurovych-minci> (1.6.2011).
38. http://www.nrsr.sk/Static/sk-SK/NRSR/Posudky/posudok_02_Steinhubel.pdf (30.5.2011).

© 2013 г. М. В. ЯСИНСКАЯ

«СВЕТА БЕЛОГО НЕ ВИДЕТЬ» (ТЕМА ГЛАЗ И ЗРЕНИЯ В ФОРМУЛАХ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ПРОКЛЯТИЙ)

В статье анализируются тексты болгарских и сербских проклятий, в которых фигурируют мотивы глаз и зрения. Рассматривается содержание проклятий: какие именно пожелания зла, связанные со зрением, типичны для южных славян. При помощи «зрительного» кода проклинаемому в иносказательной форме (через слепоту и невидимость, многочисленные аллюзии на похоронный обряд) выражается пожелание злой смерти и неблагоприятного пребывания на том свете.

The article analyses the texts of Bulgarian and Serbian curses, which mention the motives of eyes and eyesight. The meaning of curses is explored from the point of views, which particular harm connected with eyesight are typical for the South Slavs. By means of a «visual» code one allegorically (referring to blindness, invisibility, numerous allusions on the funeral ritual) wishes to the cursed one an excruciating death and unhappy being beyond grave.

Ключевые слова: этнолингвистика, фольклор, проклятия, народная аксиология, логические пропозиции, глаза, зрение.

Проклятия представляют собой особый жанр ритуальной речи, имеющий четкую цель: призвать на адресата различные несчастья, болезни или даже смерть. Хотя по своей интенции проклятие противоположно пожеланию добра, т.е. благопожеланию, по форме и по тематике они нередко весьма схожи. К проклятиям близки по форме формулы божбы, в которых говорящий призывает зло на самого себя, чтобы заставить других ему поверить, т.е. он заявляет о своей готовности подвергнуться каре (несчастью, болезни, смерти), если он лжет или же нарушит обещание. Однако если в проклятиях выражается не только пожелание зла, но и негативное отношение говорящего к адресату или его действиям, то в «самопроклятиях» призывание зла никак не связано с эмоциональной оценкой, оно служит лишь средством доказательства правоты. В текстах проклятий две упомянутые составляющие могут присутствовать в различной степени: иногда призывание несчастья отходит на второй план, нивелируется, главным становится выражение негативного отношения к адресату, тогда проклятия приближаются по жанру к брани, злословию [1. С. 226]. Не случайно в славянских языках слова, производные от праслав. **kletī*, используемые для номинации данного вида ритуальной речи, имеют оба значения – и ‘проклинать, желать зла, предавать анафеме’, и ‘ругать, сквернословить’: болг. *кълнѝ* ‘клясть’, болг. диал. *кълна* ‘проклинать’, рус. диал. *клясть, клянѹ* ‘ругать, бранить’ (пск., твер., арх. и др.), укр. *клясти́, клянѹ* ‘прокли-

нать’, ‘поносить, ругать’, словен. *klêbta* ‘проклятие, ругательство’ [2. С. 37–39]. С другой стороны, лексика этого же гнезда может обозначать и клятву, присягу, и проклятие, заклинание. Ср. праслав. **klętvā*: болг. *klētvā* ‘проклятие’ и ‘клятва’, макед. *клетва* ‘клятва, присяга’ и ‘проклятие’, сербохорв. *klētvā* ‘проклятие’ и ‘клятва’, польск. *klątwa* ‘проклятие’, ‘клятва’, ‘заклинание’ [2. С. 39].

Жанру проклятий в научной литературе в последнее время уделяется немалое внимание [1; 3–6]. Интерес исследователей вызывают как жанровые особенности и форма проклятий, так и их содержание, т.е. конкретные виды желаемого зла, а также аксиологическая составляющая (система и иерархия ценностей), являющаяся неотъемлемой частью проклятий. В данной статье рассматриваются формулы южнославянских проклятий с мотивом глаз и зрения. Источниками материалов послужили болгарские и сербские сборники проклятий [7–9]¹. Поскольку речь пойдет, прежде всего, о содержательной стороне проклятий (т.е. о тех бедах, которые призываются на проклинаемого), представляется возможным рассматривать тексты проклятий и «самопроклятий» вместе, не разделяя их по жанровому принципу.

Тема глаз и зрения является одной из центральных в текстах проклятий у славян. Например, у русских широко известны такие формулы «самопроклятий», как: *лопни мои глаза, чтоб мне ослепнуть, света Божия не видеть, век света не видеть*; проклятия: *глаза б мои на тебя не глядели* – ср. ниже серб. *не видео те више* (чтобы я тебя больше не видел), причем эта формула может заменяться на *не било те* (чтобы тебя не существовало). У поляков встречаются проклятия *A żebyś oślep! Bogdaj ci ślepie wylazły!* (Чтоб бы ты ослеп! Дай Бог, чтобы у тебя зенки вылезли!) [3. С. 249]. Уже эти примеры дают представление о том, насколько разносторонне тема зрения раскрывается в проклятиях: речь может идти как об утрате зрения, так и о свойстве быть невидимым, т.е. несуществующим.

Прагматический контекст (ситуация) произнесения проклятия, т.е. адресат, адресант, их взаимоотношения, причина, вызвавшая проклятие – все это имеет существенное значение для понимания текстов, которые, как правило, произносятся спонтанно и тесно связаны с конкретными условиями. К сожалению, в сборниках текстов очень редко даются пояснения, касающиеся контекста, хотя в некоторых случаях именно контекст позволяет объяснить, почему глаза (и зрение) становятся объектом проклятия. Например, дополнительный смысл приобретает проклятие, адресованное человеку, обладающему «урочливыми» глазами. *Испраснали ти очитѣ. – Казватъ на тоя, който има лоши очи, за да не урочасва нѣкоя стока или дете* (Чтоб у тебя глаза лопнули. – Говорят тому, у кого «урочливые» глаза, чтобы он не изурочил скотину или ребенка) [7. С. 44]. Пожелание лишиться глаз здесь может трактоваться как способ нейтрализации опасного взгляда, ослепление потенциального носителя опасности. В данном случае проклятие, вероятно, можно поставить в один ряд со словесными формулами-оберегами, которые произносятся для защиты от дурного глаза (ср. вост.-сл. «Соль тебе в очи, камень в зубы»). В большинстве случаев зрение становится объектом проклятия потому, что в традиционной системе ценностей оно занимает особое место среди других чувств человека (ср. русскую поговорку «лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать»), и зрительное восприятие играет важнейшую роль в формировании традиционной картины мира.

Способность видеть и быть видимым является одним из основных признаков «этого» мира: видимый *этот* свет противопоставляется *тому* свету – миру темноты и слепоты. В болгарском языке ‘белый свет, мир’ называется *бѣло видело*, т.е. мир – это то, что можно *увидеть* с помощью человеческого зрения. И наоборот, тот свет обозначается как *невидѣлица: Невидѣлица да фанеишь!* (Чтобы ты на тот

¹ Выражаю благодарность Л.Н. Виноградовой и И.А. Седаковой за помощь в поисках источников и в переводе трудных диалектных текстов.

свет отправился!) [7. С. 19]. Это пожелание относится к человеку, который уходит далеко или уезжает без спроса, своевольно [10. С. 685]. Зрение становится отличительным признаком живого существа, тогда как слепота, отсутствие зрения – неживого, ср. метафорическое обозначение смерти через слепоту: *зажмурился* ‘умер’, *жмурик* ‘покойник’, а также обычай закрывать покойнику глаза после смерти [11; 12]. О последней слезе, выкатившейся из глаза умершего, в Полесье говорили: «зрение утекло» [13. С. 113]. Представление о мире мертвых как о мире темноты и слепоты, порождает целый ряд верований и обрядовых действий, объясняющихся необходимостью заботиться о зрении покойников на том свете: это опасение засорить глаза предкам, нарушая запреты работать в поминальные дни; обычай сметать с надгробий пыль, чтобы «прочистить глаза» покойникам; обычай делать гроб с прорезанными или нарисованными окошками, чтобы мертвый мог видеть других покойников; обычай зажигать свечи в определенные моменты похоронного и поминального обрядов, чтобы осветить путь мертвым, и др. [14]. Призывая на адресата слепоту или невидимость, проклиная в конечном итоге желает ему смерти. Тема смерти является одной из центральных тем в проклятиях, она может быть выражена или прямо, или иносказательно (метафорически или метонимически), в частности, посредством мотива глаз и зрения.

Если рассматривать проклятия, связанные с темой *глаз и зрения*, то, кроме речевой ситуации, здесь необходимо учитывать еще и ситуацию самого зрительного контакта. При этом пропозиция зрительного контакта, в которой присутствуют субъект зрения (кто смотрит/видит), объект зрения (на кого смотрят/кого видят), инструмент зрения (глаза) и сама способность смотреть/видеть (зрение), включается в речевую ситуацию проклятия, где действуют свои актанты (адресат и адресант проклятия, исполнитель проклятия (Бог), а также сам посылаемый текст – проклятие). При наложении одной логической ситуации на другую, адресант проклятия (объект проклятия) может занимать различные позиции: выступать или в качестве субъекта зрительного контакта, или в качестве его объекта. В проклятиях мы имеем дело, прежде всего, с нарушением зрительного контакта, его невозможностью (в ситуации, когда проклинаяемый выступает в роли субъекта – это слепота, когда в роли объекта – невидимость). Нарушения могут также касаться «инструмента» зрения, т.е. глаз.

Обратимся к модели проклятий, где проклинаяемый (объект речевой ситуации) выступает (реально или потенциально) в качестве **субъекта** ситуации зрения (модель: *чтобы проклинаяемый видел/не видел что-то*). Довольно многочисленны проклятия, в которых говорящий стремится нарушить для проклинаяемого нормальную ситуацию зрения, сделав его физически слепым. Сюда относятся тексты, в которых содержатся пожелания порчи и н с т р у м е н т у зрения (глазам). В них прямо не говорится о слепоте, однако подразумевается, что в результате повреждения глаз зрительный контакт будет затруднен или вообще невозможен. Эти проклятия стоят в ряду других, содержащих пожелание вреда здоровью: различные несчастья должны произойти с теми или иными частями тела (головой, языком, ушами и др.), при этом глазам по сравнению с другими органами и частями тела уделяется особое внимание: перечень несчастий, призываемых на глаза, достаточно широк.

Это могут быть различные болезни глаз: болг. *Бабки да му излѣзатъ на очитѣ!* (Чтоб у него на глазах болячки выскочили!) [7. С. 30], *Пришки на очитѣ да му излѣзатъ!* (Волдыри на глазах чтобы выскочили) [7. С. 38]; серб. *Болка те изѣла, па видело да не видиш...* (Чтоб тебя боль заела, чтоб ты света не видел...) [9. С. 186]. Проклинающий желает, чтобы у адресата глаза вылезли из орбит и стали выпученными, как у жабы: болг. *Да му се опулят очитѣ като на жаба!* [7. С. 32].

Нередко в проклятии содержится пожелание, чтобы глаза проклинаяемого побелели, т.е. чтобы на его глазах появилось бельмо: серб. *Изашла ти бијела на очи*

дабогда! (Бельмо тебе на глаза, дай Бог!) [8. С. 46. № 826]; болг. *Да му обѣлѣятъ очитѣ да даде Господь!* (Да побелеют у него глаза, дай Бог!) [7. С. 6], *Да му побѣлѣятъ и дветѣ очи!* (Да побелеют у него оба глаза!) [7. С. 42], *Очитѣ да ти побѣлѣятъ, да даде Господь!* (Да побелеют твои глаза, дай Бог!) [7. С. 45], *Ти мене зѣби побѣли, а Господь тебе очи!* (Ты мне зубы побели, а Бог тебе глаза!) [7. С. 46], *Побѣлѣла ти е косата, ама и очитѣ да ти побѣлѣятъ, да даде Господь!* (Чтобы волосы твои побелели, пусть и глаза твои побелеют, дай-то Бог!) [7. С. 45].

Окказионально встречаются проклятия, в которых желается, чтобы глаза посинели: болг. *Да му посинѣятъ очитѣ!* (Чтоб глаза у него посинели!) [7 С. 6], *Синь, посинѣли му очитѣ!* (Сын, чтобы посинели у него глаза!) [7. С. 23]. Причем такие проклятия у болгар или адресуются сыну, или произносятся, если речь идет речь о сыне, по принципу созвучия (*сын – синий*). Ср. аналогичный текст, в котором используется тот же прием: болг. *Платно му на очитѣ – така отговаря нѣкой въ случай, ако длѣжника му не му е платилъ що му длѣжи, а нѣкой го запита за този длѣгъ, «плати ли ти?»* (Полотно (погребальное) ему на глаза – так отвечают в том случае, если должник не уплатил то, что должен, а его кто-то спрашивает об этом долге: «Ты заплатил?») (сближение *платно* ‘полотно’ и *платя* ‘платить’) [7. С. 21] (об этом см. в [15. С. 149]). Это явление характерно для жанра проклятий, формирующихся спонтанно в определенной речевой ситуации, когда говорящий находится в состоянии аффекта, или же отвечает на какие-то злоречения в свой адрес.

Во многих проклятиях выражаются пожелания, чтобы глаза адресата были выколоты острыми предметами: болг. *Боцки да го бодатъ по очитѣ му!* (Пусть колючки его колют в глаза!) [7. С. 30], *Търне очитѣ ти извале!* (Пусть тебе терновые колючки выколот глаза!) [7. С. 46], *Драки очитѣ да му издератъ!* (Чтобы ему колючки глаза выцарапали!) [7. С. 42], *Зракалата (очитѣ) да си изваде!* (Чтобы ты сам себе выколол глаза!) [7. С. 43], *Очитѣ ти на вилица да вида да ти ги извадатъ!* (Чтобы я твои глаза на вилке увидел, как их вытащат!) [7. С. 45].

Ущерб глазам может быть причинен и с помощью едких веществ, например, лукового сока – болг. *Лукъ да си маже очитѣ!* (Луком пусть себе мажет глаза!) [7. С. 37], соли – серб. *Ако си ми сол купи́ла, очи да ти се посоле!* (Если ты мне соль купила, пусть у тебя глаза просолятся!), *Ако ми је солат верну́ла, очи да вој се посоле!* (Раз ты мне соль рассыпала, чтобы ею глаза себе посолила!) [9. С. 184]. Упоминание соли («соль тебе в очи») часто встречается в приговорах от дурного глаза у восточных славян, у сербов распространены аналогичные формулы, в которых присутствуют чеснок и лук.

В ряде текстов глаза прокливаемого должны быть повреждены каким-либо животным (обычно кошкой) или птицей (орлом, вороном, сорокой): болг. *Ега мачке очи да ти издери!* (Пусть у него кошки глаза выцарапают!) [7. С. 43], *Орли и гарване очитѣ му да клюватъ!* (Орлы и вороны чтобы ему выклевали глаза!) [7. С. 45], *Сврака очитѣ да му изкъца!* (Да выклюет ему глаза сорока!) [7. С. 46], *Свраки очитѣ ти да изпиятъ!* (Пусть сороки твои глаза выпьют!) [7. С. 46]; серб. *Гавран ти очи извадио дабогда!* (Ворон пусть ему выколет глаза, дай Бог!) [8. С. 27. № 299], *Вране ти очи извадиле (ископале, къуцале)!* (Чтобы тебе вороны глаза выкололи, выклевали!) [8. С. 26. № 270–272], *Гаврани ти очи истерали!* (Чтобы тебе вороны глаза выели!), *Гавран ти очи истресао!* (Пусть ворон тебе глаза выпьет!) [8. С. 27. № 302]. Любопытным представляется шуточный текст, в котором глаза прокливаемого должен выклевать вареный петух: болг. *Варень петель очитѣ да му изкъца!* (Чтобы вареный петух ему выклевал глаза!) [7. С. 31]. Глаза прокливаемого могут уничтожить насекомые: болг. *Оситѣ да му изпиятъ очитѣ!* (Пусть осы выпьют ему глаза!) [7. С. 45]. Очень часто в качестве причинителя вреда глазам выступают змеи: болг. *Ега му змии очи изпиятъ!* (Пусть змеи выпьют ему глаза!) [7. С. 13], серб. *Змија га у очи запунула!* (Чтоб

ему змея в глаза дунула!), *Змија му очи испила!* (Змея бы ему глаза выпила!) [8. С. 44. № 804], *Змија ти очи истерала!* (Змея бы тебе очи выела!), *Боловао девет годиница, кроз кости ти трава изницала, у трави се љуте гује легле, дабогда ти очи извадиле!* (Чтобы ты болел девять лет, сквозь твои кости чтоб трава проросла, в траве чтобы ползали лютые змеи и чтобы они тебе выцарапали глаза!) [8. С. 22. № 172]. Представление о том, что змеи в могиле выпивают глаза покойника, причиняя ему страдания, широко распространено в верованиях и фольклоре южных славян: в северо-западной Болгарии зафиксировано представление о змеях, обитающих в могилах и питающихся плотью, кровью и глазами мертвецов. На юге Болгарии существует представление об особом могильном уже (*гробна змия*). Этот мотив также встречается в болгарских и македонских балладах: змея свивает гнездо в волосах мертвой девушки, пожирает ее лицо и высасывает ее глаза. Сербь верят, что змея выпивает глаза покойнику на третий день после погребения [16. С. 286–287].

В качестве субъектов, вредящих глазам, выступают высшие силы. Это может быть Бог: болг. *Ега го Богъ отъ очи оддѣли!* (Пусть тебя Бог от глаз отделит!) [7. С. 43]; серб. *Бог те очи извадио!* (Бог бы тебе глаза вынул!), *Бог ти очи замаглио!* (Бог пусть тебе глаза затуманит!) [8. С. 21. № 152–153], *Извадио ти Бог очи, да те слепа воде по народу!* (Чтоб тебе Бог глаза вынул и слепую водил среди людей!) [8. С. 46. № 831]. Следует заметить, что обращение к Богу (часто не эксплицированное в тексте) как к исполнителю проклятия очень характерно для данного жанра, не случайно часто тексты сербских проклятий или предваряются или завершаются формулами *да Бог да* (дай Бог). Однако в данном случае Бог фигурирует в ряду других причинителей вреда. Не случайно в одном из встретившихся текстов он «сопоставляется» с вороной: *Бог неје врѝна на да ти одједнуи искѝпа ѝчи* (Бог не ворона, но тебе однажды выколет глаза) [9. С. 185]. В качестве силы, дающей и отнимающей глаза (зрение) упоминается также дьявол: болг. *Отъ гяволо очи да сака и да нѣма да му даде* (У дьявола глаз пусть просит, и чтобы он ему не дал) [7. С. 45]. Причинить ущерб глазам адресата могут также мифологические персонажи, например вилы: болг. *Вили му очи изболи!* (Чтобы вилы ему глаза выкололи!) [7. С. 40].

Особый интерес представляют болгарские тексты, в которых в качестве субъекта, вредящего зрению, упоминается хлеб: *Дано та усляпи хлябанъ, дену гу сжяль* (Чтобы тебя ослепил тот хлеб, который ты ел!) [7. С. 8]. *Да ми хване хлѣбѣть очитѣ!* (Чтобы у меня хлеб выхватил глаза!) [7. С. 31], *Лѣбо да го фане за очитѣ!* (Чтоб хлеб его за глаза схватил!), *Лѣботъ и сольта ми яль, да му фанатъ очитѣ!* (Он ел мой хлеб и соль, пусть у него теперь они выхватят глаза) [7. С. 37]. В данном случае хлеб выступает как некая высшая, сакральная, сила, способная влиять на судьбу человека, к которой обращаются, как к Богу.

В ряде текстов вредящий глазам субъект отсутствует, а в центре внимания оказываются способы повреждения глаз, которые описываются образно и эмоционально: болг. *Очитѣ да му изпрѣснатъ како на пражайка!* (Чтобы у него глаза выскочили из орбит, как во время жарки (как у жареного!)) [7. С. 38], *И, да му испрѣснатъ очитѣ како се ококотилъ!* (Чтобы у него глаза вылезли из орбит, как он вытарачился!) [7. С. 43], *Очитѣ на тило да му стоять!* (Чтобы ему вывернуло глаза на затылок!) [7. С. 55]. Ср. рус. диал. фразеологизм *на леву сторону глаза выворачивать*, означающий смерть [12. С. 60].

Особо стоит отметить, что довольно часто глаза представляются жидкой субстанцией, они могут «вытечь»: болг. *Да му изтекатъ очитѣ!* (Чтоб у него глаза вытекли!) [7. С. 41], *Истекле ти очитѣ!* (Пусть у тебя вытекут глаза!), *Капнали му очитѣ!* (Чтобы у него глаза капля по капле вытекли!) [7. С. 44]. Глаза «выпивают», «высасывают» птицы, осы, змеи: болг. *Змии ти очитѣ изпили!* (Пусть змеи твои глаза выпьют!) [7. С. 15]. Представление о жидкой природе глаз находит

подтверждение в легендах о змее и солнце у южных славян: болгары рассказывают, что змея высосала один или несколько глаз солнцу, которое некогда имело два (или множество) глаз. В Босанской Краине и Лике выпитое змеей солнце, которое иногда зимой можно увидеть сквозь облака, называется «слепым солнцем» [16. С. 283].

В некоторых случаях для усиления эффекта проклятия подчеркивается, что адресат должен лишиться обоих глаз: болг. *Да ви изпаднатъ и дветѣ (очи) на и двойца!* (Чтоб у вас оба глаза вывалились у обоих!) [7. С. 41], *Да му изпръснатъ и дветѣ очи!* (Чтоб у него оба глаза из орбит вылезли!) [7. С. 41], *Око да не би ви останало!* (Чтобы у вас и глаза не осталось!) [7. С. 44]. В сербском тексте «бож-бы»: *Два ми ока у глави!* (Два глаза у меня в голове!) [8. С. 34. № 518]. Двойственность в данном случае получает особую смысловую нагрузку: она как бы вдвое утяжеляет проклятие, делая его более грозным и страшным.

В ряде текстов не уточняется, каким образом проклинаяемый должен лишиться глаз, смысловой акцент ставится на самом факте потери органа зрения: болг. *Очитѣ да си извади, та безъ очи да киниса!* (Пусть себе глаза выцарапает и в дальний путь отправится!) [7. С. 45], *Да му изпръснатъ очитѣ!* (Пусть у него глаза из орбит выйдут!) [7. С. 41], *Очи да нѣмашиъ, па да не гледашиъ!* (Чтобы у тебя не было глаз, и чтобы ты не смотрел!), *Очи да нѣмаши, да даде Господь!* (когато нѣкой поиска отъ нѣкого нѣцо и той му каже «нѣмамъ») (Чтобы у тебя глаз не было, дай Бог! – говорится, когда кто-то просит чего-либо, а ему отвечают «у меня нет»), *Да нѣма очи у главата!* (Пусть у него не будет глаз в голове!) [7. С. 42], *За очи да плачешъ!* (Чтобы ты по глазам плакал!) [7. С. 43]; серб. *Дабогда ми очи испале ако те лажем!* (Дай Бог чтобы у меня глаза вывалились, если я тебе лгу!) [8. С. 32. № 449], *Без очи да одиш (останеш)! (Чтобы ты без глаз остался!*) [9. С. 185].

Если глаза повреждены, человек слепнет, и в ряде текстов смысловой акцент ставится именно на слепоте как результате повреждения глаз: серб. *Ако не дојдеш, слеп по свет да одиш* (Если ты не придешь, будешь слепым по миру ходить) [9. С. 185], *Без очи да остане, па по свет ћорав да оди; ћорав по свет да оди и да не знаје куде иде (отац сину)* (Да останешься без глаз, ходишь по свету незрячий, невидящий по свету ходишь и чтоб не знал, куда идешь) [9. С. 186], *Сам ћи ја отрула да не видим видело. А ако несъм, ти да га не видиш што ме клеветиш* (Если я отравила, чтоб мне света не видеть. А если не я, то чтоб тебе его не видеть за то, что клеветишь на меня) [9. С. 185]; болг. *Слѣтъ и кьоравъ да оди по царева земля* (Пусть ходит слепой и незрячий по царской земле), *Слѣтъ да киниса* (Пусть слепым в дальний путь отправляется), *Слѣтъ да ослѣтне* (Слепой, да ослепнет). *Слѣтчо, ослѣтнѣлъ, та не гледалъ* (Слепец, пусть ослепнет и не видит) [7. С. 46]. Интересный случай, демонстрирующий народные представления о различиях в способности «видеть» и «смотреть», дает следующее проклятие: серб. *Гледао, а ништа не видео дабогда!* (Чтобы ты смотрел, а ничего не видел, дай Бог!) [8. С. 27], т.е. человек смотрящий, формально не слепой, может чего-то не видеть, обычно очень важного.

Пожелания человеку слепоты тесно связано с пожеланием ему смерти. Не случайно в текстах часто встречаются многочисленные аллюзии на похоронный обряд. Идея смерти может метонимически передаваться посредством упоминания фрагмента похоронного обряда, в котором покойника погребают и засыпают могилу землей: болг. *Лопата очитѣ да те зарие!* (Да зарое лопата тебе глаза!) [7. С. 15]. Также встречаются аллюзии на обычай во время похорон бросать горсть земли в могилу: болг. *Да даде Господь единъ часъ по-скоро да ти хвърля една ржка земля на очитѣ!* (Пусть Господь Бог даст, чтобы я бросил тебе пригоршню земли на глаза!) [7. С. 5]. Эти действия переосмысляются как закрывание, засыпание землей глаз умершего. У всех славян существуют поверья, что открытые глаза

покойника представляют опасность для живых: считается, что он «высматривает» следующего мертвеца. Во многих славянских традициях существовал обычай закрывать глаза умершего монетами [13. С. 113]. Характерным в этом смысле представляется проклятие: болг. *Да те видя облѣщенъ (умрѣль съ несклопени очи!)* (Чтобы я тебя увидел с выпученными глазами после смерти, чтобы ты умер с незакрытыми глазами!) [7. С. 9], которое формально относится к другому типу текстов, который будет рассматриваться ниже.

Пожелание слепоты в проклятиях может осмысляться не только как метафорическое призывание смерти на адресата (не видеть белого света = не существовать на свете), но и как пожелание плохой доли на том свете. Так, в статье о глазах и зрении покойников, Н.И. Толстой приводит болгарское проклятие *Да му се не види!* (Чтобы ему не виделось!), объясняя его как пожелание, чтобы адресат ничего не видел на том свете (среди других проклятий на тему неблагоприятного пребывания на том свете) [14. С. 205]. К аллюзиям на тему смерти также можно отнести и пожелания, чтобы глаза адресата выклевали птицы или высосали змеи. Причем в том случае, когда речь идет о птицах, имеется в виду «злая», «не своя» смерть, так как птицы выклевают глаза мертвецам, оставшимся без погребения. Выпивание, высасывание глаз змеями также может свидетельствовать о том, что в проклятиях данного типа речь идет именно о пожелании адресату тяжелой и мучительной участи после смерти.

В целом ряде текстов проклятий, помимо абстрактного пожелания «не видеть» «быть слепым», часто уточняется, чего именно проклинаемый не должен видеть. То есть акцент смещается именно на объект зрения. И в болгарских, и в сербских текстах наиболее типичным является пожелание не видеть «белого дня», «белого света» (т.е. вообще всего, что есть на свете), что может восприниматься как буквально – «чтобы он ослеп и ничего не видел», так и в переносном смысле – «чтобы его не существовало на этом свете, чтобы он умер»: болг. *Дано бѣль день не видишь!* (Чтоб ты белого дня не увидел! – здесь *белый* может означать также «счастливый»), *Да не видишь бѣло видѣло* (Чтобы ты не видел белого света!) [7. С. 50], *Ега бѣль день да не видишь!* (Чтобы ты белого (доброего, счастливого) дня не увидел!) [7. С. 51], *Въ тевница да изгние и бѣль свѣтъ да не види!* (Чтобы он в тюрьме сгнил и белого света не увидел!) [7. С. 57]; серб. *Ако лъжеш, да Бог даде, видело да не видиш!* (Если ты лжешь, дай Бог, чтобы ты света не видел!) [9. С. 184], *Жив био, а бело видело да не видиш на свету!* (Чтобы ты был жив, а белого света чтобы в мире не видел!) [8. С. 41. № 695]. Одним из сильнейших проклятий, в которых на адресата призывается слепота, незрячесть, можно считать пожелание не видеть самого себя: болг. *Ега се не видишь!* (Чтоб ты себя не увидел!) [7. С. 14], *Ай да се не видѣше макаръ!* (Чтоб ты (даже) и себя не видел!) [7. С. 47]. Данное пожелание также может трактоваться и как пожелание смерти: «чтобы ты себя не видел» = «чтобы тебя не существовало на свете».

Однако пожелание «не видеть» чего-либо очень часто выступает в проклятиях в переносном смысле. При этом глагол *видеть* (*не видеть*) может иметь с о б ы т и й н о е значение: предполагается, что адресат проклятия не должен видеть (= иметь, испытать, пережить) в жизни ничего хорошего (радости, удачи, блага, счастья и др.), а будет видеть только несчастья. Причем это могут быть как абстрактные пожелания «не видеть никакого добра», так и конкретные перечисления, чего именно адресат не должен видеть. Перечень объектов, которые не должен или, наоборот, должен видеть адресат проклятия, дает представление о традиционной системе и иерархии ценностей.

Так, проклинаемый не должен видеть абстрактного благополучия: (счастья, радости, добра): болг. *Ега да не видишь радость до вѣка!* (Не видеть тебе радости до века!) [7. С. 51], *Зло да виде, а добро никогашъ!* (Пусть ты видишь зло, а добро никогда!) [7. С. 52], *Да се не види намѣрата му!* (Чтоб он радости не увидел!) [7.

С. 51], *Его никъга аирь да невидишь!* (Никакого благополучия (удачи, счастья) да не видишь!) [7. С. 52]; серб. *Аира не виедео дабогда!* (Чтоб никогда удачи (счастья) не видал!) [8. С. 17. № 5].

Адресат проклятия не должен видеть родного дома: серб. *Ако теи слагао, не видео своју кућу!* (Если я тебе солгал, да не увижу своего дома!) [8. С. 17. № 18]. Не должен видеть семьи и детей: болг. *Дано авлять (челядь) ни видишь!* (Да не видишь детей!), *Дано не види челедь!* (Пусть ты не увидишь детей!) [7. С. 50]. Пожелание не увидеть своих детей также может трактоваться во временном смысле: 'чтобы ты остался бездетным, умер, не дождавшись потомства', так же и о доме – 'чтоб у тебя своего дома не было'.

Отдых также входит в перечень того, чего должен лишиться адресат проклятия: болг. *Одморь никога да не виде!* (Отдыха чтобы ты никогда не видал!) [7. С. 38]. При этом его работа представляется напрасной, не приносящей материальных благ и счастья: *Аирь от имане да не видишь!* (Благополучия от имущества чтобы ты не видал!) [7. С. 59].

В проклятиях подчеркивается, что адресат не должен видеть здоровья: болг. *Животъ и здраве да не видишь никогашь!* (Жизни и здоровья да не видишь никогда!) [7. С. 52]. Среди прочих недугов, речь может идти и о глазных болезнях: болг. *Аирь да не види ни отъ глава, ни от очи!* (Чтобы не было тебе благополучия ни голове ни глазам!), *Аирь да не види одъ очитѣ и одъ здравето, да не кье да Бокъ!* (Чтоб не видал удачи ни от глаз, ни от здоровья, чтоб дал Бог!) [7. С. 47].

Проклинаемый не должен увидеть духовных благ и после смерти: болг. *Рай да не виде!* (Чтобы он рая не увидел!) [7. С. 29].

Пожелание «не увидеть» чего-либо также может иметь в р е м е н н о й с м ы с л : 'не дожидаться, не дожить до чего либо, умереть раньше означенного срока'. Например, это может быть определенная временная точка (Рождество, свадьба), или целый отрезок времени – старость (которая часто обозначается метонимически через седину) и др.: болг. *Божикъ да не види!* (Чтобы ты не увидел Рождества!) [7. С. 2], *Вѣнчило да не видишь (да не дочекашь)!* (Чтобы ты не увидел (не дождался) брака!) [7. С. 3], *Бѣла коса дано не видишь!* (Чтобы ты не увидел седины!) [7. С. 2]. Ср. распространенные в календарном фольклоре благопожелания, произносимые на Пасху или Рождество, в которых адресату желают дожить до этой же календарной точки в следующем году. Временное значение можно предположить и у проклятия, содержащего угрозу не увидеть потомства: умереть молодым, не дождавшись детей: болг. *Дано явякъ (авлетъ, челядь) нж вигъжтъ!* (Чтобы они детей не увидели!) [7. С. 8]; серб. *Ако те слагао, децу не видео дабогда!* (Если я тебе солгал, дай Бог чтобы я детей не увидел!) [8. С. 17. № 25]. Если проклятия, в которых доминирует событийный аспект, можно охарактеризовать как пожелание проклинаемому трудной, тяжелой, безрадостной жизни, то проклятия, где на первое место выходит темпоральное значение, относятся к пожеланиям скорой (а также зачастую и «злой», «не своей») смерти.

Другая основная модель, по которой строятся проклятия, связанные с темой зрения, представлена текстами, в которых адресат проклятия находится в роли **объекта** зрения (модель: *чтобы проклинаемого (кто) видел/не видел (каким)*). При этом субъект (тот, кто видит) порой становится значимым, а порой или отсутствует, или в роли субъекта может быть кто угодно (все, кто ни посмотрит).

Целый ряд текстов построен на пожелании адресату невидимости. В случае, когда желается, чтобы проклинаемого не видели, так же как и в ситуации пожелания слепоты, можно говорить о нарушении ситуации зрения. Только в данном случае адресат проклятия находится не в роли «невидящего» субъекта, а в роли «невидимого» объекта.

Адресату проклятия желают, чтобы его не видели Бог и все люди: серб. *Бог те не видео!* (Чтобы тебя Бог не видал!) [8. С. 21. № 128], *Ако те Бог није видео*

како треба, ни људи те не видели! (Если Бог тебя не видел как подобает, то и люди чтоб тебя не видели!) [8. С. 17. № 24]. Проклинаемого не должна видеть его родная мать: болг. *Да та не види хубавата маќа!* (Чтобы тебя твоя хорошая мать не увидела!) [7. С. 51], в конце концов, он и сам не должен себя видеть (эти тексты приводились выше, когда шла речь о слепоте). Ср. на русском севере распространенный вид порчи, при котором колдун делает невидимым человека или скотину.

Проклинающий желает самому себе не видеть адресата проклятия, хочет, чтобы он исчез с его глаз: серб. *Богаљу богаљести не видео те више!* (Урод покалеченный, чтобы я больше тебя не видел!) [8. С. 22. № 161]. Причем такая формула часто приравнивается к пожеланию, чтобы адресата проклятия не существовало на свете (чтобы он умер): серб. *Не било те више: Божју слепче не било те!* (Божий слепец, чтобы тебя не было!) [8. С. 22. № 170]; болг. *Да се витоса, да не види (џа човѣкъ, когото не искаме да видимъ)!* (Чтобы ты свился, чтобы тебя не было видно (исчез из поля моего зрения!)) [7. С. 10].

Особый интерес представляют тексты, в которых адресату желают, чтобы его не видели небесные светила (солнце и луна): болг. *Да го не види ни слънце, ни месечина!* (Пусть его не видит ни солнце, ни луна!) [7. С. 4], *Да не те види слънце и месечина!* (на товога, който нее е гледалъ добре това, џо е билъ длъжень да пази) (Чтобы тебя ни солнце, ни месяц не видели! – говорят тому, кто плохо охранял то, что должен был охранять), *Дано та не видя слънчувата маќа, маќаръ!* (Чтобы тебя не увидела солнечная мать) [7. С. 8]. Подобные проклятия также можно считать иносказательным пожеланием смерти адресату: чтобы его не существовало ни днем, ни ночью, т.е. никогда. Упоминание луны и солнца в данном контексте можно трактовать как фольклорную формулу невозможного. Как зеркальный вариант проклятия «Чтобы ему света белого не видеть», можно привести текст, в котором свет не видит адресата проклятия: серб. *Ало црна земља да се отвори па да пропаднеш у њу, да те свѣт не гледа!* (Пусть черная земля растворится и ты провалишься в нее, чтобы тебя свет не видел!) [9. С. 184]. Вообще для ситуации зрения характерно смешение субъектно-объектных отношений, при которых слепота и невидимость могут оказываться в отношениях культурной синонимии. Ср. рус. диал. *тѣмный* в значении ‘слепой’ и *слепой* (текст) – ‘плохо видимый, который с трудом можно прочесть’.

В ряде текстов субъект зрения отсутствует, или может быть любым (все, кто угодно): болг. *Дано та нишу нж виги!* (Чтобы тебя ничто не увидело!) [7. С. 8], *Да иде да се не види!* (Пусть уходит, чтоб его не видели!) [7. С. 7], *Да се не види, да не би се видѣлъ!* (Чтоб его не видели, чтобы он был невидим!). В некоторых случаях пожелание, чтобы проклинаемого не видели, усиливается пожеланием, чтобы его также и не слышали: болг. *Да се не чуяшь, не видишь!* (Чтобы тебя и не слышали и не видели!) [7. С. 10]. А в ряде текстов адресату желается, чтобы его слышали, но не видели: болг. *Чуль, та се не видѣлъ!* (Чтобы тебя слышали, но не видели!) [7. С. 25], *Да се чуешъ, та да не се видишь!* (Чтобы тебя слышали, но не видели!) [7. С. 9]. Интересно, что свойство быть слышимыми, но невидимыми приписывается в народных верованиях многим демонам, так как зрительная граница между «тем» и «этим» светом представляется менее проницаемой, чем слуховая [17. С. 110].

В другой группе проклятий проклинаемому, напротив, желают, чтобы его видели (или сам произносящий проклятие или другие люди, кто угодно), при этом указывается, в каком состоянии, каким его должны видеть. В этом случае глагол *видеть* употребляется в переносном значении: ‘видеть кого-либо каким-то’ фактически означает пожелание, чтобы адресат ‘был каким-то’. Этот тип проклятий зеркально соответствует типу, в котором адресат проклятия выступает в роли активного субъекта зрения (событийный аспект). Перечень состояний, в

которых должен находиться проклинаемый, также как и перечисление объектов, которые он не должен видеть, дает представление о традиционной народной аксиологии.

Проклинающий желает, чтобы адресата проклятия видели слепым (без глаз): серб. *Ако није истина, да Бог да, да те гледам без очи!* (Если это ложь, дай Бог, чтобы я увидел тебя без глаз!) [8. С. 17. № 14]. По содержанию это пожелание совпадает с пожеланием адресату ослепнуть, однако по форме адресат выступает здесь в качестве объекта зрения (произносящий проклятие в данном случае выступает в качестве субъекта зрения).

Адресату проклятия желают, чтобы его видели нищим: болг. *Да те видамь да пропиташи со клениче на мостотъ!* (Чтобы я тебя увидел, как ты питаешься щепкой на мосту!), *Да те видамь на църковенски патъ да седиши, да питаши!* (Чтоб ты на церковном пути сидел да милостыню просил!) [7. С. 61], *Ега те вида голъ и босъ да одиши!* (Чтобы я видел, как ты голым и босым ходишь!) [7. С. 62], *На църквата предъ вратата да те вида!* (Чтобы тебя видел на церковной паперти!) [7. С. 63], *Да те вида голъ и босъ да оиши, Господи!* (Чтобы я увидел, как ты ходишь голым и босым, Господи!), *Да те вида да запросиши, да даде Господъ!* (Дай Боже, чтобы я увидел, как ты будешь просить милостыню!) [7. С. 61].

Кроме призывания на адресата тяжелой и трудной жизни, в данном типе проклятий также встречаются пожелания смерти (причем часто «злой», «не своей»), например, мучительной смерти через повешение: болг. *На ченгелъ да те видамь да висиши!* (Чтобы я увидел, как ты висишь на крючке!) [7. С. 19], *Да го видя на вѣжето!* (Чтобы я его увидел на веревке!) [7. С. 4], *На вешало да го видамь!* (Чтобы я его увидел на виселице!) [7. С. 18], *Да те видя да те обесаи на моста!* (Чтобы я увидел, как тебя повесят на мосту!) [7. С. 9]. Мост как особый локус играет очень важную роль в традиционной культуре мира южных славян: это место обитания нечистой силы. Ср. болгарское проклятие: *Водили те гяволи под мосто!* (Чтобы тебя дьяволы под мостом водили!) [18. С. 304; 19. С. 568]. Адресату проклятия желается, чтобы его видели посаженным на кол: *Да го видя на колъ!* (Чтобы я его увидел на колу!) [7. С. 4], *На колъ да те видамь!* (Чтобы я тебя увидел на колу!) [7. С. 18], *Да ти понесатъ главата на колець, да видя!* (Чтобы твою голову понесли на колу!) [7. С. 12], *Нагоре нозитѣ, доле главата да му видамь!* (Чтобы я его увидел вверх ногами!) [7. С. 18].

Иногда акцент ставится на самом факте смерти, при этом способ умерщвления не уточняется: болг. *Мъртавъ да го видам!* (Чтобы я его увидел мертвым!), *Мъртавъ и студень да те видя!* (Чтобы я тебя увидел мертвым и окоченевшим!) [7. С. 18], *Дасе озѣбиши, да те видя!* (Чтобы я увидел, как ты околешь) [7. С. 11]. Часто пожелания смерти высказываются в проклятиях не напрямую, а иносказательно, метафорически, через эвфемизмы: *Да те видя на дървень конь!* (Чтобы я тебя увидел на деревянном коне!) [7. С. 9], т.е. в гробу, *Подъ платно да те погледна!* (Чтобы я тебя под полотном увидел!) – аллюзия на похоронный обряд (тело умершего покрывают полотном), *Пространъ да го видя!* (Чтобы я тебя увидел распростертым!) [7. С. 21]. Представление о умирании, как о вытягивании тела, находит подтверждение в славянской фразеологии: ср. рус. диал. *протянуть ноги* [12].

Таким образом, актуальность темы *глаз* и *зрения* в проклятиях обусловлена, с одной стороны, особой ролью зрения в традиционной народной аксиологии: клянутся обычно самым дорогим; проклиная, желают лишить проклинаемого того, что для него наиболее ценно. Причем зрение можно считать не только витальной ценностью (относящейся к сфере здоровья человека), но также социальной (человек, лишенный зрения, беспомощен, изолирован от общества) и духовной (слепота может пониматься в широком смысле как слепота духовная). Часто в

текстах проклятий слепота (лишение зрения) и невидимость метафорически или метонимически означают смерть, т.е. пожелание слепоты или невидимости может в некоторых случаях трактоваться как призывание смерти на адресата. Тема смерти является одной из ключевых тем в проклятиях. Она выражается различными кодами, в том числе «зрительным». Пожелание быть невидимым (как и пожелание ослепнуть, не видеть) часто является или прямым, или завуалированным пожеланием смерти адресату проклятия. Следуя за логикой ситуации зрения, адресат проклятия может выступать либо в роли активного субъекта, либо в роли пассивного объекта зрения (при этом субъектные и объектные конструкции часто зеркально повторяют друг друга, выступая в отношениях синонимии, передавая одно и то же значение различными способами). Часто проклятие действует таким образом, что ситуация зрительного контакта нарушается, становится невозможной. И в том и в другом случае одна и та же идея (пожелание смерти адресату) может выражаться различными логическими способами. С другой стороны, появление мотива зрения в рамках данного жанра обусловлено наличием у глагола *видеть* кроме прямого, «визуального», переносных значений: он может передавать ментальные состояния человека. Так пожелание *не увидеть чего-либо* может означать ‘не узнать’, ‘не почувствовать’, ‘не дожидаться (не пережить, не дожить; чтобы этого не случилось, не было)’, а *увидеть кого-либо в каком-либо состоянии* может означать, что объект ‘находится в каком-либо состоянии’. При этом желаемое преподносится как четкая визуализируемая картинка, свершившийся факт, что также поддерживается логикой жанра проклятия – произнесенное «злопожелание» играет магическую роль, оно должно исполниться и описывается как уже исполненное в воображении адресанта проклятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Седакова И.А.* Проклятие в народных болгарских песнях: Этнолингвистика и фольклорная поэтика // Славянский и балканский фольклор. Винограде. М., 2011. Вып. 11.
2. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1983. Вып. 10.
3. *Engelking A.* Kłątwa. Rzecz o ludowej magii słowa. Warszawa, 2000.
4. *Виноградова Л.Н.* Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст: Генезис и структура. М., 2005.
5. *Виноградова Л.Н.* К проблеме типологии и функции магических текстов: Формулы проклятий в народной культуре // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Доклады рос. делегации. М., 2008.
6. *Виноградова Л.Н., Седакова И.А.* Проклятие // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4.
7. *Дабева М.* Български народни клетви. Принос към изучаването на народната душа и народния живот. София, 1934.
8. *Марковић Р.* Српске народне клетве и заклетве. Београд, 2000.
9. *Златковић Д.* Фразеологија страха и наде у пиротском говору // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1989. № XXXV.
10. Фразеологичен речник на българския език. Т. 1–2. София, 1974. Т. 1.
11. *Толстая С.М.* Славянские народные представления о смерти в зеркале фразеологии // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
12. *Толстая С.М.* Смерть // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2012. Т. 5.
13. *Толстая С.М.* Покойник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4.
14. *Толстой Н.И.* Глаза и зрение покойников // Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
15. *Седакова И.А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар: Родинный текст. М., 2007.
16. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
17. *Ясинская М.В.* Визуализация невидимого: способы контакта с иным миром // Славянский и балканский фольклор. Винограде. М., 2011. Вып. 11.
18. *Виноградова Л.Н.* Мост // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3.
19. Българско народно творчество. София, 1963. Т. 12. Пословици, поговорки, гатанки.

© 2013 г. А.Л. ХОРОШКЕВИЧ

ВОЙНА 1812 ГОДА И ИДЕЯ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА

Статья посвящена изменениям в представлениях о славянстве после завершения наполеоновских войн в Европе. Рассмотрен процесс возникновения движений за возрождение национального языка и культуры у славянских народов и распространения идеи славянского единства.

The article is devoted to shifts, which occurred in the concepts of Slavic peoples after the end of the Napoleonic wars in Europe. It considers the birth of the movements for the revivification of national languages and cultures among Slavic folks and widespread of the idea of Slavic unity.

Ключевые слова: славянское возрождение, 1812 год, славянское единство, панславизм.

Победа российского войска, народа, Российской империи над Наполеоном – величайшее событие не только в истории России и русского народа, но и в мировой истории, прежде всего Европы. Война, как известно, разделилась на два периода – освободительный и европейский (европейский поход русской армии). Из школьных учебников всем хорошо известно, что после завершения войны в 1815 г. произошло позорное превращение России в «жандарма Европы». Но картина совсем не так однозначна.

Прежде всего победа России в войне с Наполеоном изменила представления о славянстве. Уже в 1818 г. А.Ф. Воейков так характеризовал «другие времена», современные ему: «Друг добродетели, победы, славы, / Смиранный церкви сын, / Полувселенной повелитель, / Вселенный освободитель, / Свое достоинство извдал Славянин!» [1. С. 267–268].

В пределах «вселенной», освобожденной российским войском, находились другие славянские народы: прежде всего польский, еще не забывший о прежней государственности Речи Посполитой, потерянной в результате трех ее разделов в конце XVIII в., в пределах которой и формировались народы и нации поляков, украинцев и белорусов. Не имели собственной государственности и западные славяне – чехи, словаки, словенцы, жившие в составе Габсбургской империи, носившей тогда название Священной Римской империи германской нации. Все они подвергались онемечиванию, и вопрос о языке и национальной культуре для них стоял очень остро. В несколько иной, но в целом сходной ситуации в Османской империи пребывали сербы и болгары, непосредственно не испытавшие воздействия наполеоновских войн. Результатом же русско-турецких войн XVIII в. стало бегство болгар из родных мест в соседние регионы Российской империи.

Хорошкевич Анна Леонидовна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Начнем с деятелей Чешского национального возрождения, новая оценка славянства которыми приближалась к цитированной выше мысли Воейкова. В конце XVIII в. – в начале XIX в. в пределах Габсбургской империи на территории Чехии возникло национальное движение за возрождение чешского языка и славянской культуры, быстро формировалась идея «общеславянского единства», которая впервые еще намеком прозвучала в 1614 г. у хорвата Ю. Бараковича [2]. Корни этой идеи эпохи славянского возрождения восходят к Средневековью, когда церковные организации православных славян уже четко понимали, что главным их оплотом может быть государь или великий князь всея Руси и его преемник – царь России [3]¹.

Словацкий пастор и знаменитый поэт, писавший, правда, на чешском языке, Ян Коллар (1793–1829) считал, что славяне «заслуживают, чтобы определили и описали их жизнь, характер и свойства, причем как хорошие, так и плохие». Честь победы над Наполеоном Коллар приписывал русскому солдату, которого и прославлял как «казны хранителя» в 61-м сонете четвертой песни сборника «Дочь славы»: «Твой дух могучий, твои в беде не дрогнувшие плечи!» [5. С. 189]. Та же идея пронизывает другое стихотворение, в котором он описывал наводнение в Старых Шалеровцах 24 января 1799 г. «На помощь! – крик несется к небесам. Но нет нигде поблизости спасенья. Оно приходит из России к нам [...] Три казака, заслышав крик вдали, спустили в воду челн без промедленья и полтораста человек спасли». В 137-м сонете Ян Коллар даже пожар Москвы истолковывал как знак, «чтобы ясней вселенная (опять “вселенная”!) прочла историю мою (т.е. столицу. – А.Х.) при этом свете и знала, чем для Руси я была и каковы мои родные дети!» [5. С. 109]. Он писал, подобно А.С. Пушкину: «Москва горящая! Для нас ты символом победы стала!» [5. С. 203].

Победоносная для России война казалось бы подкрепила пророчество немецкого философа И.Г. Гердера о возрождении величия и единства славянского мира, которое нашло отклик прежде всего в Богемии. По словам чешского ученого-филолога Йозефа Юнгмана (1773–1847), наиболее активная деятельность которого приходится на первую половину XIX в., победа над Наполеоном «возвысила славянский мир и окажет немалое воздействие на развитие и совершенствование русских [...] теперь ясно также, что музы обоснуют свою резиденцию на севере» (цит. по [6. С. 38]). Юнгманну вторил И.А. Марек: «Там на Востоке дух Славии веет [...] Там славянам открыты горизонты» (цит. по [6. С. 42]). Симпатии к России испытывал и такой деятель Чешского национального возрождения – «будителей», как Вацлав Ганка (1791–1861), в 1817 г. подготовивший перевод сербских и двух русских народных песен. Любовь Ганки к собственной родине была столь велика, что подвигла его, ученика великого основателя славянской филологии Йозефа Добровского, на создание якобы древних – так называемых Краледворской и Зеленогорской рукописей². Особенно плодотворен был Франтишек Ладислав Челаковский (1799–1852). В 1822–1827 гг. он подготовил публикацию «Славянские национальные песни», куда наряду с чешскими, словацкими, польскими, сербскими, болгарскими и другими включил русские и украинские. А в 1829 г. он создал цикл «Отзвук русских песен» по мотивам былии о русских богатырях. В последний год жизни – в 1851 г. – Челаковский успел издать сборник «Мудрости славянских народов в пословицах».

При этом симпатии чешских будителей к России сочетались с идеей славянского единства, будущей «Всеславии», которая особенно отчетливо выражена в сборнике «Дочь славы» Яна Коллара, первое издание которого вышло в 1824 г.

¹ В самой России первого царя прославляли как «в благодати всея вселенныя концев возсиявшего» [4. С. 306].

² Точку в долгой истории полемики по поводу подлинности этих произведений поставила Л.П. Лаптева.

Это произведение по праву считается первым манифестом панславизма. 20-й сонет, как показали В.А. Мильчина и А.Л. Осповат, был вскоре переведен на английский, затем на французский и, наконец, с французского – на русский, чтобы быть опубликованным в феврале 1831 г. в № 11 журнала «Телескоп» в следующем виде: «Исполинская дочь Славян, могущественная Россия, когда соединишь ты в одну рукоять эти разметанные ветви одного корня, когда сольешь в один поток эти расплесканные волны одной крови?» [7. С. 101]. Очевидно именно на это Пушкин и ответил «Клеветникам России», заимствовав образ у Коллара: «Славянские ль ручьи сольются в Русском море? / Оно ль иссякнет? Вот вопрос».

Для Яна Коллара сомнений не было. В мечтах поэт видел «Славы храм», возведенный на «дряхлах руинах»: «Страну создайте, слившись воедино [...] Пусть из частей различных будет тело». Границы этого «тела» Коллар раздвигает от Афона и Царьграда не только до Волги, Уральских гор, к Камчатке, но и далее за океан. «Повсюду – наша родина, о братья! [...] где только речь славянская слышна [...] Везде Всеславия, везде она!» [5. С. 113]. Но при этом советовал потомкам: «Но голову (славянское тело. – А.Х.) должно одну иметь» – Россию, на которую он смотрел с большой надеждой.

Общеславянский патриотизм характерен был и для знаменитого филолога Й. Линде, и у него панславизм также сочетался с идеей главенства единственной независимой славянской страны – России. Эти литературная и политическая утопии эпохи романтизма не только родственны, но и происходят из одного корня.

В России идея славянского единства стала известной после поездки в Европу географа, этнографа П.И. Кеппена (1793–1864), выпускника Харьковского, позднее доктора философии Тюбингенского университета, члена-корреспондента Санкт-Петербургской императорской академии наук, который познакомился с Яном Колларом в Пеште 27 мая 1822 г. От автора он и получил сборник «Дочь Славы». Связи с чешскими литераторами поддерживали и другие русские ученые. О.М. Бодянский, с 1837 по 1842 г. находившийся в командировке во многих славянских странах, в 1837 г. стал автором специального исследования «О народной поэзии славянских племен». Ученый уже со студенческих лет особо интересовался словацкой литературой, результатом чего в 1835 г. стала публикация обширной рецензии на сборник Коллара «Светские песни словаков в Венгрии» (1834–1835). Считалось, что Бодянский заразил своим «панславизмом молодую неопытную молодежь». Видимо, не только ему была не чужда идея славянского единства, недаром плодом европейского путешествия П.И. Кеппена оказалось «Собрание словенских памятников, находящихся вне России», книга 1 (она же и последняя), которая была издана в 1827 г. Не исключено, что продолжения не последовало после польского восстания начала 30-х годов XIX в.

Это восстание в какой-то степени уменьшило воздействие войны 1812 г. и направило мысль славянских писателей, ученых и мыслителей по другому руслу.

Под впечатлением этого восстания в 1832 г. замечательный польский поэт Адам Мицкевич (1798–1855) написал третью, можно сказать автобиографическую часть поэмы «Дзяды» (день поминальной памяти усопших). В отличие от своих чешских и словацких современников, имевших чисто романтическое представление о России, он, член Виленского общества любителей науки (филоматов) и филоретов (любителей добродетели), весьма подробно и реалистично рассказал о разгроме этого, казалось бы, совершенно невинного в политическом смысле общества и судьбе его членов, высланных в Россию. Сам Мицкевич находился в заточении с 23 октября 1823 г. до 24 апреля 1824 г. В третьей части «Дзядов», действительно поминальной, как и «Отрывке», созданном несколько позднее, он суммировал свои представления о России, в которой провел пять лет (1824–1829): пустынная, заснувшая под снегом страна, в которой не видно ни людей, ни памятников куль-

туры, открытое пространство не только для морозов и свирепых ветров, но, самое главное, для зла и Сатаны («Дорога в Россию»), со столицей в городе смерти для человека («Петербург»), в городе несвободы, откуда царь, подобный Ироду, сеет неволю по всей Европе («Моим друзьям»).

Однако в это же время прозвучал и голос в защиту России, как великого и могучего государства, каковые якобы только и потребны для развития рода человеческого. Этот голос принадлежал одному из предводителей польского восстания 1830–1831 г. графу Адаму Гуровскому, эмигрировавшему во Францию, но в 1834 г. решившемуся вернуться в Российскую империю, автору брошюры «Правда о России и о восстании в польских провинциях»³. Он утверждал, что едва на исторической сцене появились Россия и Польша, главным стал «единственный вопрос, кому из них суждено стать в главе империи, объединяющей все народы славянские». Именно в этом Гуровский видел источник всех предшествующих войн и утверждал, что «Славония нуждается в единстве, ей потребны одна глава, один дом, одно направление, одна воля» и что де теперь этот вопрос окончательно решен в пользу России. Однако, только для автора брошюры, «который рожден в Польше», значит принадлежит «Славонии. Россия этот мир представляет и воплощает, она его сердце, его душа». С ним не согласился другой российский подданный бывший дипломат князь П.Б. Козловский. В своих замечаниях он прежде всего подверг сомнению само понятие Славонии, которое Гуровский якобы «позаимствовал у господ Рылеева, Пестеля и прочих, которые изобрели союз славянских племен». Козловский подчеркнул и практическую неосуществимость идеи выделения славянских территорий, ссылаясь на опыт внешней политики Петра Великого, отнюдь не ограничивавшегося завоеванием подобных земель. Он попытался опровергнуть утверждение Гуровского относительно подчинения церковной власти светской в России.

Любопытную эволюцию проделал и Мицкевич. В середине 1840-х годов он выступил «пропагандистом», употребляя стандартный термин идеи славянского единства. В «Лекциях по славянской литературе», читанных им в Парижском Коллеж де Франс в 1840–1844 гг., поэт говорил от имени всего славянства – в первую очередь поляков (их он несколько обособлял от других ветвей славянства), русских, чехов, сербов и утверждал, что все они составляют целостное тело, сохраняемое на протяжении веков благодаря языковому единству. И все это несмотря на то, что общеславянский язык, по Мицкевичу, разделился подобно древу с двумя ветвями на язык чехов-лехов (поляков) и Руси. Характерными для всех славян он считал мирный нрав, доброту, мужественность и богобоязненность, свойственные и отдельным представителям данной этнолингвистической христианской общности. Неразвитость языческой мифологии и отсутствие жрецов подготовило славян к легкому принятию христианства, которое, по Мицкевичу, вполне соответствовало их духу: «Это племя религиозное, племя простое, племя доброе и сильное» [9. S. 211]. Этот более взвешенный подход к идее славянского единства прозвучал из уст Мицкевича незадолго до новой волны восстаний в Европе.

На ту же тему несколько раньше, в 1832 г., весьма недвусмысленно высказался будущий (1834–1849) министр просвещения России С.С. Уваров (1786–1855), автор формулы, определенной им самим как «соединение духовное», а на самом деле основы государственной политики России – триединства: «православие, самодержавие, народность», более чем через 150 лет снова востребованного в Российской Федерации.

В панславизме, занесенном от западных славян, грезивших не только о национально-государственном самоопределении, как условия национального возрождения

³ Цитаты из этого произведения, равно как и замечаний П.Б. Козловского приводятся в переводе В.А. Мильчиной, А.Л. Осповата [8].

дения, и в отечественном славянофильстве с его неприятием государственности Уваров увидел угрозу неопределенной «русскости», в понятие которой входили все подданные императора. (Поэтому он и не внял призыву академика М.П. Погодина 1842 г. взять западных славян под покровительство России хотя бы в области национальных культур, науки и просвещения.) Тем более опасными ему показались идеи исторической и культурной самобытности «малороссов». Если «братчики» (члены Кирилло-Мефодиевского братства), по его мнению, стремились к разъединению, то славянство, напротив, жаждет уничтожения «провинциального духа», «слияния всех местных патриотизмов в один общий патриотизм, сосредоточения всех сил в руках одного вождя и в недрах одной Церкви» [9. С. 203]. Страх не заставил Уварова обвинить «малороссов» в природном, исконном сепаратизме, он, украинец по отцу, считал, что его соотечественники стали жертвой «мятежного духа польского». В министерском циркуляре 27 мая 1847 г. были поставлены все точки, в том числе и над одной из составных уваровского триединства: «Народность наша состоит в беспредельной преданности и повиновении самодержавию, а славянство западное не должно возбуждать в нас никакого сочувствия. Оно само по себе. Мы сами по себе. Мы сим торжественно от него отрекаемся» (выделено мной. – А.Х.). Усилия Уварова по обеспечению духовно-политической изоляции страны оказались бесполезны. Доктрина народности, выродившись в монархическую идею, привлекательную для династии и бюрократической элиты, не предотвратила политический кризис конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. Добавим – неплохой урок для современных отечественных политологов и их хозяев...

Подводя итоги рассмотрению вопроса о влиянии войны 1812 г. на формирование идеи панславизма, можно выделить два первых этапа – бурного романтического подъема до 1830–1831 гг. и некоторого отрезвления надежд славянских народов на Россию после польского восстания. Напротив, в России в это время идея панславизма привела к формированию славянофильства, по существу оппозиционного имперской власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Войков А.Ф.* Послание к моему другу-воспитаннику о пользе путешествия по Отечеству // Вестник Европы. 1818. Ч. ХСІХ. № 9.
2. *Одесский М.П., Кацис Л.Ф.* А.С. Пушкин и Я. Коллар. Из комментария к стихотворению «Клеветникам России» // А.С. Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000; *Одесский М.П., Кацис Л.Ф.* Пушкин–Коллар–Мицкевич // Известия АН. Сер. лит. и русск. яз. Т. 58. № 3; *Одесский М.П., Кацис Л.Ф.* Поэтика славянской «взаимности». В.В. Хлебников и В.В. Маяковский. 2003.
3. Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1. № 5, 59, 64. С. 131, 177, 1841. 03–31.05. 1508 г., 1547/1548 гг., 28. 08. 1550.
4. Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29.
5. *Коллар Ян.* Сто сонетов. М., 1973.
6. Очерки истории чешской литературы XIX–XX вв. М., 1963.
7. Телескоп. 1831. № 11.
8. *Гуровский А.* Правда о России и восстании в польских провинциях // [http://lib.pushkinskiy dom.ru](http://lib.pushkinskiydom.ru).
9. *Mickiewicz A.* Literatura słowiańska // *Mickiewicz A.* Dzieła w 16 t. Warszawa, 1955. Т. XI.

© 2013 г. Н.В. ШВЕДОВА

НАПОЛЕОН В СЛОВАЦКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются влияние наполеоновских войн на развитие словацкой литературы и их отражение в поэзии 1820–1840-х годов в сопоставлении с творчеством М.Ю. Лермонтова.

The article examines the influence of the Napoleonic wars on the development of the Slovak literature and their reflexion in the poetry of the 1820s–1840s compared with the work of Mikhail Lermontov.

Ключевые слова: словацкая поэзия, романтизм, Отечественная война 1812 г., образ Наполеона.

Отечественная война 1812 г. оказала решающее влияние прежде всего на славянское самосознание жителей Словакии. По словам Милана Пишута, «победа русского народа над “не знающей поражений” французской армией была предвестником полного падения Наполеона [...] Чешские и словацкие патриоты сразу почувствовали гордость от того, что принадлежат к великой семье славянских народов. Это было поистине событие эпохального значения, которое имело далеко идущее воздействие на развитие словацкой литературы. Открывались новые горизонты и возможности. В Словакии и Чехии поднялась волна оптимизма» [1. S. 207]. После падения Наполеона Австрия, Пруссия и Россия образовали Священный Союз (1815). Сильная позиция России в этом альянсе обещала австрийским славянам благоприятные перспективы в постановке национального вопроса.

О Французской революции и Наполеоне в Словакии говорилось и в конце XVIII в. Евангелистский проповедник в Братиславе Михал Инститорис-Мошовский в своих брошюрах, опубликованных в 1790-е годы, резко выступил как против революции, так и против Наполеона, предсказав его падение. Брошюра, осуждавшая Наполеона, называлась «От Бога сломленная гордыня наших и божьих врагов» (1799). Наполеона как завоевателя осудил и другой словацкий просветитель, Самуэл Чернянский, также священник, подобно большинству словацких интеллигентов того времени.

Один из первых словацких будителей, поэт, издатель и педагог Юрай Палкович живо откликнулся на сопротивление русских войск армии Наполеона. В своем журнале «Týdeník», который начал выходить как раз в 1812 г., Палкович постоянно сообщал о героизме русского оружия и даже пообещал бесплатно послать подписчикам историю Отечественной войны.

События 1812 г. отразились в творчестве Яна Коллара (1793–1852), вписавшего ярчайшую страницу в историю двух литератур, чешской и словацкой, и всего

Шведова Наталия Васильевна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

славянского движения. В словацком литературоведении его поэзию традиционно относят к классицизму с элементами преромантизма. Вторжение Наполеона в Россию совпало с приездом Коллара в Иену, где он учился в университете. Сошлемся опять на М. Пишута: «Восхищение Россией превратилось у Коллара в восхищение всем славянством. Лишь как славянин он мог гордиться победами русского народа, лишь как славянин мог верить, что и его маленький словацкий народ найдет свое место среди других народов» [1. S. 215].

В стихах Коллара особое место занял пожар Москвы. Поэт писал о нем, в частности, в стихотворении «Патриот», запрещенном цензурой и не вошедшем в его первый сборник 1821 г. (оно распространялось в списках). Призывая соплеменников отказаться от «малодушных рыданий» и перейти к действию, к завоеванию национальных свобод, Коллар видит в московском пожаре символический смысл. «Воспламенитесь этим поступком сестринской Москвы, братья, // вот так драгоценный свободы столп там из огня создается», – пишет он в «Патриоте» [2. S. 8]. Тот же мотив использован и в знаменитой «Дочери Славы» Коллара (1824, 1832), причем не один раз. Как и в «Патриоте», Коллар подчеркивает, что пожар бушует в древнем, славном и прекрасном городе. В 137-м сонете (нумерация раздельная в каждой части)¹ поэт обращается к Москве, называя ее «яснолицей матерью», и спрашивает, что побудило ее к такому поступку (второй раз появляется слово «skutek» – ‘поступок’). В достаточно вольном и архаически-возвышенном переводе Николая Берга это звучит так:

Погибли созидания столетий!..
Скажи, зачем ты светоч сей зажгла?
«Чтобы ясней вселенная прочла

историю мою при этом свете
и знала, чем для Руси я была
и каковы мои родные дети!» [3. С. 109]

В более точном по стилю и мысли переводе Сергея Шервинского вопрос передан конкретнее:

Ты ответь, о, с ясным ликом мать,
В чем твое желанье, что за цели
Так тебе внушают поступать? [4. С. 130]

Ответ «Матери-Москвы» процитируем в подстрочном переводе: «Свет слепцам зажечь хотела я» («Světlo slepčům rozžati jsem chtěla») [3. С. 108], – далее перевод Берга близок к подлиннику. Пожар Москвы, по мысли Коллара, осветил величие России, ее значение для славянского мира.

Еще раз московский пожар как символ возникает в четвертой песни «Дочери Славы», «Лета», где рассказывается о славянском рае (сонет 122). У Коллара в райских просторах, где царит «гармония музыкальная», витает и необычайно приятный запах, слаще любых курений и благовоний, причем он наиболее приятен «матери» (т.е. Славе, Славии) и «всем» (разумей: славянам). Это «дым из пылающей // Москвы, проникнув сюда, в кадило // превратился, райское, предушистое». В переводе Наталии Горской, однако, появляется строка, полностью отвечающая представлениям Коллара, но в его тексте отсутствующая.

Вы помните? В ночи бессонной
пылал пожар, и свет не гас,
и дым, святой и благовонный,

¹ Существует два варианта нумерации сонетов «Дочери Славы», число которых достигло 645: сплошная и раздельная. В русском двуязычном издании «Сто сонетов» использован второй вариант.

был слаще мирры и сандала...
Москва горящая! Для нас
ты символом победы стала! [3. С. 203]

Ассоциации священника Коллара в переводе второй половины XX в. были переформулированы. «Райское кадило» заменили слова, выражающие кредо патриота Коллара.

Словацкие романтики, начиная с главы романтического движения Людовита Штура (1815–1856), интересовались фигурой Наполеона как исторического деятеля. Подобно другим поэтам-романтикам, штуровцы высоко оценивали решительность Наполеона, его грандиозные планы, умение достигать своих целей.

В русской поэзии личность Наполеона более других увлекал М.Ю. Лермонтов. Его отношение к французскому императору было неоднозначным. В примечаниях к четырехтомному собранию сочинений Лермонтова (1964) И.Л. Андроников писал: «В стихотворениях “Поле Бородина”, “Два великана”, “Бородино”, в VII строфе поэмы “Сашка” Лермонтов трактует Наполеона как узурпатора, посягнувшего на честь и свободу России; в стихотворениях “Наполеон” (“Где бьет волна о брег высокой...”), “Наполеон (Дума)”, “Эпитафия Наполеона”, “Св. Елена”, “Воздушный корабль”, “Последнее новоселье” поэт изображает величие и падение французского императора, образ которого олицетворяет, в его представлениях, и романтического героя, и наследника французской свободы, завоеванной в 1789 году» [5. С. 603]. У Лермонтова, как мы увидим, немало переключек со словацкими поэтами.

Весьма характерно для понимания отношения к Наполеону стихотворение самого Людовита Штура «Елена», датированное 1842 г. и написанное еще по-чешски, как писали все словацкие евангелисты до штуровской языковой реформы (1843)². Название связано с островом Св. Елены, местом последней ссылки Наполеона. Стихотворение, как и лермонтовское «Последнее новоселье», навеяно переносом останков императора в Париж 15 декабря 1840 г. Штур и в те годы был уже патриотом-славянином, в дальнейшем неприятие Запада как модели развития и ориентация на Россию у него только возрастали. Однако стихотворение, написанное в тридцатилетнюю годовщину войны 1812 г., ни словом не упоминает ни о сражениях между русскими и французами, ни о московском пожаре, ни о торжестве русского оружия. Это типично романтическая рефлексия по поводу судьбы выдающейся личности и элегически осмысленного тезиса «Так проходит слава мирская», в определенном смысле – «поэзия руин», также характерная для романтизма. «Мать слава» (с маленькой буквы) у Штура – не колларовская Славия, это слава как синоним известности и преклонения. Наполеон почти в каждой строфе назван великаном, морская стихия и гроза над его могилой пели ему песни, отдавали почести вспышками молний и скорбной тишиной. Ныне остров запустел, слава покинула его, а когда-то

...в одежде печальной бессонно сама
великана могилу она опекала.

Над могилою сына дражайшего, великана,
тихо мать там слава грустила
и на волны ревущего по сторонам океана
взор любовный не раз опустила.

² Словацкая культура в первой половине XIX в. разделялась на протестантскую и католическую ветви. Протестанты (евангелисты) пользовались чешским литературным языком, католики – так называемым бернолаковским словацким языком. В дальнейшем ветви сблизились на основе штуровского словацкого, с небольшими изменениями ставшего национальным литературным языком.

Ее сын океану широкому равен был:
так же грозен он был, глубок и могуч,
как и он, разобщенные земли соединил,
своим именем миру сверкнув из-за туч³ [6. S. 140].

Тем самым Наполеон также становится символом – но уже символом человека действия, способного перековать карту мира. Собственно, подтекст здесь сродни колларовскому призыву в «Патриоте»: славянству необходим мощный вождь, который приведет мир в движение и изменит нынешнее незавидное положение славян. Просматривается и такая аллегория: былая слава Наполеона – это и былое величие славянства, о котором с грустью вспоминает лирический герой многих ранних стихотворений Штура. На эту мысль наводит и последняя строфа «Елены»:

Коль однажды вселенной обрушатся своды,
то под страшно гудящий звон
крик счастливый и скорбный услышат воды:
«Был здесь, был здесь Наполеон» [6. S. 141].

Обходя цензуру, Штур, вскоре обвиненный в панславизме и смещенный с кафедры Братиславского лицея (1843), намекает на приход иных времен и торжество иных ценностей. Так классицистический «кадильный дым» поэзии Коллара меняется у романтиков 1840-х годов на символ героя-одиночки и на ожидание решительных перемен.

У Лермонтова в «Последнем новоселье» (1841) Наполеон «признан за вождя всеобщим приговором», и поэт также сравнивает его с могучим океаном:

Как будет он жалеть, печалию томимый,
О знойном острове, под небом дальних стран,
Где сторожил его, как он непобедимый,
Как он великий, океан! [5. С. 108]

В «Св. Елене» Лермонтов писал: «Сын моря, средь морей твоя могила! // Вот мщение за муки стольких дней! // Порочная страна не заслужила, // Чтобы великий жизнь окончил в ней» [5. С. 371]. Штур, в свою очередь, считал, что Франция должна была оставить прах императора на острове Св. Елены, близ его «сверстника» (т.е. равного, близкого по духу) – моря.

В стихотворении «Наполеон» у Лермонтова окружающая природа, как и у Штура, созвучна умершему герою (одиночество, мощь, страдание):

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно положен,
В сырой земле и в яме неглубокой –
Там спит герой, друзья! – Наполеон!..
Вещают так и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!.. [5. С. 165]

Негодую по поводу шумихи, связанной с переносом останков Наполеона в Париж, Лермонтов писал: «Нарушена святая тишина» («Последнее новоселье»). Штур говорил о «тишине вселенной всей», которая создавала траурную атмосферу вокруг острова Св. Елены. «Скалы призрачные» у словацкого поэта и упоминание о том, что «ничто там не должно было быть живым» [6. S. 141], перекликаются с мотивом призрака Наполеона в «Воздушном корабле» и обоих стихотворениях «Наполеон» в поэзии Лермонтова.

Обновление мира через катастрофу, созвучное Апокалипсису, очень характерно для величайшего словацкого романтика Янко Краля (1822–1876). Это основной

³ Здесь и далее перевод автора статьи.

мотив его обширного цикла «Драма мира», созданного в 1840-е годы и реконструированного в 30–50-х годах XX в. Миланом Пишуттом. «На развалинах веков» в драматизированной сцене Краля разговаривают Юлий Цезарь, Марк и Юний Бруты и Наполеон – «мира великаны», как называет их появившийся среди них Человек. Речь также идет о былой славе, о великих деяниях, которых не знают люди нынешнего времени, объятые мертвенным сном. Цезарь говорит Наполеону:

Тебе слава, ты принял венец оскверненный,
весь оплеванный, тьмою грехов осененный,
возложил на себя и народы возглавил,
тот венец, как-никак, все же в мире прославил.

Наполеон

Но где слава, где и мое деянье?

...
Было время – владыкой я был над землею
и хотел у поганой змеи вырвать жало,
ведь прокралась она потихонечку в сердце
и цветы высшей жизни уничтожала.

...
Ну а ныне конец – обо мне люд болтает
как о злом драконе, что мир разрушает,
так и время идет – все бы он суесловил:
Этот только веревки людям готовил.

...
Лишь какой-нибудь воин в душе меня носит...

Цезарь

Ты угас, ты угас величаво и славно. [7. S. 328–329]

В финале именно Наполеон произносит «ключевую фразу»: «Но не бойтесь! Мир новый близится!» И Человек, итожащий высказывания исторических деятелей, говорит им:

Вы чело великанов склоните устало,
все мечтанья сложите свои на груди вы,
бремя сбросьте! Препоручите все миру –
и придет, дай-то Бог, миг для мира счастливый,
ведь не вечно беда и неволя с нами,
взмост гордый орел над горами, долами. [7. S. 333]

Наполеон в глазах Краля – великая личность, одержимая не личным честолюбием, а возвышенными мечтами. Полет орла у словацких романтиков – один из основных символов свободы, прежде всего свободы национальной.

Лермонтов в стихотворении «Последнее новоселье» говорит, обращаясь к французам:

И вы окрепли вновь в тени его державы,
И мир трепещущий в безмолвии взирал
На ризу чудную могущества и славы,
Которой вас он одевал.

...
Лишенный прав и места гражданина,
Разбитый свой венец он снял и бросил сам... [5. С. 106–107].

Отметим метонимический образ венца, столь важный в драматической сцене Краля. В «Св. Елене» Лермонтова – тот же контраст величия и падения:

Изгнанник мрачный, жертва вероломства
И рока прихоти слепой
Погиб, как жил – без предков и потомства
Хоть побежденный, но герой! [5. С. 371]

Слог у словацкого поэта менее возвышенный, чем у Лермонтова. Краль, как и многие другие шутовцы, программно опирался на фольклорную поэтику, хотя в цитированном произведении заметно и так называемое «книжное», или «артистическое», начало.

Император упоминается и в романтической поэме Краля «Хоч» (1847), где эпоха наполеоновских войн – исторический фон для приключенческого сюжета. О «великом императоре Франции» говорится:

Уже пал герой среди рабских насекомых,
маршем от Парижа войско будет дома.
Эй, орел в оковах все ж убийце страшен... [7. S. 187]

Наполеоновский мотив заслоняется и социальными (страдания народа от тягот войны) и морально-этическими мотивами (верность в дружбе, убийство из ревности, расплата за грех), но Краль все же отдает ему дань. Лермонтов в «Последнем новоселье» использует в контрасте с величием Наполеона слово «рабы» по отношению к французам:

Среди последних битв, отчаянных усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина, ему вы изменили
И, как рабы, вы предали его! [5. С. 107]

Из других шутовцев к образу Наполеона обращался Вилиам Паулини-Тот (1826–1877), ставший виднейшей общественно-политической фигурой в 1860-е годы. Его поэзия в основных чертах близка к творчеству его соратников-романтиков. По словам М. Пишута, «Наполеона он прославил в трех стихотворениях как человека, который подорвал власть феодальных монархов и открыл ворота нового века. Его падение он понимал как предвестие будущей всемирно-исторической миссии славянства» [8. S. 288].

Таким образом, события войны 1812 г. и слава русской армии пробудили в словацких писателях веру в новые времена, которая через тридцать лет начала уже связываться и с фигурой Наполеона, воспринимаемого как выдающаяся личность и человек действия, необходимый славянскому движению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pišút M.* Klasicizmus (roky dvadsiate a tridsiate) // Dejiny slovenskej literatúry. Bratislava, 1984.
2. *Kollár J.* Vlastenec. Praha, 1963.
3. *Коллар Я.* Сто сонетов. М., 1973.
4. Антология чешской поэзии. М., 1959. Т. I.
5. *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч. в 4-х т. М., 1964. Т. 1.
6. *Štúr L.* Dielo v 5 zväzkoch. Bratislava, 1954. Zv. 4. Básne.
7. *Král J.* Súborné dielo. Bratislava, 1959.
8. *Pišút M.* Romantizmus a začiatky realizmu // Dejiny slovenskej literatúry. Bratislava, 1984.

© 2013 г. М.И. ХАЗАНОВА

ПРАВИЛА ОБЩЕНИЯ В РАМКАХ УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ И ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ

В данной статье рассматриваются правила, регулирующие общение в рамках интернет-форума, а также случаи вербальной агрессии по отношению к другим участникам форума и ее восприятие как противоречащей или непротиворечащей правилам форума на материале украинского языка.

The present article, on the material of the Ukrainian language, considers the rules regulating communication within the Internet-forums, explores cases of verbal aggression against other members of the forum and its perception as the one that contradicts or does not contradict to the rules of a particular forum.

Ключевые слова: Интернет, интернет-форум, вербальная агрессия, украинский язык.

В отношении Интернета, который в наше время стал неотъемлемой составляющей общения, бытует мнение, согласно которому Всемирная паутина представляет собой свободную, подлинно демократичную стихию, коммуникация в которой не знает ограничений. Мы полагаем такое мнение ошибочным, по крайней мере в той его части, в которой оно затрагивает общение в рамках интернет-форумов (иначе – интернет-конференций). Общение на форуме строится по строго определенным правилам, в которых можно выделить некоторые закономерности.

В рамках настоящего исследования мы проанализируем влияние правил на коммуникацию на форуме. Мы выбрали 50 украиноязычных интернет-форумов, по возможности разных социальных групп (форумы пользователей компьютерных систем, школьников, автовладельцев, музыкальные, женские форумы, форум, посвященный цифровой технике, политический форум, форумы отдельных городов, форум, посвященный проблемам украинской истории, и др.), и сопоставили имеющиеся на них правила. Сравнение показало, что существует несколько общих блоков предписаний:

- для модераторов и администраторов;
- для пользователей: следовать общепринятым нормам морали;
- следовать сетевому этикету;
- соблюдать правовые нормы данного общества;
- не посягать на статус собеседника:
 - 1) запрет на оскорбления, угрозы, наговор;
 - 2) запрет на нецензурную лексику;
 - 3) требование достоверности информации, обоснованности высказываний;

- 4) запрет на публикацию приватной информации других участников;
- 5) запрет на дискриминацию собеседников;
- предписания по внешнему виду сообщений и удобству чтения/поиска информации, в том числе запрет на:
 - 1) сообщения, не соответствующие теме общения;
 - 2) создание тем, не соответствующих тематике раздела/форума;
 - 3) чрезмерное цитирование;
 - 4) злоупотребление текстовым выделением (размер, цвет, начертание шрифта и т.д.);
 - 5) добавление сообщений/объектов, меняющих границы отображения форума;
 - 6) запрет на повторение тем/сообщений;
 - 7) транслитерацию латиницей;
 - 8) ведение частных бесед с одним участником форума, не имеющих отношения к теме общения и представляющих интерес только для говорящего и его собеседника;
 и требования:
 - 9) требование информативности заголовка темы/сообщения;
 - 10) пользоваться указанным языком или языками (украинский, русский, английский);
 - 11) требование соблюдения норм правописания;
- запрет на коммерческую рекламу;
- запрет на посягательство на свободу действий администрации форума (вышестоящих), в том числе:
 - 1) на обскуждение и критику действий администрации на форуме;
 - 2) на попытки обойти предписания/запреты администрации;
 - 3) на присвоение властных полномочий администрации;
- запрет на техническое нарушение работы форума.

Как видно из классификации, правила регулируют все важные стороны работы форума и содержат в себе, кроме чисто технических аспектов, некоторые принципиальные основания удачной коммуникации вообще. Нам кажется вполне закономерным, что правила форума пересекаются с постулатами, составляющими Принцип Кооперации П. Грайса (количества, качества, способа и отношения) [1. С. 222–224]. Помимо этих постулатов П. Грайс указывает на существование постулатов иной природы – эстетических, социальных, моральных, один из которых – постулат вежливости. Таким образом, если сравнить принципы П. Грайса и правила форума, становится очевидным, что предписания не посягать на статус собеседника сближаются с принципом вежливости и качества (3), предписания, касающиеся внешнего вида сообщений, – с принципом количества (3, 6), отношения (1, 2, 8) и способа (9). Также к принципу способа (ясности) стоит отнести требования к графическому оформлению сообщений (4, 5, 7, 10, 11), связанному со спецификой электронной коммуникации, где фонетические средства частично заменяются графическими.

Такое совпадение правил форумов с постулатами общения свидетельствует о том, что регуляция форума в целом осуществляется для достижения бесконфликтной коммуникации, стремления избежать «речевых актов с тяжелой статусной угрозой» (*heavy face threatening act*) [2. Р. 65]. Тяжелую угрозу содержит такой речевой акт, который оценивается адресатом как серьезное посягательство на то, что он считает особенно важным для себя.

Система правил общения на форуме предполагает систему наказаний, которые, в зависимости от тяжести угрозы статусу собеседника, варьируются от простого выговора до технического запрета для конкретного участника пользоваться форумом («бан»). Поскольку успешность коммуникации предполагает уважительное отношение к собеседнику, то нарушение правил в целом случается нечасто.

Сообщение, оцениваемое как нарушение правил форума, обычно содержит средства вербальной агрессии. Под вербальной агрессией мы, вслед за Ю.В. Щербининой, понимаем «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [3. С. 15]. В результате анализа избранного нами материала были выявлены две группы средств вербальной агрессии:

- на уровне лексики: оскорбительные наименования самого адресата – *Не подобається – не ходіть, придурки повні!* (*Не нравится – не ходите, придурки полные!*) и оскорбительные обозначения действий адресата – *Мені здається, то ви затупили!* (*Мне кажется, что вы затупили!*);
- на уровне высказывания: развернутое описание ситуации, в которой действия адресата показываются как достойные порицания (на уровне имплицатуры) – *А відстоювати свої права – сидиш як мишка, в тому таксі, слово таксисту боїшся сказати, зате ось тут мемуари пишеш* (*А отстаивать свои права – сидишь как мышка в этом такси, слово таксисту боишься сказать, зато вот тут мемуары пишешь*).

Сообщение, в котором нарушены правила, удаляется администрацией форума, в связи с чем зачастую невозможно определить, сколько было таких сообщений, на каком этапе коммуникации они были сделаны и каково было их содержание.

В исследованном нами материале, однако, было выявлено два типа случаев нарушения правил, когда сообщения не удалялись из конференции. В обоих случаях сообщения содержали явную статусную угрозу, выраженную вербальными средствами, но в одном случае они расценивались как противоречащие правилам, о чем адресанту прямо заявляли, а в другом – нет. Проанализируем, чем обусловлено такое разное отношение к однотипным высказываниям.

Рассмотрим пример из той группы сообщений, в которой говорящему делают замечание (другие участники или администрация) по поводу его манеры общения. Предметом обсуждения стало ухудшение качества обслуживания в одном из кафе г. Стрыя.

1: *ps. Зіпсулась кухня в піцерії, чого варта сама піцца – одна назва її, товщина, що просвічує на світло, і асортимент бажали б кращого, нащастя, не одна в Стрию така забігайлівка. Колись варто було не пройти повз, а зараз подумайте перед тим, як зайти... (Испортилась кухня в пиццерии, чего стоит сама пицца – одно ее название, толщина, которая просвечивает на свет, и ассортимент оставляют желать лучшего, к счастью, не одна в Стрые такая забегаловка. Когда-то стоило не пройти мимо, а теперь подумайте перед тем, как зайти...)*

2: *Ти, напевно, страшний РАГУЛЬ, якщо нормальні заклади називаєш забігайлівками, ти просто не можеш собі дозволити відпочити в доброму закладі (Ты, наверное, страшная деревенщина, если нормальные заведения называешь забегаловками. Ты просто не можешь себе позволить отдохнуть в хорошем заведении).*

После последней реплики говорящему 2 делают замечание другие участники по поводу языка его сообщения, в котором очевидна статусная угроза в адрес собеседника. Этот пример являет собой случай нарушения правил общения, а точнее – предписания не посягать на статус собеседника. В тексте сообщения 2 присутствует речевой акт критики, а также оскорбление (*страшний рагуль*) и намек на бедность, следовательно, высказывание явно невежливо и вызывает негативную реакцию со стороны других участников форума¹. Однако сообщение все же не удаляют.

¹ Хотя в целом мы согласны с разделением, предложенным Э.А. Дон [4. Р. 181–211], в отношении понятий «невежливость» и «вербальная агрессия»; в рамках настоящего исследования считаю их близкими и взаимозаменяемыми.

Рассмотрим еще один пример. Предметом обсуждения стала недобросовестная работа фирмы, предоставляющей услуги спутникового телевидения и Интернета.

1: Ага. Переважно так і є. Коли фірма тупорила, то там все через працівників, директори ж – єдині нормальні і дбаючі про клієнта люди... От могли б вони ще керувати фірмою, замість прибиральниць... (В основном так и есть. Когда фирма тупорылая, то там все из-за работников, директора же – единственные нормальные и заботящиеся о клиенте люди... Вот если бы они еще и фирмой умели управлять, вместо уборщиц...).

2: Сам ти тупо... (Сам ты тупо...)

1: Шановний гість, прошу навести аргументи НЕТУПОРИЛОСТІ ТРК «Лан». Свої аргументи я навів постом, що започаткував тему, а ще один аргумент тут [...] (Уважаемый гость, прошу привести аргументы НЕТУПОРЫЛОСТИ ТРК «Лан»). Свои аргументы я привел постом, который открыл тему, а еще один аргумент здесь [...]).

После этого говорящему 2 делают замечание по поводу несоблюдения правил форума. Он также нарушает предписание не посягать на статус собеседника, поскольку прибегает к средствам вербальной агрессии «сам ти тупорилий».

Несмотря на то что в обоих случаях говорящие предпринимают небольшую попытку смягчить агрессию (сокращение угрожающего вербального средства), что довольно широко распространено при общении на форуме, собеседники распознают вербальную агрессию, противоречащую правилам.

Теперь рассмотрим высказывания второго типа, содержащие средства, которые мы бы классифицировали как агрессивные, но тем не менее не воспринимаемые таковыми другими участниками и администратцией.

В следующем примере предметом обсуждения стала недобросовестная работа такси.

*1: До речі про таксі. Вчора викликав вночі (після 12-ї) таксі. Дзвонив на номер 8050-***-15-75. Відвезли мене з хати в центр, порядний таксист попросив 12 гривень. Через сорок хвилин подзвонив за машину до тієї ж фірми, на той самий номер. Відвезли мене з центру додому, тією ж дорогою. Таксист попросив 17 гривень. Інфляція?.. Так що не розказуй туткаво про «лохотрон» «чорних» таксистів (Кстати, о такси. Вчера вызвал ночью (после 12-ти) такси. Звонил на номер 8050-***-15-75. Отвезли меня из дома в центр, порядочный таксист попросил 12 гривен. Через сорок минут вызвал машину той же фирмы, на тот же номер. Отвезли меня из центра домой, по той же дороге. Таксист попросил 17 гривен. Инфляция?.. Так что не надо тут рассказывать про «лохотрон» «черных» таксистов).*

2: А це тебе так божє наказує, за твій постійно невдоволений стан. А таксисти гроші з людей не сдирають, та й морди у них покраще за твою, то правда. Таксист, певно, спробував трішки заробити, а заодно й переконатися, чи “лошара”, виявилось, так. Це тобі має бути соромно, що не відстояв свою правоту (Да это тебя так бог наказывает за твое постоянное недовольство. А таксисты деньги с людей не сдирают, да и морды у них получше твоей, это правда, таксист, верно, попробовал немножко заработать, а заодно и убедиться, «лошара» ли, оказалось – да. Это тебе должно быть стыдно, что не отстоял свою правоту).

В высказывании говорящего 2 содержатся речевые элементы, угрожающие статусу (морди у них покраще за твою, лошара, тобі має бути соромно), однако в таком случае возникает вопрос: можно ли говорить о вербальной агрессии в полном смысле слова, если высказывание не расценивается как неприемлемое? Такие примеры еще раз доказывают многократно высказывавшееся мнение, что разные коммуникативные группы по-разному определяют приемлемое и неприемлемое, а следовательно, не существует ингерентно вежливых и невежливых

языковых средств [5. Р. 7]. Помимо этого во втором случае мы видим присущие именно Интернету средства смягчения (эмотиконы), которые помогают сохранить сообщение в рамках приемлемого. Остается предположить, что в данной группе коммуникантов такая манера общения считается нормой и, поскольку она направлена на сокращение межличностной дистанции, соответствует тому, что в традиции П. Браун и С. Левинсона называется позитивной вежливостью [2. Р. 101–129]. С другой стороны, такой непосредственный стиль общения может быть проявлением игрового начала в молодежном общении.

Общение на интернет-форуме характеризуется большей степенью демократичности в сравнении с живым общением незнакомых или малознакомых людей. Однако ему присущи свои нормы поведения, в том числе вербального. Мы полагаем, что использование собственно интернет-средств во многом аналогично использованию просодии в устном общении. Исследование компьютерных форм коммуникации ценно тем, что дает максимально полную картину общения, поскольку все использованные средства имеют графическое выражение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грайс П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика.
2. *Brown P., Levinson S.* Politeness. Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
3. *Щербинина Ю.В.* Вербальная агрессия. М., 2008.
4. *Dawn E.A.* Verbal aggression and impoliteness: Related or synonymous? // *Impoliteness in Language: Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice* / Ed. by D. Bousfield, M.A. Locher. Berlin; New York, 2008.
5. *Locher M.A., Bousfield D.* Introduction: Impoliteness and power in language // *Impoliteness in Language: Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice* / Ed. by D. Bousfield, M.A. Locher. Berlin; New York, 2008.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Форум города Стрый <http://stryi.com.ua/forum/> (26-09-2011)
Украинский универсальный форум <http://forum.forua.org/index.php> (26-09-2011)

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Н.И. ТОЛСТОГО

Н.И. ТОЛСТОЙ

ПЕРЕПИСКА И.В. ЯГИЧА С РУССКИМИ ФИЛОЛОГАМИ В КОНЦЕ 80-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Публикуемая статья была написана Н.И. Толстым для готовившегося к печати в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века тома переписки И.В. Ягича с русскими учеными, который так и не увидел свет. Этот том должен был стать продолжением изданного в 1963 г. под редакцией акад. В.В. Виноградова и Г.П. Блока тома «Письма И.В. Ягича к русским ученым. 1865–1886» (М.; Л., 1963). Текст публикуется по белой рукописи, хранящейся в домашнем архиве автора. К рукописи приложено 17 страниц замечаний к комментариям составителей тома.

The article was written by Nikita Tolstoy for the volume containing the correspondence of Ignati Jagić with Russian scholars, which was never published. This volume was designed as a continuation of the work «Letter of Ignati Jagic to Russian scholars, 1865–1886» (Moscow–Leningrad, 1963) edited by acad. Viktor Vinogradov and Georgy Blok. The article is published after the clean copy kept in the home archive of the author.

Ключевые слова: научная переписка, славистика, славянские древности, И.В. Ягич, история славянских литератур.

Эпистолярное наследие Игнатия Викентьевича Ягича велико и многогранно. Это вполне объяснимо. Великий хорватский ученый был не только филологом, разрабатывавшим и применявшим передовые для своего времени методы исследования, филологом необычайной работоспособности, умевшим разыскать, охватить, систематизировать и изложить огромный материал, педагогом с широкой и разносторонней программой своих курсов, лекционных и внелекционных занятий, но и выдающимся и во многом неповторимым, как неповторима и его эпоха, организатором славистической науки. Последняя черта И.В. требовала от него широкого круга знакомств, деятельного участия во многих научных предприятиях, постоянного общения и частых путешествий, наконец или прежде всего – обширной переписки.

Отсутствие или ограниченное применение современных нам средств связи, и прежде всего телефона, делали в относительно недалеком прошлом письма основной и почти единственной формой общения на расстоянии. К этому следует добавить, что по традиции, идущей еще от XVIII в. и даже более ранних времен, письма во второй половине XIX в. были часто определенным жанром литературного, литературно-философского и научного творчества, поэтому их в то время

берегли и охотно публиковали¹. Постепенно в переписке многих ученых стала преобладать бытовая сторона, которая находит свое отражение и в публикуемой корреспонденции Ягича. Но и эта сторона писем представляет для историка славистики несомненный интерес, ибо она лучше, чем другие источники, знакомит нас с формами и сутью «научного этикета» того времени, с повседневным поведением, ярко отражавшим социально-этические, социально-политические, национальные и иные взгляды и черты определенного круга людей, сыгравших значительную роль в истории славянской культуры и науки, в развитии славянской и русской филологии в нашей стране в первую очередь.

Эпистолярное наследие И.В. издано лишь частично, притом бóльшая, очень значительная часть ягичевой корреспонденции еще не опубликована, не упорядочена или даже не выявлена. Приятно отметить, что полнее других (не считая семейной переписки) обработана и издана корреспонденция И.В. Ягича с русскими учеными, хотя его письменные связи с южными и западными славянами были не менее прочными².

Интерес именно к этой стороне переписки Ягича резко возрос в послевоенный период и, надо полагать, будет усиливаться.

Сам Ягич придавал своей переписке немалое значение. Работая в последние годы жизни (84-х лет) над двухтомными воспоминаниями [8], он часто обращался к своей корреспонденции, использовал материал писем, включал в текст выдержки из писем либо просто письма целиком. В ряде случаев, как и при описании петербургского университетского и академического периода жизни и ближайших последующих годов, сохранившаяся корреспонденция служила ему канвой для изложения событий. Жизнь Ягича была долгой (он умер 85-и лет), а научная и педагогическая деятельность И.В. началась рано (22-х лет). Перед его глазами и с его активным участием шло развитие славянской филологии во второй половине XIX в. и в первой четверти XX в. Ягич был свидетелем и творцом многих событий, изложенных им в фундаментальной и до сих пор никем не превзойденной «Истории славянской филологии» [9; 10]. Ценность этой книги никогда не будет поколеблена хотя бы потому, что уже никто не сможет привнести в подобный труд элементы очевидности и причастности к описываемым событиям. Некоторые свои письма Ягич публиковал сам³, некоторые, наиболее злободневные, публиковались сразу после его смерти [13], но основной фонд ягичевской корреспонденции начал издаваться во второй половине нашего века, в послевоенный период.

Настоящий том «Писем И.В. Ягича к русским филологам (1886–1889)» оказывается прямым продолжением предшествующего тома, охватывающего предыдущий, более чем двадцатилетний период [3]. Относительная краткость хронологических границ этого тома объясняется двумя причинами. Во-первых, сильно возросшей после отъезда из Петербурга летом 1886 г. перепиской с русскими учеными и, во-вторых, меньшим объемом этого тома.

¹ См., например, изданные в XIX в. письма М.П. Погодину из славянских земель, а также письма М.П. Погодина, О.М. Бодянского, И.И. Срезневского, П.И. Прейса, П.И. Шафарика, В. Ганки и др. Библиографические данные об этих письмах см. [1. № 63–66, 83, 84, 87, 88, 402, 467, 471, 472].

² См. основные издания: [2–7]. Об отдельных небольших публикациях писем Ягича к русским ученым и к Ягичу см. [1. № 587, 604–606, 609, 611]. Частичную публикацию писем, иногда в выдержках, среди которых и письма И.А. Бодуэна де Куртенэ, см. [5].

Прим. ред. В 1983 г. в Загребе был издан под редакцией акад. И. Хамма второй том писем русских ученых к И.В. Ягичу: *Korespondencija Vatroslava Jagića*. Knj. 3. *Pisma iz Rusije*. 1865–1886. II. Zagreb, 1983. Этот том продолжает публикацию [4].

³ В загребской ежедневной газете «Obzor» (выходила с 1860 по 1941 г.) И.В. печатал фрагменты своих писем из Петербурга («Obzor». 17 II и 23 II 1872 г., № 38 и № 43). Свой первый приезд в Петербург в 1872 г. И.В. позже описал в очерке «Мoj први долазак у Русију године 1872» [11], который был перепечатан в [12].

Научная и педагогическая деятельность И.В. разделяется его биографами на несколько периодов, согласно месту (и времени), где (и когда) она протекала: загребский (1860–1871) [14], одесский (1871–1874) [15], берлинский (1874–1880) [16], петербургский (1880–1886) и последний – венский (1886–1908, вернее 1923) [17]. Загребский период, как известно, был связан с преподаванием И.В. в гимназии в качестве гимназического «профессора», с изданием журнала «Književnik», с основанием Югославянской академии, с формированием И.В. как слависта, а относительно краткий одесский период, в течение которого он почти год был в научной командировке в Берлине и Петербурге, явился началом университетской профессорской деятельности И.В. по сравнительному языкознанию (и санскриту) и славянской филологии. Для берлинского периода жизни И.В. уже характерен широкий научный размах и установление прочных международных связей, выразившиеся в создании первого международного славистического журнала «Archiv für slavische Philologie», издававшегося более полувека (с 1876 по 1929 г.) и прекратившего свое существование вслед за кончиной своего основателя. Последующий шестилетний период – петербургский – был ознаменован глубоким проникновением Ягича в восточнославянский, преимущественно русский (великорусский) материал, активным участием в работе Петербургского университета и Академии, широкими личными контактами со славистами России и многих зарубежных стран, множеством талантливых учеников, что позволило ему занять руководящую роль в сфере международного славистического сотрудничества и славистических исследований.

Петербургский период жизни И.В. хорошо отражен в предшествующем томе «Писем И.В. Ягича к русским ученым» (М.; Л., 1963). Остановимся, однако, кратко на этом значительном этапе деятельности И.В., так как письма последующих лет тесно с ним связаны. В Петербурге, который был дорог сердцу Ягича еще с поездки 1872 г. и который он называл вслед за русскими поэтами «северной Пальмирой», И.В. заместил скончавшегося незадолго до его приезда И.И. Срезневского, заняв в Университете кафедру славянской филологии, живо содействуя развитию славистики в Отделении русского языка и словесности в Академии наук⁴, читая, помимо университетских лекций, лекции на Бестужевских высших женских курсах и в Археологическом институте. Большую роль в дальнейшем развитии славяноведения сыграл кружок молодых славистов, сгруппировавшихся в Университете вокруг Ягича (старостой кружка был Б.М. Ляпунов; в кружке занимались Н.В. Шляков, П.К. Симони, А.А. Григорьев, Н.А. Смирнов, Е.В. Петухов, Д.И. Шаховской, А. Тихвинский и др.) [18].

В петербургский период жизни И.В. выпустил в свет ряд очень солидных работ, часть которых непосредственно относилась к истории русского языка и русской культуры. Так, вслед за берлинским изданием (1879 г.) Зографского евангелия появляется петербургское академическое издание (1883 г.) Мариинского евангелия – оба они считаются образцовыми. Тем же Отделением русского языка и словесности издаются самый объемистый древнерусский памятник XI в. – служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь (1886 г.) и подготовленные Ягичем «Источники для истории славянской филологии» (1885 г.), содержащие переписку между Добровским и Копитарем (1808–1828 гг.)⁵. В «Отчетах» и «Записках» Второго Отделения печатаются «Четыре критико-палеографические статьи» (1884 г.) и «Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской филологии» (1885 г.), наконец, Общество любителей древней письменности в своей серии памятников издает с

⁴ И.В. Ягич был избран в члены-корреспонденты русской Императорской Академии наук в 1868 г., еще в бытность его в Загребе (ему было тогда 30 лет), в экстраординарные академики 2 мая 1880 г., а в ординарные – 4 декабря 1881 г., уже в Петербурге.

⁵ В виде продолжения этого издания И.В. опубликовал двадцать лет спустя «Новые письма Добровского, Копитара и других югозападных славян» (СПб., 1897).

предисловиями Ягича «Закон Винодольский» (1880 г.) и «Статут острова Крка» (1888 г.)⁶. Последнее издание относится уже к венскому периоду, синхронному публикуемой в этой книге корреспонденции. В это четырехлетие (1886–1889) Ягич издал не так много: помимо Кркского статута, он опубликовал свои известные «Критические заметки по истории русского языка» (1889 г.), возникшие из разбора «Лекций по истории русского языка» А.И. Соболевского, конечно, если не считать множества критических откликов, статей и мелких заметок в его «Архиве» (за период 1880–1886 их было более семидесяти, за период 1886–1889 – не менее восьмидесяти).

Однако каждый период жизни И.В. показателен не только вышедшими в свет научными трудами, но и теми исследованиями, которые в этот период готовились. И надо сказать, что публикуемая переписка ярче отражает именно эту сторону деятельности И.В., что в общем вполне понятно.

В петербургскую, а затем и венскую пору своих научных штудий И.В. готовил один фундаментальный труд, вышедший в академическом издании – «*Corpus grammaticorum slaveno-rossicorum. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке*» (СПб., 1895). При его создании потребовалась длительная и кропотливая работа во многих древлехранилищах, разыскивание старинных рукописей и их тщательное комментирование.

Для Ягича всегда был характерен очень широкий диапазон исследования. Прекрасный знаток старославянских текстов и непревзойденный эдитор, И.В. не замыкался в рамках древнейшего, «классического» юсового периода развития древнеславянской письменности, а шел в своих разысканиях дальше, прослеживая развитие традиции в разных ареалах, в том числе и в восточнославянском. В речи на торжественном публичном собрании Второго Отделения Императорской Академии наук 5 апреля 1885 г., посвященном тысячелетию со дня кончины св. Мефодия Моравского, первоучителя славянского, И.В. говорил: «Успехи славистики и вопрос о деятельности Кирилла и Мефодия находятся в неразрывной связи. Этот вопрос образует краеугольный камень славянской филологии как исторической науки. Чем более она крепнет, тем сильнее привлекает к себе пылливость исследователя великий момент в исторической жизни славян, связанный с деятельностью Кирилла и Мефодия» [19. С. 3]. «Великое дело славянских первоучителей церковнославянский язык занял теперь уже подобающее место в науке, он признан бесспорно всеми как превосходное средство для уразумения всех живых славянских наречий» [19. С. 34].

«Рассуждения южнославянской и русской старины», готовившиеся в конце 80-х и в начале 90-х годов, были посвящены вопросу кирилло-мефодиевской традиции в Древней Руси и у южных славян. В 90-е годы XIX в. в Вене он издал апокриф об Адаме из сборника Венской придворной библиотеки (1893 г.), апокрифическое евангелие Иакова и послание Пилата по рукописи с Синая (1892 г.), сборник переводных изречений Менандра по белградской рукописи (1892 г.), исследование о первопечатном цетинском октоихе 1494 г. (1894 г.), Добромирово евангелие (1898 г.) и среднеболгарский Златоустник XIII–XIV вв. Перечислив эти издания И.В., известный русский филолог, большой знаток древнеславянской письменности акад. М.Н. Сперанский в заключение писал: «Взятое в отдельности каждое из этих изданий представляет интерес новизны в истории памятников славянской старой письменности (как Менандр или Спанея), или новое в освещении ранее известных памятников (таковы: апокрифы, цетинский Октоих). Все же при всей пестроте тем и памятников, заинтересовавших Ягича в это время, присмотревшись к ним, мы можем, кажется, уловить в отношении к большинству

⁶ В 1882 г. вышли также «*Specimina linguae palaeoslovenicae. Образцы языка церковнославянского по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности*» (СПб., 1882).

из них общую связующую нить, особенно в сопоставлении с его трудами не узко историко-литературного характера: их связывает вместе, кажется, мысль, которая занимала Ягича уже давно и продолжала занимать и в это время: это “македонизм” старославянского языка и старославянской литературы древнейшего периода. Эта мысль проходит заметной чертой в его работах по Кирилло-Мефодиевскому вопросу и начальным судьбам славянской письменности; ему представляется возможным в этом начальном периоде славянской письменности выделить эпоху, притом старейшую, когда письменность эта развивалась на основах македонского говора и преимущественно на территории Македонии; во главе этой эпохи стоит деятельность Кирилла и Мефодия и Климента, вслед за которой возникает эпоха Симеоновская, восточноболгарская, староболгарская в узком значении этого термина; этой мыслью заканчивает он свой последний труд по Кирилло-Мефодиевскому вопросу (“Браство”. XVI. 1922. С. 36)» [20. С. 362–363].

М.Н. Сперанский справедливо отмечает далее, что у Ягича применительно к более поздним памятникам не всегда достаточно полно или точно аргументируется территориальная привязка рукописи. С этим для ряда случаев следует согласиться, однако при более широком взгляде на вещи можно принять стремление Ягича, пусть даже не всегда с полным основанием, выявлять и различать локальные типы церковнославянского (древнеславянского) языка на разных временных этапах его развития. Без раскрытия определенных традиций в отдельных локальных ареалах церковнославянского языка трудно воспроизвести общую картину его истории. А история церковнославянского языка как общего языка восточных и большей части южных славян (а в древнейший период и славян западных), предусматривает и определяет историю церковнославянской литературы. В пределах этой единой общеславянской литературы отдельные произведения, отдельные виды памятников должны исследоваться, по представлению И.В., по группам. В этом, на наш взгляд, существенное различие в построении истории церковнославянского литературного языка, когда изучение памятников следует проводить прежде всего по локальным, местным традициям, и истории церковнославянской литературы, когда изучение памятников должно строиться по жанрам (группам).

Работы И.В., связанные с рассматриваемым периодом, не потеряли своего значения и актуальности и в наши дни: им свойственен тот комплексный в нашем современном понимании подход, без которого литературовед не может разрешать ряд насущных литературоведческих проблем, а лингвист ряд проблем лингвистических. Для Ягича, когда он занимался древними славянскими памятниками, не было разграничения, обособления лингвистического взгляда на вещи и лингвистического метода исследования от взгляда литературоведческого – для него существовал единый филологический подход и сама проблема «комплексности» отпадала.

Интерес Ягича к древностям не ослаблял его внимания к современному славянскому материалу, более того, Ягич видел в современности верное и разностороннее свидетельство о прошлом. Еще в 1864 г. двадцатилетний И.В., развивая Якова Гримма, писал, что языковед «от известной ему современности с большой вероятностью определяет и существо (каквоѣи) прошлого» [21; 22. S. 24]. На этот момент в свое время обратил внимание П. Скок [23. S. 74].

Широта подхода И.В. к проблемам славянской филологии объединяла его с такими современниками, как А.Н. Веселовский, А.А. Потебня, А.Н. Пыпин и другие, и, конечно, Ф. Миклошич, которого Ягич заместил на венской кафедре и который, как известно, был учителем Ягича (его письма к И.В. опубликованы в ягичевом «Архиве») [24].

В этом томе публикуются письма И.В. к А.Н. Веселовскому, В.И. Ламанскому, Я.К. Гроту, А.А. Шахматову, А.Н. Пыпину, И.А. Бодуэну де Куртенэ, Н.С. Тихо-

правову, В.В. Стасову, В.Ф. Миллеру, А.А. Потебне, Б.М. Ляпунову, Т.Д. Флоринскому, П.К. Симони, В.Н. Щепкину, Э.В. Барсову, И.А. Бычкову и др. С большинством своих русских корреспондентов Ягич был знаком лично, с многими был в очень дружеских и тесных отношениях. Помимо личных симпатий и деловых связей, возникших и сохранявшихся на базе Академии наук, а в петербургский период и в стенах Университета, И.В. связывала с представителями русской филологической науки общность научных интересов и устремлений. С А.Н. Веселовским, игравшим значительную и самостоятельную роль в Академии, Ягича помимо прочего связывали занятия древними славянскими апокрифами и славянской, в том числе русской, народной поэзией. Эти же проблемы волновали и А.Н. Пыпина и Н.С. Тихонравова, а пристрастие к народному творчеству было присуще и В.Ф. Миллеру, Э.В. Барсову, А.А. Потебне. С тем же А.А. Потебней Ягич был близок по своим лингвистическим взглядам, прежде всего синтаксическим, а интерес к древнейшему славянскому рукописному наследству, наследству церковнославянскому, объединял И.В. с младшим для того времени поколением русских филологов – с В.Н. Щепкиным, Б.М. Ляпуновым, П.К. Симони и, конечно, с А.А. Шахматовым. Шахматов пользовался большой любовью и вниманием И.В. с первых лет его научной деятельности и был предметом особой заботы и беспокойства Ягича почти до последних дней его жизни⁷. С В.И. Ламанским И.В. объединял широкий подход к проблемам славянства, и хотя они, естественно, не были единомышленниками и славянофильский тон общей концепции Ламанского не всегда импонировал довольно умеренному и во многом лояльному к традиционным венским кругам Ягичу⁸, их общее стремление к научному сотрудничеству всех славянских академий брало верх над всеми другими моментами. Умел найти И.В. общий язык и с Я.К. Гротом, главой «русской» группы в Академии, противостоящей «немецкой» группе, которую представлял не во всем и не всегда беспристрастный А.Н. Веселовский. Чтение ягичевских писем хорошо показывает читателю, сколь тактичен, отчасти сдержан и в общем мудр был Ягич в тех случаях, когда ему приходилось быть причастным к спорам и противоречиям двух названных «партий», а точнее лиц, в пределах старой русской Академии. Здесь, как и во многих других случаях, применительно к другим странам и к другому периоду, Ягичу приходилось занимать позицию арбитра, и он часто удачно решал вопрос, исходя из общих научных интересов и задач⁹.

Множество бытовых, иногда даже финансовых или просто случайных моментов как бы заслоняют в письмах более важные научные и научно-этические проблемы, но они же придают переписке драгоценный оттенок повседневности, достоверности и близости к читателю автора корреспонденции и всех спутников его научного пути, напоминая нам, что «все мы человеки» и таким же был и Ягич,

⁷ Как известно, Ягич пережил Шахматова и очень болезненно воспринял известие о его кончине [8. Д. II. С. 315–316]. Переписку с Ягичем Шахматов начал, когда ему было 17 лет и он учился в VI классе гимназии.

⁸ Исторические условия, в которых складывались общественно-политические взгляды Ягича рассматриваются в работе [25].

⁹ В ряду других имен здесь не упоминается имя И.И. Срезневского только потому, что в рассматриваемый нами период его уже не было в живых. Между тем нельзя не вспомнить об отеческой заботе И.И. Срезневского о молодом Ягиче. Младший современник И.В., известный словенский филолог Матия Мурко в своих «Воспоминаниях» писал, что главная заслуга в стремительном восхождении Ягича «принадлежит русскому академику И.И. Срезневскому, который знал Ягича по его научным трудам, встречался с ним во время путешествий и позаботился о том, чтобы Ягичу было присвоено звание почетного доктора Петербургского университета. Это, как известно, не был обычный средневропейский докторат, а высшая академическая степень, обладая которой, кандидат мог стать ординарным профессором кафедры любого русского университета» [26. С. 233]. М. Мурко писал о конце загребского и начале одесского периода (1876 г.), когда Ягич был уволен со службы преподавателя гимназии без права на пенсию, как «сторонник сербофильской федералистической славянской “народной партии”» (26. С. 232).

от дня смерти которого нас уже отделяет более половины века, а от событий, о которых сообщается в публикуемых письмах, – почти столетие.

Читатель сам обратится к письмам и комментариям и оценит их содержание, поэтому нет нужды их пересказывать во вступительной статье. Обращаясь к ним, нужно лишь помнить, что они написаны в первые годы самого длительного и последнего периода жизни И.В. Уехав из Петербурга, Ягич не порвал с ним связей, а, наоборот, всеми средствами пытался их сохранять, поддерживать и упрочнять. Что же касается филологов-петербуржцев, то они надеялись на возвращение И.В. в северную Пальмиру, но надежды эти пропали втуне. Оставаясь в Вене, Ягич продолжал работу в русской Академии, публиковал в ее изданиях свои фундаментальные труды и осуществлял свой грандиозный, к сожалению незаконченный, замысел – выпуск в свет «Энциклопедии славянской филологии». Вместе с тем в условиях тогдашней Австро-Венгрии, в пределах которой находилась преобладающая часть западнославянских, большая часть южнославянских и небольшая часть восточнославянских земель, Венская славистическая кафедра, основанная в 1849 г. Миклошичем, была средоточием славистических исследований, национально-освободительных устремлений славянской студенческой молодежи, школой, где получило высокопрофессиональную подготовку не одно поколение славистов, укреплявших или создававших после распада Габсбургской империи свои национальные славянские славистические центры.

Соплеменник Ягича и его четвертый преемник по Венской кафедре акад. Иосип Хамм так писал о своем великом предшественнике: «Если бы он (Ягич. – *Н.Т.*) остался в Петрограде, это было бы счастьем для русской славистики и мы бы теперь гораздо больше знали об огромных богатствах, хранившихся и хранящихся в архивах этой большой, величайшей славянской страны. Он был прирожденным организатором, изобретательным и оперативным, с феноменальной способностью помнить о каждой мелочи, относящейся к огромной области, которую он считал своей, – а это все славянские языки, вся славянская литература и фольклор. Он не был грамматистом, как Миклошич, и потому не создал ни одной грамматики, которая бы и сегодня нашла своего читателя или издателя. В истории литератур, особенно древних, средневековых, он искал направления, источники и объекты влияний, а в толковании народных песен с некоторой общей, структурной точки зрения, хотя он, может быть, и уступал А.А. Потебне или Ф.Е. Коршу, но его суждения, взятые в целом, были надежными и многие его краткие заметки и сообщения имели большую ценность, чем целые книги разнообразных борзописцев, каких в те времена, особенно среди духовных лиц, было в России более чем достаточно» [27. S. 14].

Переписка Ягича с русскими учеными еще не исчерпана, как не исчерпаны и архивные данные о его корреспондентах, современниках, об истоках и зрелых годах русской академической науки, академической филологии, к трезвой и справедливой оценке которой мы еще только приступаем [28].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Можсаева И.Е.* Южнославянские языки. Аннотированный библиографический указатель литературы ... с 1835 по 1965 г. М., 1969.
2. Korespondencija Vatroslava Jagića. Knj. 1 / Urednik akad. P. Skok. Zagreb, 1953.
3. Письма И.В. Ягича к русским ученым. 1865–1886. М.; Л., 1963.
4. Korespondencija Vatroslava Jagića. Knj. 2. Pisma iz Rusije / Urednik akad. J. Hamm. Zagreb, 1970.
5. *Hamm J.* Vatroslav Jagić i Poljaci // Rad JAZU. Zagreb, 1951. Knj. 282. S. 75–222.
6. *Hajnc L.* Arnošt Muka a Vatroslav Jagić. Njewozjewjene listowanje mjez Muku a Jagićom w lětach 1891–1919 // Lětopis Instituta za serbski ludospyt. Budyšin, 1958. Rjad A. Čislo 5. S. 24–86.
7. Переписка А.А. Шахматова с акад. И.В. Ягичем (1881–1894) / Подг. к печати и коммент. С.А. Шахматовой-Коплан и В.Р. Лейкиной-Свирской // А.А. Шахматов. 1864–1920. М.; Л., 1947. С. 13–104.
8. *Jaguš B.* Spomeni mojeга живота. I део (1838–1880), II део (1880–1923). Београд, 1930–1934.

9. Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910 (Серия «Энциклопедия славянской филологии». Вып. I).
10. Kudělka M. Über die Auffassung der Geschichte der Slawistik bei V. Jagić in dem Werk «История славянской филологии» // Beiträge zur Geschichte der Slawistik / Herausgeber H.H. Bielfeldt und K. Horálek. Berlin, 1964. S. 34–57.
11. Српски Књижевни Гласник. Београд, 1912. Т. XXVIII. С. 32–38.
12. Jagić V. Izabrani kraći spisi. Zagreb, 1948. S. 374–379.
13. Милетич Л. Професор В. Ягич за Македонија (по неиздадени негови писма) // Македонски Преглед. Софија, 1926. Год. II. Кн. 3. С. 1–64.
14. Skok P. Jagić u Hrvatskoj // Rad JAZU. Zagreb, 1949. Knj. 278. S. 5–76.
15. Бернштейн С.Б. К истории языковедения в Одессе. Материалы для биографии В. Ягича // Труды Одесского университета. Збірник філологічного факультету. Одеса, 1940. Т. I. С. 41–56.
16. Murko M. Hlasy o Jagičově činnosti v Berlíně // Slavia. Praha, 1939. Roč. XVII. S. 310–312.
17. Jagoditsch R. Die Lehrkanzel für slavische Philologie an der Universität Wien 1849–1949 (раздел Vatroslav von Jagić, der Begründer des Wiener Seminars) // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Wien, 1950. В. I. S. 25–40.
18. Ляпунов Б.М. Краткий очерк ученой деятельности акад. И.В. Ягича // Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1901. Т. IX. С. 399–440.
19. Ягич И.В. Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской филологии // Записки Импер. Академии наук. СПб., 1885. Т. LI. Приложение № 1.
20. Сперанский М.Н. Жизненный труд и историко-литературная деятельность И.В. Ягича // ИОРЯС. Л., 1924. Т. XXVIII.
21. Jagić V. Iz prošlosti hrvatskoga jezika // Književnik. Zagreb, 1864. Sv. 1.
22. Jagić V. Izabrani kraći spisi. Zagreb, 1948.
23. Skok P. Jagić u Hrvatskoj // Rad JAZU. Zagreb, 1949. Knj. 278.
24. Jagić V. Materialien zur Geschichte der slavischen Philologie: Miklosich's Briefe an V. Jagić // Archiv. 1892. Bd. XIV. S. 300–320, 452–462.
25. Angyal Andreas. Vatroslav Jagić und seine Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte der Slawistik und der deutsch-slavischen Wechselseitigkeit im 19. Jahrhundert // Deutsch-slavische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten. Berlin, 1956. S. 579–636.
26. Murko M. Spomini. Ljubljana, 1951.
27. H(amm) J. Vatroslav Jagić i Rusija // Korespondencija Vatroslava Jagića. Knj. 2. Pisma iz Rusije / Urednik akad. J. Hamm. Zagreb, 1970.
28. Академические школы в русском литературоведении. М., 1975.

© 2013 г. Публикация С.М. Толстой*

* Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ 12-06-00048 «Мир и человек в этнолингвистическом словаре “Славянские древности” (К 90-летию со дня рождения академика Н.И. Толстого)».

Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. Сборник серии «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» / Отв. ред.: А.Е. Петров и В.А. Шнирельман М., 2011. 381 с.

За последние два десятилетия книжные магазины пополнились множеством «научно»-популярных книг, в которых подвергаются переосмыслению проблемы происхождения народов и культур, истории и векторы развития отдельных народов. Авторы этих книг, зачастую не имея специальной исторической подготовки, опираются на «свои» источники, не сопровождая их экспертной оценкой серьезных ученых. Поражая воображение обывателей, эти труды приобретают порой огромную популярность. Причины понятны – общественная потребность в сенсации, фактах, которые констатировали бы уникальность, самобытность, особость той или иной общности, ее древние корни. Научная реакция и академическая критика на подобные труды зачастую не доходит до простого читателя. Поэтому имеет огромное значение публикация сборника, дающего объективную оценку подлинности источников, используемых авторами альтернативных историй.

Сборник составлен по итогам проведенного в Российской академии наук «круглого стола» на тему «Фальсификации источников и национальные теории» (Москва, 17 сентября 2007 г.) и состоит из введения, восемнадцати статей, объединенных в три части: «Общие вопросы»; ««Влесова книга»: эволюция классической подделки»; «Подделки, альтернативная история и общество». В статьях представлены теоретические, методологические, политические аспекты фальсификации исторических источников. Завершает сборник в качестве приложения

стенограмма заседания вышеупомянутого «круглого стола».

В первой части сборника анализируется категориальный аппарат и вопросы методологии истории, определяются причины и механизмы создания подделок исторических источников, приводится теоретическое обоснование проблем. Так, например, В.А. Шнирельман отметил общественную потребность в альтернативной истории, указал на политизированность проблемы и пришел к выводу, что спрос политической элиты на этническую мобилизацию населения подвигает ее на создание мифов и фальсификаций. Он указал на важность интерпретации достоверных источников, так как они, зачастую, становятся объектом спекуляций. В.П. Козлов кратко освещает историю подлогов в России, особенности и типологию фальсифицированных источников. Также автор систематизировал правила верификации подложных документов. Л.А. Беляев написал о фальсификатах в археологии, науке наименее подверженной искажениям. В статье приведены наиболее яркие примеры подлогов и рассмотрен мировой опыт выявления фальсификаций в этой науке. Е.А. Мельникова проанализировала труды исследователей альтернативной истории (А.Т. Фоменко, Т. Хейердала, А. Асова и др.) и нашла схожие «исследовательские» методы, применяемые этими людьми. В статье аргументированно указывается на логические ошибки, упущения, искажения, некомпетентные утверждения в исследованиях авторов альтернативной истории. Обобщая свои наблюдения пе-

речисленного дискурса, Е.А. Мельникова определила признаки, характерные для мифотворчества в сфере истории. Л.Т. Яблонский подверг анализу теорию этногенеза, указал на антропологические аспекты соответствующих исследований, затронул проблему трактовки научной категории «этнос» в современной науке. Автор обратил внимание читателя на методические трудности в исследованиях по этногенезу и необходимость междисциплинарного подхода.

Вторая часть посвящена печально знаменитой «Влесовой книге». Публикацию этого источника или книгу о нем можно встретить практически в любом крупном книжном магазине. Поэтому посвящение целого раздела этому шумевшему подлогу весьма оправдано. А.А. Зализняк провел детальный анализ «Влесовой книги», осветил историю и предпосылки появления этого памятника. Автор привел многочисленные лингвистические и нелингвистические аргументы, разоблачающие подложность этого источника. В.А. Шнирельман рассмотрел историю «Влесовой книги» на протяжении последних 40 лет и выявил причины высокой популярности этой фальшивки, а также аргументированно указал на то, что данная фальсификация способствовала формированию «арийского мифа», взятого на вооружение русскими националистами. Е.В. Русина (автору не откажешь в хорошем чувстве юмора) проанализировала деятельность украинской элиты периода президентства В. Ющенко, приблизившейся к поискам и конструированию «великой» отечественной истории, мифа об уникальности украинского народа, восходящего корнями к древней трипольской цивилизации. Более того, в следующей статье В.А. Шнирельман рассмотрел историю «Влесовой книги» и ряда других фальсифицированных памятников на Украине. Автор уделил должное внимание конструированию мифов исследователями о древнем, арийском происхождении украинцев. В статье аргументированно указывается, что подобные изыскания имеют политическую подоплеку, политический заказ, направленный на формирование устойчивой украинской идентичности, которая сплотила бы общество молодого государства.

В третьей части уделяется внимание ряду фальсификатов, которые имели и имеют известность в научной среде. В.В. Эрлихман познакомил читателя с историей появления подложного памятника «Хрони-

ка Ура Линда», повествующего о древней цивилизации Атлантиды, потомками которой являются голландцы и другие «расово чистые» народы. Автор отмечает, что этот подложный документ способствовал развитию и продвижению фашистской идеологии в Европе в 30–40-е годы XX в., а также проследил ренессанс популярности этого памятника в современной России. В свою очередь М.С. Гаджиев исследовал подложный источник «Албанская книга», представил ее историю, определил основные аргументы, свидетельствующие о подлоге, а также указал, что ее появление обусловлено ростом национального самосознания лезгин и обострением этнополитической ситуации. В статье И.В. Зайцева анализируется сочинение Ибрахима б. Али Кефери «История татарских ханов, Дагестана, Москвы и народов Дешт-и Кипчака», указывается на многочисленные несуразности и алогизмы в этом труде. Автор усматривает вполне определенные цели создания фальшивки – доказать извечную агрессивность русских с целью аргументировать их территориальные притязания. Также в статье затрагивается вопрос об истинном авторе источника. М.Б. Кизилев разоблачает фальсификаторскую деятельность видного представителя караимского народа С. Шапшала. Герой статьи уличается в явных подлогах и фальсификации источников. Автор закономерно задался вопросом о мотивах, которые подвигли С. Шапшала сфабриковать источники, и высказал ряд предположений. С.М. Шамина заинтересовала судьба нескольких фальсифицированных текстов, попавших в XVII ст. в Россию через европейские газеты. Особое внимание уделяется произведению – «Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками». В статье обосновываются причины появления и популярности фальсификаций общественной потребностью, зависящей от происходящих значимых событий в истории. Также освещается реакция интернет-сообщества на легендарную переписку в нынешнее время. В коллективной статье А.Е. Петрова, Л.А. Беляева и А.П. Бужиловой исследуются причины и мотивы фальсификации обретения останков национального героя Смутного времени Ивана Сусанина представителями костромской науки. Анализируется и подвергается аргументированной критике механизм и сама возможность идентификации личности Ивана Сусанина. Авторы статьи вменили в вину исследователям исполнение

политического заказа. О.Ю. Бессмертная написала о фальсификации образа реально существовавшего писателя Кази-Бека Ахметукова. Она, в частности, указала на различное восприятие трудов этого писателя в разных регионах страны, отметила, что на Северном Кавказе конструируется особый образ Ахметукова как «самобытного национального писателя», объяснив это политическими процессами национального конструирования. Ю. Шамилогло в статье охарактеризовал процесс формирования болгарского самосознания у казанских татар, особое внимание уделил сфальсифицированному источнику «Джафгар тарихь», который явился инструментом конструирования болгарской традиции. В последней статье сборника А.Е. Петров, фактически продолжая тему Ю. Шамилогло, проанализировал эту подделку. Особое внимание автор уделил тому разделу источника, где речь идет о Куликовской битве. При этом в статье приводятся примеры наивных суждений в защиту подлинности «Джафгар тарихь» современных «независимых» ученых.

Вниманию читателей представлен интересный сборник материалов, органично структурированный, охватывающий широкий спектр вопросов в области источниковедения. Вызывает сожаление лишь

малый тираж (500 экз.). Для массового читателя практически недоступна научная значимость разоблачений популярных псевдонаучных изданий, которые опираются на сомнительные источники. Но, тем не менее, выход в свет книги вызывает определенный резонанс в заинтересованных сферах нашего общества. Так, например, директор Института древнеславянской и древнеевразийской цивилизации общественной организации «Российская академия естественных наук» (РАЕН) откликнулся «разгромной» рецензией в Интернете. В.А. Чудинов вступил в полемику с некоторыми авторами статей, где в вольной манере отстаивает достоверность критикуемых источников и упрекает коллектив авторов в непрофессиональности и непатриотичности. Подобная реакция еще раз убеждает в том, что проблема с фальсификациями и созданием альтернативной истории в нашей стране стоит очень остро и требует пристального внимания со стороны ученого сообщества.

© 2013 г. *Р.А. Старченко*

Работа выполнена в рамках проекта 6.5 по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

XXVI КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ»
ПАМЯТИ В.Д. КОРОЛЮКА

29–31 мая 2012 г. в Институте славяноведения состоялась очередная, XXVI конференция из цикла научных собраний «Славяне и их соседи», посвященного памяти известного российского палеослависта В.Д. Королюка и организуемого Отделом истории Средних веков. В конференции приняли участие специалисты различных гуманитарных дисциплин – истории, этнологии, лингвистики, археологии, культурологии, представлявшие научные институты и университеты Белоруссии, Германии, Словакии и России (гуманитарные институты РАН, Московский, Петербургский, Ивановский, Тверской, Новосибирский университеты и другие научные учреждения). Тема конференции – «Образ войны в общественной мысли славянских народов эпохи Средневековья и раннего Нового времени» предполагала преимущественное внимание ее участников к таким аспектам проблемы, как отражение в памятниках письменности, в археологических свидетельствах, в фольклорных и иных текстах славянских и других народов Европы и Азии представлений о причинах, целях и видах войн, способах их ведения, влияние культурных установок общества на восприятие и изображение войн и, напротив, влияние войн на трансформацию культурных ориентиров, изображение жизни на войне, влияние войн на общественное сознание в мирное время.

Поскольку война является одним из наиболее древних занятий человечества и одним из важнейших факторов жизни общества на разных этапах его развития, занимающим важное место в его сознании, доклады конференции охватывали как долгий хронологический период, от V до XX в., так и широкий пространственный ареал. Так, результатами исследования предметов военного назначения в погребальном инвентаре англо-саксонских захоронений V–VIII вв. поделился *Х. Херке* (Германия), который выявил среди них объекты, имевшие не практическое назначение, а игравшие роль символов, отражавших представление о войне. С другой стороны, *Т.М. Калинин* (ИВИ РАН) представила сведения о войнах хазар с арабами на Кавказе в VII–VIII вв., содержащиеся в трудах арабо-персидских авторов, и главным образом в «Книге завоеваний» Ибн А'сама ал-Куфи.

Два доклада были посвящены изображению славян времени их вторжения на Балканы в византийских источниках, и прежде всего трактовке этого сюжета авторами VI в. Прокопием Кесарийским и Псевдо-Кесарием, под пером которых славяне выступали диким народом, в чьей среде были распространены анархия, изощренные убийства, каннибализм. Поскольку наука не имеет данных о собственно славянских обычаях раннего времени, сведения, подобные сообщаемым названными авторами, использовались и используются рядом исследователей, соотносящих их с реалиями славянского быта и верований более позднего времени. Именно такой подход был использован в докладе *П.В. Шувалова* (Санкт-Петербургский ГУ), который, в частности, посчитал возможным говорить об отражении у Прокопия раннеславянского обряда принесения жертвы верховному владыке, чтобы отвести от себя смерть в военном походе. Иная методологическая позиция была представлена в докладе *В.Я. Петрухина* (Исл РАН), посвященного в основном рассмотрению информации о славяно-Кесария. Поскольку сообщаемые им сведения имеют, как показал автор, общеевропейские основы, соотносятся со стереотипными описаниями военного разгрома и с представлением о войне в архаической картине мира, Псевдо-Кесарий использовал скорее собственные стереотипы при описании вторгшихся на Балканы

варваров, и потому докладчик не посчитал возможным видеть в Псевдо-Кесарии «славянского фольклориста». Схожий подход был представлен и в докладе *Н.А. Ганиной* (МГУ), сопоставившей сведения о славянах о Рюген хронистов XII в. Гельмольда и Саксона Грамматика (в которых подчеркивались воинственность и кровожадность руян-язычников) и археологических свидетельств о них, показывающих весьма скромный уровень военного дела славянского руянского населения.

Тема войны в фольклоре, но уже в современном, нашла продолжение в докладе *О.В. Беловой* (ИСл РАН). Отмечая стойкое присутствие в современных рассказах о войне мотивов, традиционных для народной прозы более раннего времени, докладчица привела примеры нарративов, в которых война рассматривается в контексте Божьей кары, эсхатологической катастрофы. Во многих сюжетах о предвещениях войны центральной темой становится противопоставление «безбожной» власти и не оставляющей Россию милости Господней; базовым мотивом многих текстов является толкование предвещающих войну видений, в которых представлены исторические персонажи, прежде всего Сталин и Жуков.

Доклад *С.А. Иванова* (ИСл РАН) «Византийская концепция “необъявленной войны”» явился яркой иллюстрацией тезиса об изменении представлений о войне с изменением общества и общественной мысли. Автор проследил сведения об обряде объявления войны в античную эпоху, когда только объявление войны делало ее справедливой (варвары войны не объявляли), до свидетельств византийского времени, когда такое объявление приобретало пропагандистское значение. Византийские сюжеты затрагивались и в других докладах. *Л.В. Луховицкий* (ИСл РАН) рассмотрел иконоборческую и исихастскую полемику в Византии с точки зрения метафорического ее осмысления как «войны с еретиками» – от восприятия богословских споров как действительной битвы (как у Никифора в IX в.) до сложных образных рассуждений о реальных войнах и «бое без оружия» (как у Григория в XIV в.). *Л.В. Ларионова* (МГУ), исследовав канон «В сретение ратных» (списки XV–XVII вв.) и его атрибуции, высказала обоснованные сомнения в устоявшейся точке зрения о его принадлежности гимнографическому наследию константинопольского патриарха Филофея. *Л.В. Горина* (МГУ) посвятила свое выступление интерпретации сюжетов о болгаро-византийских столкновениях в Русском хронографе редакции 1512 г.

Программа конференции содержала ряд древнерусских сюжетов. Особенности функционирования в военном союзе Изяслава Мстиславича модели управления военным политическим союзом, основанной на родственных связях, были рассмотрены в докладе *М. Лавренченко* (ИСл РАН). *В. Кононович* (Белоруссия) проследил создание в Галицко-Волынской летописи образа правителя как идеального князя-воина. Изображению нашествия монголов в древнерусской литературе посвятил свое выступление *И.О. Князький* (РГТЭУ).

Проблемы, связанные с османским завоеванием, – восприятие османского нашествия, жизнь в новых условиях, представления разных социальных слоев о самих завоевателях и борьбы с ними – оказались в центре внимания историков, изучающих южнославянский регион. Болгарский эпос первых веков османского господства был рассмотрен *С.И. Муртузалиевым* (Ин-т образования и науки) как с точки зрения трансформации основных сюжетов и образов, когда мифологические образы героев-юнаков уступают место реалистичным персонажам гайдуков, так и с точки зрения воздействия этих новых образов народных героев на рост общественного самосознания болгар, понимания необходимости вооруженного сопротивления.

Проблема осмысления османского нашествия в болгарской книжности (1371–1396) анализировалась *Д.И. Польшынным* (Ивановский ГУ) в контексте устоявшейся историографической концепции, согласно которой отпор болгарских земель османам осмыслялся как война за веру. Исследование текстов разных жанров (произведения Григория Цамблака, Константина Костенечского и других авторов, грамоты, глоссы рукописей и пр.) привело автора к выводу, что на протяжении всего XIV в. турки, будучи привычными участниками балканских конфликтов, не воспринимались ни как орудие Божьего гнева, ни как воплощение эсхатологического зла. Вместе с тем автор подчеркивал, что с точки

зрения православной доктрины любая война легитимного и суверенного христианского государя против агрессора была справедливой и в этом смысле священной, однако к концу века легитимных православных правителей на Балканах не осталось, и священная война поэтому была невозможна. Существенные уточнения в этот вопрос внесла *Е.В. Белякова* (ИРИ РАН). В рамках малоизученного вопроса о влиянии канонического права на различные аспекты жизни славян она проанализировала относящиеся к поведению на войне статьи из сборника XIV в. «Зинар», вышедшего из тырновского скриптория. Автор определила, что каноны устанавливали нормы отрицательного отношения к убийству на войне и тем самым ограничивали саму возможность сакрализации войны. Тема священной войны в памятниках славянской книжности периода османского завоевания была подхвачена *А.А. Турилым* (ИСЛ РАН), пришедшим к иным выводам. Выявляя «образы войны» в сербских (главным образом агиографических) текстах XIII–XV вв., автор обратил внимание на то, что основным образцом, на который ориентировались сербские книжники при изображении сербских побед или поражений, были соответственно библейские тексты и Апокалипсис, что, по мнению автора, может объяснять трактовку войн, ведшихся сербскими правителями, как священных.

Доклад *А.А. Сафонова* (ГУ ВШЭ) был посвящен ситуации в османской Македонии XVI–XVII вв. Автор отметил, что эффективность государственного управления во многом определила лояльность здесь христианского населения, но при внешней стабильности внутренний кризис македонского общества проявлялся в многочисленных локальных конфликтах, выход из которых оно находило само, используя круговую поруку и кровную месть. Восприятие этих конфликтов в источниках разных жанров и оказалось в центре внимания автора. *И.А. Запольский* (ИСЛ РАН) выявил в текстах, относящихся к истории усково (славян, переселившихся с территорий, занятых Османской империей, на земли империи Габсбургов и Венецианской республики и участвовавших в борьбе с турками), их представления о своеобразном военном кодексе чести, составляющими которого были преданность войску и семье, верность воеводе, готовность к смерти в бою, месть предателям и пр. *И.Г. Воробьева* (Тверской ГУ) рассмотрела особенности описания Кандийской войны далматинским автором XVII в. Павлом Андрейсом.

Турецкая тема была затронута и *Л.И. Сазоновой* (ИМЛИ) в докладе, посвященном анализу восточнославянской поэзии раннего Нового времени с точки зрения развития в ней образов войны и мира. Автор, в частности, отметила осуждение кровопролития и представление о мире как идеальном состоянии общества в произведениях Симеона Полоцкого, утверждение в связи с началом русско-турецких войн нормативного идеала правителя как защитника страны, восприятие поэтами XVII в. этих войн как противостояния «верных» (православных) и «неверных».

Два доклада были посвящены анализу западноевропейских взглядов на войну. *Д.Э. Харитонович* (ИВИ РАН) в связи с исследованием отношения к войне тамплиеров представил широкую панораму средневековых представлений о рыцарской орденской идее, о войнах справедливых и несправедливых, священных войнах, особое внимание было обращено на появлении (ок. 1300 г.) понятия «законной» войны, т.е. ведущейся в защиту не религиозных ценностей, а законности и права. Анализ европейской политической мысли XII–XIII вв. в контексте проблемы восприятия подданными тиранической власти и попытках ее низложения содержался в докладе *А.К. Гладкова* (ИВИ РАН). Автор пришел к выводу, что свержение тирана не являлось преступлением ни с точки зрения средневекового правосознания, ни с позиции христианской этики, но напротив, понималось как разновидность «священной войны», направленной на восстановление в государстве мира и справедливости.

Материал этих докладов представил тот широкий культурный контекст, в котором развивались представления о войне на западнославянских территориях. Основное внимание богемистов было обращено на представления о войнах в памятниках гуситского времени. *Г.П. Мельников* (ИСЛ РАН) проанализировал широкий спектр оценок гуситских войн, содержащихся в произведениях их участников и свидетелей (до конца XV в.). Показав, что

в целом интерпретация войн строго детерминирована их конфессиональной принадлежностью, автор, в частности, отметил характерное для гуситских авторов понимание самой войны как «священной», а гуситского войска как «божьих воинов», включение в сугубо религиозную мотивацию войны социальных аспектов (проблема равенства) и политических требований (учет интересов сословий), наличие мистического понимания войны как пролога апокалипсиса и пр. Специфическое преломление понимания «справедливой» (*bellum iustum*) и «священной войны» (*bellum sacrum*) в произведениях гуситских идеологов университетского круга (Якоубек из Стржибра, Ян Пршибрам и др.) нашло отражение в докладе *А.В. Рандина* (Словакия), заключившего, что в центре дискуссий о войне на рубеже 1419–1420 г. находился вопрос о легитимной светской власти. Официальные власти, в том числе и правитель, представлялись настолько враждебными «божьему закону», что массы верующих наделялись легитимным правом защищать евангельские истины с оружием в руках. Взгляды и судьба одного из гетманов гуситского войска, происходившего из семьи обедневших дворян Яна Чапека из Сан, были рассмотрены *Л.М. Гаркушей* (МГУ).

Широкий хронологический охват и жанровое разнообразие привлекаемых источников отличали исследования польского материала. Анализу образов войны в польских хрониках XII–XIV вв. был посвящен доклад *Б.Н. Флори* (ИСл РАН). Автор выявил в хронике Галла Анонима различия в описаниях походов княжеской дружины на земли соседей и изображении военных действий против внешних захватчиков, угрожавших суверенитету Польши; дальнейшее сопоставление текста Анонима с описаниями Винченца Кадлубка позволило проследить изменения взглядов на войны в эпоху политического распада Польского государства.

Исследование *Д.В. Карнауховым* (Польша) сочинений польских хронистов XII–XIV вв. дало автору основание говорить о том, что ключевым элементом польской исторической мифологии стало польско-русское военное противостояние, позволявшее обосновать право Польши на земли своих восточных соседей. Эта тема нашла хронологическое продолжение в докладе *О.Б. Неменского* (ИСл РАН), рассмотревшего трактовку войн в русско-польских отношениях православными и униатскими полемистами Речи Посполитой первой половины XVII в. *В.В. Мочалова* (ИСл РАН) собрала и проанализировала комплекс разножанровых литературных и живописных произведений XVII–XIX вв., посвященных польско-литовскому полководцу Яну Каролу Ходкевичу (1560–1621) и представляющих его в разных культурных перспективах – античной, библейской, сарматской и пр. Военный быт, повседневная жизнь на войне в изображении ее участников – комплекс связанных с этим проблем привлек внимание *Л.А. Софроновой* (ИСл РАН), которая рассмотрела их на примере «Записок» Я.Х. Пасака (1636(?)–1701), участника польских походов в Данию и кампаний против Москвы.

О.А. Акимова (ИСл РАН) проследила развитие в хорватских и далматинских источниках XII–XIV вв. сюжета об установлении в Хорватском государстве на рубеже XI–XII вв. власти венгерского короля – от изображения его как завоевателя до представления о мирном соглашении с венгерским королем представителей хорватской знати.

Нетривиальный аспект предложенной темы был найден *О.В. Хавановой* (ИСл РАН), проследившей офицерские карьеры габсбургской армии XVIII в., выявившей их особенности в военное и мирное время, их широкий политический и социальный контекст, обусловленность личными мотивами, идеальные представления о военной службе и реальные ее условия.

В целом доклады конференции, а также дискуссии в ходе их обсуждения позволили составить представление о том, как в разных обществах и разных общественных слоях складывалось свое отношение к войне, свои образы войны и как они развивались во времени. Эти материалы были опубликованы в сборнике «Образ войны в общественной мысли славянских народов эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции». М., 2012.

РОССИЙСКО-ВЕНГЕРСКО-АВСТРИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
 «РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И МОНАРХИЯ ГАБСБУРГОВ
 В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН»

2012 год в Российской Федерации стал временем памятных мероприятий по случаю 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. Научное сообщество откликнулось на это событие международными, российскими, региональными конференциями, на которых сакральные страницы национального нарратива – борьба русского народа с Великой армией Наполеона Бонапарта – вновь оказались в центре внимания историков, военных историков, литературоведов, фольклористов, краеведов. Несомненный интерес в этой связи представляют международные конференции, где в диалоге экспертов из разных стран нередко проявляются различия в исследовательской методологии, в оценке одних и тех же событий или личностей, преимущественном внимании к тем или иным эпизодам Наполеоновских войн.

Одним из таких научных событий стала российско-венгерско-австрийская конференция «Российская империя и монархия Габсбургов в эпоху Наполеоновских войн», прошедшая 11–12 октября 2012 г. в Москве и организованная Венгерским культурным, научным и информационным центром и Институтом славяноведения РАН при участии Австрийского культурного форума и поддержке Комиссии историков России и Венгрии. Выступившие на открытии конференции дипломаты – чрезвычайный посланник Венгерской Республики *Ф. Надь-Ребек* и атташе по культуре и директор Австрийского культурного форума *С. Мраз* – подчеркнули, что таким образом ученые из Венгрии и Австрии выражают уважение к значимой для российского общества памятной дате.

Координаторы конференции с российской (*О.В. Хаванова*, ИСл РАН) и венгерской (*А. Шереш*, Венгерский архивный ин-т) стороны отметили, что соседство двух континентальных империй в программе конференции не случайно. Российская империя и монархия Габсбургов имели много общего в опыте борьбы с Наполеоном. Обе активно участвовали в коалициях против Бонапарта и заключили с ним мир. Москва пережила французскую оккупацию, Вена – проживание «тирана» в одном из своих ближних предместий. Для русского общества и для народов, населявших монархию Габсбургов, контакты с французской цивилизацией, даже в контексте геополитического вооруженного конфликта, означали осмысление опыта и итогов Французской революции, постановку задач достижения гражданского равенства, создания национальных сообществ по «заразительному» примеру Франции.

Работа первой секции конференции была посвящена дипломатическим, социальным, финансовым аспектам истории двух империй в период Наполеоновских войн. *Е.В. Котова* (Ин-т всеобщей истории РАН) в докладе «Россия и Австрия накануне и во время войны 1812 года» показала сложную дипломатическую игру канцлера К. Меттерниха, лавировавшего – во имя спасения владений Габсбургского дома – между императором Александром I и Наполеоном Бонапартом. *С.В. Польской* (Самарский гос. ун-т) в докладе «Двор, придворное общество и политическая сфера в России на рубеже XVIII–XIX вв.» сосредоточил внимание на качественных изменениях в характере русского двора, постепенном превращении придворного общества в светское, перемещении публики из дворца в аристократические салоны и гостиные. *Я. Поор* (Будапештский ун-т им. Л. Этвеша) в докладе «Венгерская общественность о Наполеоновских войнах» поставил вопрос о степени независимости венгров в оценках политической роли, которую французский полководец мог сыграть в судьбе родины. Ответ историка оказался негативным: общество «дрейфовало в потоке событий», то славя Бонапарта как освободителя от ярма Вены, то клеймя его как захватчика, то участвуя в походе против России, то торжествуя победу над тираном. *И. Шоош* (Ин-т истории ВАН) в докладе «Венгерское королевство в годы Наполеоновских войн и кампания 1812 года» напомнил, что страна в полной мере разделила бремя расходов, которые несла Австрийская империя как в годы участия в коалициях против Наполеона, так и в качестве дипломатического и военного союзника Бонапарта. Венгерские военные

подразделения участвовали в его русской кампании и, хотя не принимали участия в решающих сражениях, смертность от ранений и болезней была высока. *Л.П. Марней* (ИСл РАН) в докладе «К истории наполеоновских фальсификаций российских ассигнаций» познакомила слушателей с развернутой Наполеоном финансовой войной против России. Несмотря на комплекс мер, призванных наводнить Российскую империю фальшивыми банкнотами, своевременные шаги правительства свели введение таких купюр в оборот к минимуму.

Работа второй секции была посвящена образу Отечественной войны 1812 г. в прессе, публицистике и художественной литературе. *А. Зайдлер* (Венский ун-т) в докладе «Наполеоновские войны на страницах газеты “Прессбургер цайтунг”» рассмотрела информационные поводы, в связи с которыми на страницах этой влиятельной газеты, издававшейся в административной столице Венгерского королевства Прессбурге (совр. Братислава в Словакии), в 1812 г. упоминались Российская империя и русская армия. Особый интерес исследовательницы вызвала перепечатка текстов пропагандистских обращений русской и французской армий друг к другу с призывом сложить оружие. *Г. Маринелли-Кёниг* (Ин-т истории культуры и театра ААН) в докладе «Духовная и общественная жизнь Российской империи в 1800–1820 гг. в зеркале венской журналистики» вышла далеко за пределы означенной темы. Она не только систематизировала упоминания о России в венской периодике, но и попыталась оценить, какое место заняло в коллективной памяти австрийцев пребывание Наполеона в Вене (по выводам ученой, довольно скромное). *Н.М. Филатова* (ИСл РАН) в докладе «Россия в политической пропаганде Герцогства Варшавского в период кампании 1812 г.» проанализировала арсенал образов России, часто резко негативных, которые создавали польские полемисты в период, когда в обществе возродились тщетные надежды на восстановление территориальной целостности Речи Посполитой. *Е.Н. Марасинова* (ИРИ РАН) в докладе «Образ австрийцев в романе Л.Н. Толстого “Война и мир”» обратила внимание на картины Австрии и сцены с участием австрийских генералов К. Мака и Ф. Вейротера в романе. Сравнив литературный текст с имеющимися в распоряжении современных историков (но не Л.Н. Толстого) документальными свидетельствами – письмами М.И. Кутузова, записками А.П. Ермолова и императора Александра I – историк пришла к выводу о высокой достоверности художественного вымысла великого русского писателя.

Во второй день работы конференции был проведен «круглый стол» военных историков. *Б. Лазар* (Ин-т военной истории Министерства обороны Венгрии) в докладе «Военное сотрудничество между монархией Габсбургов и Российской империей в 1799 г.» выявил болевые точки во взаимодействии австрийской и русской армий во время Второй коалиции против Наполеона. Он показал, как чуждый австрийцам стиль ведения войны, продемонстрированный А.В. Суворовым, несмотря на вызывавшие восхищение победы, привел к соперничеству за лидерство, нежеланию согласовывать действия и тем более подчиняться русскому военачальнику. *И. Надь-Луттенбергер* (Мемориальный музей К. Эстерхази в Папе) в докладе «Военно-стратегический шедевр или профанация? План Франца Вейротера» всесторонне рассмотрел замысел австрийского генерала в битве при Аустерлице (1805) и его осуществление. Ученый пришел к выводу, что плохо организованное сообщение между флангами коалиционной армии и тактический гений Наполеона, сумевшего обратить себе на пользу рельеф местности, предрешили поражение австро-русских войск. Сходный по проблематике доклад «Березинская операция 1812 г.: замысел и реализация» на российском материале представил *С.В. Шведов* (Музей истории города Москвы). На основании сопоставительного анализа сведений о сражении он пришел к выводу, что в неудаче виноват не адмирал П.В. Чичагов, но отсутствие согласованных действий армии и воли к победе. *И. Янек* (Ин-т истории ВАН) в докладе «Русские войска на территории Венгерского королевства (1798–1799, 1805, 1809 гг.)» продемонстрировал, как менялось отношение к русским в зависимости от фазы войны: если марш россиян через венгерские территории в 1799 г. сопровождался восторженными отзывами в прессе и многочисленными свидетельствами благорасположенности политических кругов и местного населения к северному соседу, то после поражения под Аустерлицем изможденная военными расходами страна желала как можно скорее избавиться от постоя на ее территории потерявшего боевой дух русского войска.

Три доклада были посвящены социокультурным аспектам военной истории. *В.П. Томфалушин* (Саратовский гос. ун-т) в докладе «Подданные Австрийской империи в саратов-

ском плену, 1812–1814 гг.» рассказал о мерах по полицейскому надзору за иностранными подданными на территории Российской империи, вступивших в силу с началом похода Наполеона на Россию, о выходах из Австрийской империи на саратовской земле по материалам областных и центральных архивов. *Е.В. Лобкова* (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Отношение русского офицерства к заграничному походу 1813–1814 гг. с акцентом на территорию монархии Габсбургов» представила тематический обзор мемуаров, написанных офицерами, сражавшимися с Бонапартом за пределами России. Историк отметила точность в описании природных ландшафтов и обычаев местного населения, интерес молодых дворян к преобразованиям Наполеона на оккупированных территориях, их критическое осмысление. *С.А. Малышкин* (Российский гос. ун-т туризма и сервиса) в докладе «Русский военный историк А.И. Михайловский-Данилевский в Венгрии» осветил обстоятельства визита Александра I в королевство, характер встреч с представителями различных социальных слоев, этнических групп и конфессий. Ученый задался вопросом, какое влияние сведения и впечатления, полученные во время путешествия, оказали на формирование личности молодого Михайловского-Данилевского – в будущем выдающегося военного историка, сенатора, председателя Военно-цензурного комитета.

Работу секции сопровождали оживленные дискуссии, в которых поднимались следующие вопросы: степень изученности дипломатических отношений эпохи и возможность обнаружения новых документов, способных скорректировать позиции национальных историографий, отношение Наполеона к польскому вопросу и судьба Герцогства Варшавского, политические последствия династического брака между эрцгерцогом Иосифом и великой княжной Александрой Павловной, место Наполеоновских войн в исторической памяти народов Центральной и Восточной Европы, социокультурные аспекты изучения истории армии и офицерства. Активными участниками дискуссий стали *С.Г. Нелипович* (Архивный отдел управления делами администрации городского образования Балашиха), *О.Н. Захарчук* (Национальный авиационный ун-т, Киев), *С.М. Фалькович* (ИСЛ РАН), *В.Ф. Колязин* (Гос. ин-т искусствознания) и др.

2013 г. *О.В. Хаванова*

Славяноведение, № 2

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ В ЛИТЕРАТУРАХ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН»

5 июня 2012 г. в рамках Дней славянской культуры и письменности и в честь 200-летия Бородинского сражения Центром истории славянских литератур Института славяноведения РАН был проведен «круглый стол» на тему «Наполеоновские войны в литературах западных и южных славян».

Как отметила во вступительном слове руководитель Центра *Л.Н. Будагова*, особый интерес по этой теме для литературоведов представляет след, который оставил в истории, искусстве, литературе не только, и может быть не столько ход военных действий и их последствия, сколько человек, который эти войны спровоцировал, вел, которые сопровождалось его победами и поражениями, выигранными и проигранными им битвами, но закончились для него жизненным крахом, разгромом, изгнанием, преждевременной смертью. Проиграв как политический деятель и как полководец, военачальник, Наполеон I выиграл как историческая личность, навеки вписав свое имя в историю и культуру, обзаведясь почитателями, поклонниками, лоббистами. Именно он – инициатор прокатившихся по Европе конца XVIII и начала XIX в. войн – стал героем «круглого стола» об отзвуках наполеоновских войн в литературах западных и южных славян. Образ Наполеона I оставил в русской прозе и особенно поэзии XIX в. (творчестве Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Вяземского, Хомякова, Рылеeva, Тютчева и др.) значительный след и достаточно изучен. Гораздо меньше известно, какой отклик наполеоновские войны

и их инициатор Наполеон I Бонапарт получили в литературах западных и южных славян, и именно этот пробел призван был восполнить «круглый стол».

В докладе *Л.Н. Будаговой* «Отголоски наполеоновских войн в творчестве Франтишка Ладислава Челаковского (1799–1852) и Йозефа Сватоплука Махара (1864–1942)» речь шла о деятеле эпохи национального возрождения, когда популярна была идея славянской взаимности и в чешском обществе преобладало позитивное отношение к России. В наполеоновских войнах деятели национального возрождения, не испытывая ненависти или неприязни к Наполеону, все-таки с радостью воспринимали победы русского оружия. С другой стороны, сокрушительный разгром Наполеона русскими войсками способствовал росту национального самосознания у чехов, словаков, сербов, болгар, серболужичан. «Пожар Москвы озарил всю Россию и все славянство» (Ф.Л. Челаковский). Наиболее непосредственно выразил свое отношение к Отечественной войне 1812 г. Челаковский в сборнике «Эхо русских песен». Менее известно отношение к наполеоновским войнам и Наполеону поэта рубежа веков, представителя Чешской модерна и одного из авторов Манифеста чешской модерна Йозефа Сватоплука Махара, совсем не такого восторженно-го, как Челаковский, хотя тоже большого и искреннего русофила. Наполеоновские войны сфокусировались и для него, как и для многих, в личности Наполеона. Деромантизация и деидеализация действительности, настоящего и прошлого можно считать фирменным знаком творчества Махара. Он полностью сохраняет историческое величие Наполеона, но одновременно точно определяет смысл этого величия.

В продолжение чешской темы в докладе *И.А. Герчиковой* было показано восприятие в чешских хрониках и романе Иржи Штолы «Цыпленок на вертеле» Аустерлицкой битвы, одной из крупнейших битв наполеоновской эпохи, вошедшей в историю как «битва трех императоров», поскольку против армии императора Наполеона I в этой битве сражались армии австрийского императора Франца II и русского – Александра I. Произошла она 20 ноября (2 декабря) 1805 г. около моравского городка Славков-у-Брна. Союзная армия насчитывала около 85 тыс. человек (60-тысячная армия русских, 25-тысячная австрийская армия) под общим командованием генерала М.И. Кутузова. Поскольку в битве 1805 г. участвовали сотни тысяч военных, то сама площадь сражения охватывала порядка 120 км² и примерно 25 чешских городков и деревень. Многочисленные хроникеры (писавшие в основном по-немецки) описывали события, происходившие в непосредственной близости, и приводили сведения, но не о самой битве, а, скорее, о ее последствиях для местного населения, принявшего на себя все тяготы военного времени. Хроники Уезда у Брно, Дрнгольская, Ланжготская (единственная из обнаруженных на чешском языке) и другие, авторами которых являлись приходские священники, оставили нам уникальное свидетельство о раненых, убитых русских, французах, занесенных волей истории в маленькие чешские деревни, ставшие свидетелями событий вселенского масштаба. Литература об Аустерлицкой битве на чешском насчитывает несколько книг, самыми интересными из которых являются произведения Алоиза Словака «Битва у Славкова» (1898), Эмила Калаба «Битва трех императоров» (1928), Душана Углиржа «Солнце над Славковым» (1984) и Иржи Коваржика «Наполеоновские походы. Первые победные годы» (2003). Как видно, тема до сих пор остается актуальной. Но если эти произведения прежде всего документального характера, роман Иржи Штолы «Цыпленок на вертеле» (1974) – художественное произведение, одно из самых значительных в исторической чешской прозе, показавшее судьбу «маленького человека», попавшего под жернова наполеоновской мельницы и не устоявшего перед этой машиной.

О современном авторе, скорее уже не чешском, а французском, – Милане Кундере и его видении роли исторической личности (в данном случае Наполеона и Гёте) рассказано в докладе *С.А. Шерлаимовой*, затронувшей тему роли личности в истории и освоение ее Кундерой.

Не только в прозе, но и в поэзии нашли отражение наполеоновские войны. В докладе *Н.В. Шведовой* освещено отношение словацких писателей первой половины XIX в. к военным событиям и личности Наполеона. Я. Коллар поэтизировал московский пожар 1812 г. как символ свободы. Словацкие романтики Л. Штур, Я. Краль, В. Паулини-Тот в своих стихах оценивали Наполеона как выдающегося деятеля, изменившего соотношение сил в мире.

Наполеоновские войны не затронули непосредственно югославянские народы. И все же, как было показано в следующих докладах, они не остались в стороне. Неоднозначно

воспринимали славяне наполеоновские войны. Некоторые надежды на автономию появились у отдельных славянских народов в период наполеоновских войн, когда французский император, например, отобрал у Австрии Словению, включив ее вместе со значительной частью Хорватии в образованные им так называемые Иллирийские провинции, где действовал кодекс Наполеона (1806–1815) и развивалась национальная культура, школы и газеты. В 1806 г. пал Дубровник, и на захваченных территориях была образована провинция Иллирия. Дубровник стал символом борьбы за национально-освободительное движение в 1830–1840-е годы XIX в. В докладе *Г.Я. Ильиной* рассмотрена трилогия «Дубровницкая хроника» хорватского автора Иво Войновича. Поставленная по ней пьеса (1902) до сих пор необычайно популярна. Трилогия охватывает целое столетие, и особый интерес представляет для тематики «круглого стола» ее первая часть, где показана гибель дубровницкой аристократии и ренессансной культуры вообще с идеализацией Дубровницкой аристократической республики.

В докладе *М.Г. Смольяниновой* «Смольяниновы в войне с Наполеоном» были представлены интереснейшие факты участия древнего российского рода, восходящего к XVI в., в войне с французскими захватчиками. Восемь человек из рода Смольяниновых – среди них Сергей Иванович (1792–1812), Константин Андреевич (1783–1812), Апполон Андреевич (1777–1812) – убиты на Бородинском поле, Яков Андреевич (1798–1857), Дмитрий Андреевич (1792–1824) были ранены. А имена Смольяниновых Николая Дмитриевича, Михаила Дмитриевича, Якова Андреевича были высечены на мраморной плите в Храме Христа Спасителя в Москве на память потомству. В период наполеоновских войн Болгария, находившаяся уже 400 лет под турецким игом, была солидарна с Россией, на которую она возлагала надежду на освобождение от турецкого гнета. Хотя русские войска заняли почти всю северную часть Болгарии, надвигавшаяся война с Наполеоном заставляла русскую дипломатию быть уступчивой. Россия не могла одновременно воевать с французами и турками. В русско-турецкую войну 1806–1812 гг. храбро сражался Павел Андреевич Смольянинов (1788–1859), о чем подробно говорится в докладе.

В выступлении *И.И. Калиганова* отмечалось, что наполеоновские войны определенным образом отразились на умонастроениях балканских славян, укрепив в них стремление к свободе. Умы балканских славян, видимо, будоражила мысль о возможном конце османского гнета, особенно если Наполеон и русский император Александр I решат вдруг объединиться и обернуть оружие против турок. О всплеске свободолюбивых настроений у славян на Балканах говорит, например, начало в 1805 г. сербского восстания или написание болгарским епископом (духовным лицом!) Софронием Врачанским воззвания к болгарам с призывом оказывать помощь русским войскам, приблизившимся к границам Османской империи. Это воззвание отрезало Софронию Врачанскому путь к отступлению, оно свидетельствует о сдвиге в сознании ряда болгар, готовых сжечь за собой мосты на пути к свободе.

Среди наиболее значительных событий в освободительной борьбе не только болгар, но и южных славян вообще в первой половине XIX в. называют сербские восстания 1804–1813 гг. и 1815 г., положившие начало обновлению государственности сербов. Победа русских над Наполеоном и просто сражения с ним вдохновляли сербов на национально-освободительную борьбу, о чем сообщила в своем докладе *Р.Ф. Доронина*. Наполеон не стал героем (и вообще «действующим лицом») в сербской литературе. Но время наполеоновских войн совпало в истории народов Балкан с величайшим событием в освободительной борьбе сербов против многовекового османского ига – Первым сербским восстанием 1804–1813 гг, руководителем которого стал Карагеоргий (Георгий Пётрович), известный русскому читателю по «Песням западных славян» Пушкина. Само восстание названо в исторической литературе «национальной революцией сербов» (см. «Двести лет новой сербской государственности». СПб., 2005). Дух свободы способствовал созданию уникальных произведений в литературе и фольклоре. К 1804 г. относится «Песня на инсurreкцию сербов» выдающегося просветителя Досифея Обрадовича. И в том же году слепой гуслир Филипп Вишнич сочинил одну из лучших песен богатейшего сербского фольклора «Начало восстания против дахийцев». Поэтической хроникой борьбы сербов за свободу стала обширная поэма «Сербиада» (1826) Симы Милутиновича Сарайлии. Важное место заняла в ней русская тема и прежде всего та помощь, которую оказала повстанцам Россия. Автор – свидетель совместной борьбы против турок повстанцев и русской армии, восторженно отзывался о русских солдатах. «Светозарная душа!», –

называл он Багратиона, командующего Дунайской армией. Милутинович был учителем будущего владыки Черногории Негоша. В одной из своих первых книг «Цетиньский отшельник» (1834), где были опубликованы в знак глубокой благодарности Негоша за прием в России оды в честь царя и приближенных, нашлось место и для стихов другого жанра, в частности для сатирического стихотворения-басни «Орел и петух», высмеивавшей поход Наполеона в Россию. Свое великое сочинение «Горный венок» (1847) Негош посвятил Карагеоргию.

«Круглый стол» показал, что затронутая тема имеет множество интересных и неизученных аспектов и стал стимулом для ее дальнейшего более глубокого изучения.

© 2013 г. *И.А. Герчикова*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Petrukhin V.Ya.</i> (Moscow). The Kievan uprising of 1113 and the Jewish pogrom (as interpreted by Vasily Tatishchev)	3
<i>Turilov A.A.</i> (Moscow). Was the translator of Simeon's age Presbyter Grigory a monk?.....	12
<i>Kochegarov K.A.</i> (Moscow). To the history of Hetman Petr Doroshenko's stay in Russia in 1677–1685.....	17
<i>Tayrova-Yakovleva T.G.</i> (St.-Petersburg). Concepts of being a subject of the Russian Tsar among the Cossack elite	34
<i>Kiselev M.A., Lazarev Ya.A.</i> (Yekaterinburg). Historiographic ghost of the «Ukrainian Division»: concerning the Russian-Ukrainian relations in 1706–1708	41
<i>Sazonova L.I.</i> (Moscow). Wedding ceremonies of the first Russian tsars from the House of Romanov	51
<i>Kowalska E.</i> (Bratislava). Tradition of the national Saints Cyril and Methodius: emergence and use in political propaganda of Slovak nationalism.....	68
<i>Yassinskaya M.V.</i> (Moscow). «To see no daylight» (the motive of eyes and eyesight in the formulas of South-Slavic curses)	79

REPORTS

<i>Khoroshkevich A.L.</i> (Moscow). The War of 1812 and the idea of Slavic unity.....	90
<i>Shvedova N.V.</i> (Moscow). Napoleon in Slovak poetry of the first half of the nineteenth century	95
<i>Khazanova M.I.</i> (Moscow) Communication rules on the Ukrainian-language Internet-forums and verbal aggression	101

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Tolstoy N.I.</i> (Moscow). Correspondence of Ignati Jagić with Russian philologists in the late 1880es	106
---	-----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Starchenko R.A.</i> Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. Сборник серии «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»	114
---	-----

SCHOLARLY LIFE

<i>Akimova O.A.</i> The XXVIth Conference «Slavs and their neighbours» in memoriam Vladimir Korolyuk	117
<i>Khavanova O.V.</i> Russian-Hungarian-Austrian conference «The Russian Empire and the Habsburg Monarchy in the age of Napoleonic wars»	121
<i>Gerchikova I.A.</i> «Roundtable» «The Napoleonic wars in the literatures of Western and Southern Slavs»	123

Сдано в набор 30.11.2012 Подписано в печать 08.02.2013 Формат 70 × 100¹/₁₆
Цифровая печать Усл.печ.л. 10.4 Усл.кр.-отг. 2.8 тыс. Уч.-изд.л. 12.1 Бум.л. 4.0
Тираж 259 экз. Зак. 998

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6